ВОЙНА И МЫ

Артем ДРАБКИН

Я дрался на «Тигре»

Немецкие танкисты рассказывают

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В НОВОЙ книге ведущего военного историка собраны интервью немецких танкистов, от рядовых до знаменитого панцер-аса Отто Кариуса. Им довелось воевать на всех типах танков – от легких Pz.II и Pz-38(t) и средних Pz.III и Pz. IV до тяжелых «Пантер», «Тигров» и «Королевских Тигров», а также на самоходках, «штугах» и «ЯгдТиграх». Они прошли через решающие сражения Восточного фронта – от границы до Москвы и от Курской Дуги до Берлина. И все они, вспоминая войну против России, твердят об одном: «ЭТО БЫЛ АД!»

- Артем Драбкин
  -
  - Отто Кариус
  - Людвиг Бауэр
  - Альфред Руббель
  - Курт Гэчманн
- notes
  - 1
  - 2

Артем Драбкин
Я дрался на «Тигре». Немецкие танкисты рассказывают

© Драбкин А., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

* * *

Отто Кариус

– Здравствуйте! Да вы еще и с моей фотографией! Ochen' khoroscho! Это же фотография динозавра! Ochen' khoroscho!

– Для своих лет вы очень хорошо выглядите, так что вы не динозавр.

– Запись все время работает? Тогда мне нужно вести себя прилично.

– Вопросы, которые мы зададим, это не только наши вопросы, это вопросы большого сообщества русских любителей военной истории, которые читали вашу книгу и хотят уточнить детали, особенно относящиеся к первому периоду войны.

Хотелось бы начать разговор с того самого боя в Малиново. У нас есть две фотографии…

– Малиново! О да.

– В этот день там погибли два Героя Советского Союза, оба были командирами батальонов. У меня есть фотографии этих двоих, и я бы хотел, чтобы вы на них посмотрели. Может быть, вы кого-то вспомните. Один из них сгорел в танке, а второй…

– Сразу могу сказать, что я их не видел.

– Но того, который застрелился, вы видели?

– Нет. Солдаты видели, они потом мне рассказали. А я сам не видел.

– У вас в книге написано, что вы видели награду?

– Лично не видел. Но те, кто докладывал, сказали, что оставили награду на погибшем. Ее никто не снимал! Мы так никогда не поступали. Этим потом занимались американцы – они снимали все подряд.

Я не воевал ни с погибшими, ни с пленными. Более того, я не стрелял, если танк противника уже побежден и экипаж покинул его. Мы были очень потрясены, когда узнали, что в современном Бундесвере молодые танкисты упражняются воевать с экипажем, после того как он покинул танк. У меня в роте это было не принято.

В Дюнабурге [Даугавпилс] мне запомнился один пленный, который потерял ногу. Я предложил ему сигарету. Он ее не взял,

а одной рукой сам свернул себе самокрутку.

Я никогда не понимал, как они это делают. Makhorka! Они были немного примитивные. В основном пехота, разумеется. Технические войска уже никак нельзя назвать примитивными.

Многие сотни русских погибли совершенно бессмысленно, потому что их необдуманно бросили в бой. Например, наступая через Нарву. 500–600 человек погибали каждую ночь… Они лежали там на льду. Это же чистое безумие.

У нас такое происходило реже. Мы не могли позволить себе подобной роскоши, потому что у нас было намного меньше людей. Но тоже случалось, что от батальона после атаки оставалось 10 человек. От целого батальона!

– Вернемся в 1940 год. В Шлезвиг-Гольштейне вы обучались на заряжающего?

– Да, тогда я был рекрут. Отрабатывали все, что нужно заряжающему танкового орудия. Сверх того существовала обычная армейская подготовка – строевая, приветствие и прочее. И еще отрабатывали то, что необходимо для выживания. Почему я еще жив, так это благодаря тем тренировкам.

– Как командир танка давал вам команды – руками, голосом или через переговорное устройство?

– У нас имелось радио. А вот у наших противников связь была намного хуже. Как с точки зрения техники, так и по профессионализму персонала. Если бы было по-другому, то мы бы проиграли войну уже в 1942 году. Ну и конечно, у русских были проблемы в руководстве и в поведении отдельных членов экипажа танка. Я ни разу не видел, чтобы русский командир танка выглядывал из люка во время боя. Это было нашим счастьем и несчастьем нашего тогдашнего противника.

– Что входило в обязанности заряжающего во время марша?

– Заряжающий должен следить за тем, чтобы пушка была вовремя заряжена, а пулемет не имел задержек. Если случались задержки, заряжающий должен уметь быстро их устранить. Заряжающий – это несчастный человек, который ничего не видел и не понимал, что происходит. В чешском танке Pz-38 (t) вообще ничего не видно, да и в «Тигре» тоже.

– Как вы убирали смазку со снарядов?

– Ничего подобного не делалось. Снаряды заряжались такими, какими поступали к нам.

– Снаряды вы должны были укладывать?

– Да. Они находились в укладке. В боеукладке «Тигра» 98 снарядов. А в чешском танке было еще меньше.

– Сколько бронебойных снарядов и сколько фугасных было в Pz-38 (t)?

– В чешском танке применялось только два вида снарядов: бронебойные и осколочно-фугасные. У нас обычно было 50 на 50. Каждый экипаж сам решал, сколько каких снарядов ему брать. Это в основном зависело от командира.

– Насколько Pz-38 (t) был хорош для войны в России?

– Совсем не годился. Экипаж этого танка состоял из четырех человек. Командир должен руководить, стрелять и наблюдать. Для одного командира это слишком много. А если он еще и командир взвода или роты – это уже практически невозможно, потому что у каждого только одна голова. Чешский танк хорош только для маршей. Нижняя часть, до пояса, у него очень удачная. Полуавтоматические планетарные передачи, крепкая ходовая. Чудесно! Но только для того, чтобы ездить!

Сталь тоже была плохая. Пушка в 3,7 сантиметра против Т-34 слишком слаба.

Если бы тогда русские находились не в стадии перевооружения, а Т-34 появился бы у них немного раньше и если бы им правильно управляли, то война закончилась бы в 1941 году, самое позднее – зимой.

– Вы помните первый бой с Т-34? Вы осматривали его после боя, залезали вовнутрь?

– Мы не были передовой частью. Передовые части воевали с Т-34, а мы про него только слышали. Слушали и ужасались. Для нас было необъяснимо, почему это явилось сюрпризом для немецкого руководства. И это при том, что немцы разрабатывали танки вместе с русскими в Казани. Про Т-34 мы ничего не знали.

– Члены экипажа танка были взаимозаменяемы?

– Смотря как посмотреть. Мы были счастливы, если мы могли оставаться все время в одном экипаже. Но если вы командир взвода или роты, то вам иногда необходимо пересаживаться. Кого-то высаживали, он при этом был чертовски зол. Но ничего нельзя поделать, командиру тоже нужен танк.

– В пределах одного танка, например, мог водитель

стрелять, а наводчик водить?

– Определенно это было возможно. Но персонально у меня этого никогда не случалось. Бывало, во время марша я, заряжающий, вел танк, подменяя водителя. Это происходило, потому что мы все время ехали. Ехали, ехали и ехали…

– Как указывалась цель, по циферблату?

– Цель указывал командир. Хороший наводчик тоже наблюдает через оптику. Но обычно командир сам решает, куда стрелять.

Во время обучения были приняты определенные формы приказов. Но в реальности все говорили нормально, так же, как говорим сейчас мы втроем. Более того, мы много не разговаривали. Всегда надо быть настороже и наблюдать. Особенно это относится к командиру. У меня, к примеру, было так: я клал руку наводчику на левое плечо, и он поворачивал пушку налево, а когда я перекладывал на правое – направо. Все это происходило спокойно и в полной тишине.

Это в современных танках командир может перенять управление, а у нас такого еще не было. Но это и не нужно, потому что командир все равно не мог вмешиваться. У него и без того хватало других задач.

– Стреляли с остановок или на ходу?

– Мы стреляли только с остановок. Стрелять на ходу это слишком неточно, да и не нужно.

– Какую команду вы давали механику-водителю, чтобы он остановился?

– Просто приказывал остановиться [Stopp или Halt] или что-то в этом духе. Ничего особенного, никакой специальной команды. Механик-водитель, по-моему, это самый главный человек в танке. Если механик-водитель хороший, то он всегда поставит танк в правильную позицию по отношению к противнику, не покажет ему борт и по возможности всегда стоит передом.

– Русские окапывали танки. А немцы это делали?

– Да, мы иногда так тоже делали. Особенно в первую зиму, когда стояли в обороне. У нас тогда не хватало противотанковых пушек.

– Вы, как командир танка, чистили и приводили танк в порядок вместе с экипажем?

– Интересный вопрос. К примеру, мой командир танка… Невозможно было представить, что он даже дотронулся до снаряда или до канистры с бензином. А я всегда помогал грузить боезапас, обслуживать танк и прочее… Психологически это влияло превосходно. Маленький фокус с большим воздействием! Но я это делал также по убеждению – ведь мои товарищи по экипажу тоже уставали.

– Как звали вашего командира?

– Это тот самый, которого скоро застрелили. В книге есть…

– В 1941 году вас отозвали с фронта в офицерскую школу. На фронт вы вернулись в зимнем обмундировании?

– Зимнего обмундирования нам еще не выдавали. А вот у русских оно было. Многие тогда погибли из-за того, что пытались снять с павших русских валенки. Если вы меня спросите, как я пережил первую зиму, то я могу только сказать, что я там был, но не знаю, как я там выжил. Мы зимовали на открытом месте почти в 50-градусный мороз. Снабжения нет, все замерзло. Из еды только лошадиное мясо и замерзший хлеб. И тот надо рубить топором. Никакой горячей еды. Слово «гигиена» вообще исчезло как понятие! Снег, ледяной шторм, никакой зимней одежды. Танков уже нет, осталась только одна черная униформа. А в снегу в ней просто прекрасно, очень хорошо! Сидишь и ждешь, когда тебя атакуют привыкшие к снегу, одетые в маскхалаты, хорошо обученные русские лыжники… Но… Я все еще жив!

– Вши были?

– Много! Если кто-то говорит, что у него не было вшей, значит, он никогда не воевал на переднем крае в России. Сто процентов!

– Вы жили в домах?

– Вы наверняка знаете, что Сталин приказал все сжечь и ничего не оставлять. Первую зиму можно забыть. А потом у нас появились танки, так что в них можно было хоть немного обсушиться. В танке тоже холодно, в них не предусматривался обогрев. Хуже всего приходилось пехоте. Там с гигиеной дело обстояло совсем плохо. Я не знаю, как мы это пережили. Вши! А белье сменить невозможно! Мой экипаж с 20 января по 20 апреля жил только в танке, за исключением двух или трех дней, когда танк сломался и его пришлось чинить. Мы совершенно не брились. Мне еще было немного лучше, потому что я иногда возвращался на командный пункт и мог там по крайней мере

помыть руки.

Один раз я вернулся выбритым, и мой старшина с фельдфебелем меня не узнали. Они подумали, что им прислали нового командира. Теперь понятно, как мы выглядели?!

– Русские копали траншею, наезжали на нее танком и так ночевали. Вы так делали?

– Иногда, на коротких промежутках. Но потом это запретили, потому что один раз бомба попала в танк, и весь экипаж при этом погиб. Поэтому так мы больше не делали, а старались прятаться в строениях, на кладбищенских дворах или там, где были какие-то углубления.

– Когда вы вернулись из офицерской школы, какой танк вы получили?

– Сначала никакого! Я должен был принять командование взводом саперов, хотя не имел ни малейшего понятия о минах и прочем. Пришлось изучать саперное дело на практике. И это мне позже пригодилось. Потом я стал командиром танкового взвода в звании фельдфебеля… Мы еще воевали на чешских танках. Потом меня повысили, и я стал командиром взвода PzKpfw-IV с 7,5-сантиметровой пушкой.

– Как вы заводили танки на морозе?

– Если аккумулятор в порядке, то проблем нет. Иногда, если было совсем холодно, мотор приходилось прогревать. Пехоте это очень не нравилось, потому что, когда мы заводили танки, наши «друзья» начинали стрелять, думая, что у нас какие-то планы, хотя мы ничего плохого не имели в виду.

– Вы разводили костер под танком, чтобы прогреть мотор?

– Нет, у нас такого не практиковалось, я этого никогда не видел.

– Вы слышали про противотанковых собак?

– Слышал, но никогда не видел.

– Насколько были эффективны русские противотанковые ружья?

– Pz-III и Pz-IV они элементарно пробивали в борт. Потом у нас по бортам появились экраны, и им приходилось подходить ближе. Но уверенно танки они не поражали. Против «Тигра» они вообще были бесполезны. Они только могли нанести какой-то

ущерб, разбить гусеницу, но я говорю про опасность для экипажа.

– По «Тигру». Насколько он был надежен?

– Ну, сначала у него были детские болезни. Первая рота на «Тиграх» использовалась в битве на Ладоге под Волховом. Местность для танков там почти непроходимая. К тому же еще стояла зима. Они все вышли из строя из-за технических проблем! Но это всегда так, у каждой новой разработки.

Существенным фактором, влияющим на живучесть танка «Тигр», являлась хорошая подготовка водителя. Опытный водитель имел меньше технических проблем. У меня, слава богу, в экипаже сначала был опытный водитель. Позднее на «Ягдтигр» к нам пришли молодые водители, и это была катастрофа. Мой личный танк № 217 пришлось взорвать под Данцигом, хотя он смог продержаться почти до последнего дня войны.

– Потери были больше от артиллерии, авиации или от мин?

– От авиации потери у нас были небольшие. Артиллерия опасна, только когда она стреляет с корректировщиком. Когда они стреляли без наблюдателя, то попадали очень редко, и это было неопасно. А вот когда корректировщик видит цель и наводит огонь, тут уже необходимо менять позицию. Вообще дальнобойная артиллерия по танкам попадает редко, и это большая случайность. У гаубиц слишком большой разброс.

– Чего вы больше опасались – русской противотанковой артиллерии или русских танков?

– Противотанковая артиллерия опаснее. Танки я вижу, а противотанковую пушку иногда вообще невозможно обнаружить. Русские так хорошо их маскировали, что пушку замечаешь только тогда, когда она выстрелит. Это плохо.

– Вы были сапером. Насколько сложными были минные поля, насколько тяжело их разминировать?

– Я им пробыл очень недолго. В основном у нас формировались противотанковые группы, которые ходили в ближний бой против танков. Для меня это стало полезным знанием в том смысле, что я, как танкист, смог оценить, насколько мины опасны. Если бы я не побыл сапером, у меня имелся бы определенный страх перед ними. А так я знал, что здесь ничего случиться не может.

– В октябре 1942-го был снят командир вашей 20-й

дивизии Дюверт. Насколько это было справедливо, с вашей точки зрения?

– В 1942 году… я находился еще в 20-й дивизии…

Я тогда был небольшой шишкой и знал только моего командира батальона фон Геста.

– У русских в 1943 году появились самоходные орудия с 152-мм пушкой. Как вы их оцениваете?

– Да, самоходки 15,2! Правда, они всегда уступали танкам, потому что у них не поворачивалась башня. Они были слишком медленными с точки зрения управления. У нас имелся определенный опыт борьбы с ними. Они были слишком медленными, стреляли слишком медленно, и если не попадали с первого выстрела, то их можно считать трупами. Потому что ждать, пока они перезарядятся, противник не будет. Немцы были такими умными, что построили «Ягдтигра». Это абсолютное безумие! Самоходки это только поддержка, и небольшого калибра. А 15,2 была огромная, через ствол из винтовки можно застрелить наводчика. Нам они не сильно вредили. Если удавалось атаковать их сбоку, то они становились легкой добычей. Хотя один раз меня подбила именно самоходка. Это произошло в Нарве. Неожиданно! Я поворачивал налево, а справа выстрелила самоходка. Танк был полностью разрушен. Когда по тебе неожиданно попадает снаряд 15,2, это очень плохо!

– Штурмовики могли повредить танки?

– Да, они могли подбить танк ракетами. Но, честно говоря, точность попадания у них была плохая. Потерь из-за них мы не имели, но выглядело это угрожающе. Страшно было, но попаданий не было!

Это вспоминается очень неприятно, потому что покоя не давали ни днем, ни ночью. Я тогда был связным офицером, отвечал за связь со штабом батальона и должен был пешком доставлять сообщения командиру батальона. Мне лично это казалось неприятным. Русские все время атаковали, и в основном ночью. Мы днем и ночью стояли в охранении, почти не спали, имели плохое снабжение. Соответственно питание было плохим. Мы все время боялись, что русскими будут руководить так же, как и нами. У нас практиковалась тактика задания, а у русских тактика приказа. Когда русский унтер-офицер получал приказ, то должен был дойти до какой-то точки. Если он доходил, то закуривал сигарету и ждал. Когда же немецкий унтер-офицер получал задачу дойти до какой-то точки, то, если доходил, а там видел, что противник отступает, он шел дальше. В этом большая

разница! Этому наш противник у нас выучился к 1944-му и так уже делал до самого Берлина.

– Можете рассказать про вашу первую победу в качестве командира взвода?

– Про «победу» я рассказать не могу, а могу описать мою первую неудачу в качестве командира взвода. Взвод обедал, а я стоял в охранении. Когда взвод закончил обед, я решил уйти с поста охранения. Почти повернулся, чтобы уходить, но вдруг увидел, что пехота, которую мы должны были поддерживать, уже пошла в атаку. Это расценили очень негативно…

– Но все-таки первый подбитый танк вы должны были запомнить?

– Первый подбитый танк? Где же это произошло? Ну, во-первых, это не я его подбил, это мой наводчик. Первый танк… Вспомнил. В битве на Ладоге, под Синявином.

– Это было уже на «Тигре»?

– Да, да. На Pz-38 (t) и PzKpfw-IV я вообще никого не подбивал. Когда мы воевали на Pz-38 (t), экипаж Т-34 мог спокойно играть в карты, даже если бы мы по нему стреляли.

– Иногда было так, что русские солдаты ставили танк на первую передачу, выскакивали из танка, и танк, не стреляя, ехал до немецких позиций.

– Я видел такое под Невелем. У меня даже есть фотография того Т-34. Но это определенно исключение из правил. Если отпустить педаль газа, то танк останавливается. А они чем-то прижали педаль, дали полный газ, выпрыгнули из танка, и он ехал дальше. На автомобиле это можно сделать точно так же. Тогда это нас сбило с толку, и мы потом долго разбирались, что к чему. Насколько это было распространено, я не могу сказать. Но под Невелем это произошло точно.

– В общем, это был единичный случай?

– Да, поэтому мы это исследовали. Больше я такого не видел.

– Говорят, что самое главное качество танка – это надежность?

– Главные качества танка – это подвижность и вооружение.

– А на какое место вы поставите надежность?

– Я могу говорить только о своей роте. Вы ведь про «Тигр»

говорите? Про него часто говорят, что этот танк был ненадежен. В моей роте у «Тигров» во время боя практически не происходило выходов из строя по техническим причинам. В худшем случае он ломался на марше. Во время боя у меня не сломался ни один «Тигр»! Это очень зависит от качеств водителя. Машина весит 60 тонн, имеет 700–800 лошадиных сил. С ней нельзя обращаться легкомысленно, на ней нужно ехать с чувством. Иначе что-нибудь сломается. Повторю, в моем случае во время боя ни один «Тигр» из строя по техническим причинам не вышел!

– Что можете сказать про дульный тормоз?

– Он уменьшал отдачу.

– Он поднимал пыль?

– О, какой вопрос! Ну… Можно и так сказать. Но мы к этому привыкли.

– Вы использовали русский бензин?

– С бензином мы никогда не имели проблем, его было достаточно.

– У вас в танке был запас шнапса, где вы его взяли и как он пополнялся?

– Это вы из книжки знаете. Это я написал просто так. У нас в танке имелась взрывчатка, которой мы должны были взорвать танк, если появлялась вероятность того, что он попадет в руки неприятелю. Это нам не нравилось, и поэтому я написал, что мы на этот случай держали шнапс. Но в нашем экипаже едва ли кто-нибудь пил. Хотя в роте были и такие экипажи, которые с удовольствием выпивали. Наш тогдашний противник… В России очень часто пьют водку… К их несчастью, они часто выпивали. Русские очень, очень часто себя разогревали, когда это было совсем не нужно. Это нельзя было изменить, руководство не пыталось, и это плохо. В этой большой игре самым умным и хитрым казался Сталин, хотя его расчеты и не сошлись. Был первый договор с Гитлером и дополнительные соглашения к нему, про границу до Буга. Вероятно, он думал, что Гитлер застрянет во Франции и у него будет время. Но у нас получилось быстрее, и на этом начались его несчастья. В принципе сейчас мы делаем ту же самую ошибку, которую тогда сделал Гитлер. Но я надеюсь, что она не приведет к таким же последствиям. Еще Бисмарк сказал, что мы должны держаться вместе с Россией, а не с Америкой или с Израилем. В ГДР слоган одной речи нашего канцлера был следующим: «Учиться у Москвы – это значит

учиться побеждать!» А сегодня у нас Америка и Израиль. Я не боюсь, что у нас сейчас случится действительно что-то серьезное. Но это может произойти в Африке или где-нибудь еще. В Афганистане, когда мы оттуда уйдем, будет то же самое. Русские там до нас пробовали воевать. У нас ушло 11 лет, чтобы понять, что все останется по-прежнему. А Ирак? Везде это американское ЦРУ!

– Какое у вас было личное оружие?

– Я носил, но никогда не применял, маленький 7,62-мм пистолет. 9-мм был слишком тяжел.

– В танке был автомат?

– Был, но я не помню, чтобы его когда-нибудь использовали.

– Когда появился Т-34 с длинноствольной пушкой, вы заметили его появление?

– Сначала мы его просто увидели! Но это не стало для нас каким-то сюрпризом. Мы о нем уже знали и долго ждали его появления. Он был еще опасней, чем прежний. А вот «Сталин» [ИС-2], на мой взгляд, оказался более или менее ненужным. С этим его раздельным заряжанием… И он все-таки тяжеловат, вероятно. Я даже ни разу не видел «Сталина» в движении. А вот Т-34 был… хороший танк!

– Тогда, во время войны, вы знали про Виттманна?

– Хм… Да! Виттманн постоянно мелькал на страницах газет, выступал на фабриках, в школах, в Касселе и на партийных мероприятиях. Он был заметной пропагандистской фигурой.

– Тогда знали, что у него не все гладко с историей побед?

– Того, что открылось про пропаганду уже после войны, мы тогда, конечно же, не знали. На войне я получил столько же наград, как и Виттманн, вероятно, только потому, что я был очень молод. (*Смеется.*) Я тоже был во всех газетах. Фотография, которую я вам подписал, тогда обошла все печатные издания. Но согласитесь, это же подозрительно, если весь экипаж имеет Рыцарские кресты. А обязательным условием для получения Рыцарского креста было принятие собственного решения в боевой обстановке, личное участие и обязательный тактический успех. А я хочу спросить, каким образом радист мог принимать собственные тактические решения? А водитель? А заряжающий?! Так каким же образом радист, водитель и заряжающий могли выполнить условия для получения Рыцарского креста? Даже

наводчик не мог, потому что он тоже получал приказы от командира танка. Но у них у всех были Рыцарские кресты.

– Правда ли, что у всех офицеров была так называемая «болезнь горла», желание получить Рыцарский крест?

– Да, это присутствовало. Наш командир роты, мой предшественник, тоже этим болел. Сначала Рыцарский крест был только у нашего командира батальона. Но он его честно заслужил, участвуя в атаках. Потом крест получил мой командир взвода, а после него и я сам. Больше в целом батальоне ни у кого не было Рыцарского креста! После одного боя мой командир чуть не попал под трибунал за трусость перед врагом. Его потом вытащили из танка, и мне пришлось принять командование. Вы можете прочитать об этом в книге. Он не попал под трибунал только потому, что Штрахвица [Hyazinth Graf Strachwitz von Gro-Zauche und Camminetz] перевели. А иначе все это для него бы плохо закончилось. И он еще в тот день заявил командиру фузилер-гренадерского батальона: «Сегодня я добуду себе Рыцарский крест!» А в итоге все закончилось полной катастрофой. Да, и такое случалось… Вы меня уже давно знаете. Вы читали книгу, как мне вручали Рыцарский крест. Построение батальона. Я стою с картиной перед хижиной. Мне плохо, потому что я болен… Я никогда не стал бы носить военные награды в мирное время. Но во время войны награды давали одно небольшое, но очень полезное преимущество. Хотя бы для моей роты… Khoroscho. Это я случайно вспомнил… Представьте. Маленький лейтенант, молодой и без наград. К нему подходит капитан, что-то приказывает, и, разумеется, лейтенант говорит: «Яволь!» А если лейтенант с Рыцарским крестом, он отвечает капитану: «О, это прекрасная идея. Приходите завтра…» Я даже мог попросту сказать: «Нет!» И это было хорошо для моей роты. Во время короткого отдыха Рыцарский крест обычно висел в ротной канцелярии на стене. С точки зрения психологии было классно!

– Почему вы его не носили в мирное время?

– Во-первых, я его надевал исключительно для нужд моей роты. А во-вторых, в мирное время это уже не нужно. Попытаюсь объяснить примитивно: если вы забили три гола, то говорят только о вас, а вся команда на вашем фоне уже плохая… Plokhoy. И так же с ротой. Теперь во время встреч я чувствую, что ношение наград совершенно неуместно. Для меня это было важно только из-за роты! Мы носили свои награды только для того, чтобы представлять свою роту. Таково мое мнение, и я до сих пор его

придерживаюсь. И я думаю, что если бы у меня тогда были другие представления, то на войне я бы не выжил. Вы знаете из «Тигров» в грязи», как я лежал в окопе… Потом из танка выскочил заряжающий… Это нельзя понять. А тот санитар… Он это сделал добровольно… Он бы меня там не оставил. [Вероятно, речь идет об эпизоде в главе «Между жизнью и смертью». В нем описывается, как О. Кариус получил несколько пулевых ранений.]

– Как с вами, как с кавалером Рыцарского креста, обращалось начальство? От вас ждали новых подвигов?

– Нет-нет, о подвигах никогда никаких разговоров не было. Даже не хочу об этом разговаривать. Нужно просто преодолеть свой страх. Те, кто чувствовал себя героем, в основном погибли. Нужно преодолеть страх. Страх – это предпосылка твоей смелости! Простите, какой был вопрос?

– Как с вами, как с кавалером Рыцарского креста, обращалось начальство? Они ждали новых подвигов?

– К нам было больше доверия. Мы умели добиваться своего. Но, как я уже говорил раньше, мы могли иногда сказать: «Нет!» Хочу это проиллюстрировать одним примером. Когда меня ранило, настало очень плохое время для роты, потому что мой преемник был готов идти в бой в любое время. Симпатичный парень, с высокой мотивацией, но новичок на фронте. У него не то что ЖК1 не было, а вообще ничего! Его постоянно провоцировали гренадеры. Приходил пехотный капитан или майор и говорил ему: «Вы делаете это и вот это!» И он, разумеется, говорил: «Яволь!» Ему приходилось делать все, даже если это была полная ерунда. Так было. А я ничего не мог поделать, потому что стал беспомощным и лежал в кюбельвагене, ничего не зная о происходящем. У этих наград был и неприятный момент. Я вынужден был принять командование ротой «Ягдтигров», а они мне были абсолютно незнакомы. Теперь представьте себе, что вы какой-нибудь водитель в роте и вам присылают нового командира, а у него РК и Дубовые листья. Что вы подумаете? Он нас всех сейчас загубит, но заработает себе еще награды на наших костях! Это было уже перед самым концом, в 1945 году. Старшина роты, хауптфельдфебель, мне об этом сразу заявил. Поэтому свое первое обращение к роте я начал с того, что попытался объяснить им: «Моя основная задача – сделать так, чтобы в роте до конца войны каких бы то ни было потерь не было, потому как война все равно проиграна». Только после этого выступления мне начали верить.

– Вы кавалер Рыцарского креста. Какую это сыграло роль в вашей жизни после войны?

– Очень негативную. Сначала мне пришлось бежать из дома, потому что французы меня начали искать. Но у нас все-таки и после войны остались среди них друзья – они меня предупредили, чтобы я отваливал, иначе меня опять посадят в лагерь. Потом я получил допуск к учебе в университете в Майнце, а за неделю до начала учебы его у меня забрали. Тогда с этим отказом я отправил моего брата во Фрайбург, к одному начальнику аптек, чтобы он попросил для меня место. Он был настоящий, хороший немец из Кенигсберга. Он сказал моему брату, что возьмет меня, хотя у него в лаборатории мест нет. Так мне немного повезло… Даже сегодня на встречах кавалеров Рыцарского креста в нас кидают яйцами. Иностранцы нас уважают, а здесь считают преступниками. В Германии это так… На родине моей матери в Мюнстере демонтировали все памятные знаки. Оставили только один, бундесверовский. Никаких традиций! На наши машины приклеивали наклейки «Солдаты – убийцы!». Это можно, потому что демократия. А за границей и у вас в России они говорят, что у нас «свобода мнений»! А у самих, если тот, кто честно служил своему государству, что-то хочет сказать, ему тут же заткнут рот! Помню, как в ГДР был девиз: «Учиться у Москвы – значит учиться побеждать!» Говорят, что Меркель в свое время училась в Москве. Я всегда восхищался русской культурой. Даже в самых маленьких деревнях, как они танцевали! У меня до сих пор стоит перед глазами, как они танцевали. А музыка? Мы восхищались! Русское население в деревнях всегда говорило: «Сталин хороший, wojna plokhoy!» Они же не знали, что у Сталина в целом на уме. Я, солдат, ничего плохого не могу сказать про гражданское население. Со своей стороны, мы несколько раз помогали убирать урожай во время наступления. А это понятие «выжженная земля» придумал Сталин.

– Когда появилось слово «унтерменш», до войны или во время ее?

– Да, в пропаганде, разумеется, его использовали, и теперь все думают, что мы во все это тогда верили, а мы были такими же критично настроенными, как и сейчас. Мы над пропагандой смеялись, хотя должны были плакать! Понимаете? А на фронте вообще ничего такого быть не могло! Никаких «унтерменшей»! И то, что русские пленные голодали, это абсолютно нормально. Мы сами голодали! Да от нас еще слишком многого требовали. И вы должны понимать, что если вам неожиданно надо дополнительно начать кормить еще 50 или 100 тысяч пленных, то никакая

логистика с этим не справится. А эти добрые западные союзники… Они сжигали наше продовольствие, которое у нас еще оставалось. В Райнгау и в других местах. Мне не в чем упрекать русских и всю Восточную Европу. Западные союзники оказались намного ужасней. Они имели все, а у других уничтожали последнее, что у них оставалось.

– Вы слышали про приказ о комиссарах?

– Да, про приказ о комиссарах знали все. Но я никогда не видел, чтоб его исполняли. У меня даже есть фотография, как пленный комиссар сидит на моем танке. В худшем случае это исполнялось тыловыми службами. На фронте такого быть не могло. Разумеется, их отводили в тыл, а там уже могло произойти все что угодно. Хорошо, а этот ваш Илья Эренбург, например? Это даже для нацистов чересчур. Это просто невозможно: «День, когда ты не изнасиловал немецкую женщину, это потерянный день».

– Когда вы в первый раз услышали об Эренбурге?

– Из листовок, которые нам сбрасывали с самолетов. С этих «швейных машинок».

– Листовки были на немецком?

– Разумеется. Русского мы не знали.

– Была ли ненависть? Когда вы стреляли, это была просто цель или вы сознавали, что это живой человек?

– У меня было желание выжить. Инстинкт самосохранения. Так ведет себя любой солдат. И лучшее доказательство сказанному мною – это то, что мы не стреляли в тех, кто не может себя защитить. Например, по экипажу подбитого танка. Мы стреляли только тогда, когда мы сами подвергались опасности.

– Ненависть была?

– Нет, так я не могу сказать. Было сочувствие. Сочувствие!

– Русские ветераны во время войны часто говорили и мечтали о том, что будет после войны. Вы тоже об этом говорили с товарищами?

– Мы всегда говорили, что после войны мы надерем задницы тем, кто остался дома, партийным и пропагандистам. Нашей мотивацией на востоке являлось «удержание противника подальше от границ Рейха». Русскую армию сложно положительно оценить, но французы, например, воевали еще хуже, чем русские. Немецкая армия в целом на самом верху – в

отношении дисциплины, человечности, готовности к бою, корректности. И многое из того, что позволяли себе союзники как на западе, так и на востоке, для нас было абсолютно невозможно.

– Были вещи, которым вы научились у русских?

– Мне не нужно было учиться, я уже все умел. Что сказать о русских? Сильными сторонами были привязанность к родине, самоотверженность – даже у деревенского населения. И если бы мне сейчас пришлось выбирать, где мне жить, то я никогда не жил бы на западе, а только на востоке. Чайковский и Достоевский мне гораздо ближе, чем западные композиторы и писатели… Толстой! У меня тут все симфонии Чайковского. И Рахманинова я тоже люблю.

– Война – это главное событие в вашей жизни?

– Война ковала характер тех, кто там был. Кто-то ломался, кто-то становился крепче. Мы были скромнее и не такими требовательными, как современная молодежь. Сейчас они хотят больше, они эгоистичнее и материалистичнее, чем были мы. Сейчас для меня самое главное – здоровье, а потом мир.

Война – самая плохая альтернатива в политике. Но за прошедшее время мир ничему не научился. Сегодня больше войн, чем тогда. Я этого не понимаю и иногда думаю, что мы вернулись в Средневековье.

– Что такое хороший солдат?

– Дисциплинированный. Выполняющий то, что записано у него в солдатской книжке. Приличное поведение по отношению к гражданскому населению, приличное поведение по отношению к пленным. Гуманистическое поведение, нормальное! Если хотите знать точнее, какие суровые у нас были наказания, то можете почитать военный кодекс. Конечно, только если кого-то ловили. За изнасилование вообще расстреливали. Опять же, если ловили, конечно.

– Что такое хороший офицер?

– Тот, который много о себе не воображает, который является примером для своих солдат. Командует собственным примером! Добросовестный и верный. Уверенный в себе, но скромный. Нужно много делать и мало выступать. Больше быть, чем казаться. Это я считаю для офицера очень важным.

– Мы твердо убеждены в том, что вам это удалось.

– Я надеюсь. Думаю, иначе ко мне не стояли бы очереди

посетителей с того момента, когда я вернулся из плена. Петра (жена. – *А.Д.*) свидетель. Один мой фельдфебель живет в Вене. Его жена позвонила, сказала, что он в больнице. В его палате лежит 20 человек, и за ним плохо ухаживают. Тогда я на машине поехал в Вену в больницу Марии-Терезии, пошел к главному врачу. После этого его перевели в палату на двоих. Такое у нас товарищество! Или фельдфебель Керше! Он жил в баварском лесу, как в русской деревне в самой глубинке. Грязь, никакой дороги! Я хотел сделать ему сюрприз, поехал к нему в 1952 году, после того как он вернулся из русского плена. Я ездил к каждому, кто возвращался из плена. Его мать спала в сенях, вокруг нее гуляли куры – совсем все примитивно. У них было четверо детей. Они просто бедствовали! Я сказал ему: «Тебе ничего не остается… Если ты хочешь вырастить своих детей, иди в Бундесвер!» В Бонне служили два офицера, один из них был моим инспектором, а второй моим командиром в резервном батальоне. Я стал упрашивать их взять Керше. Они сказали: «Да, да, нам нужны фельдфебели для обучения!» Потом пришел еще один офицер, спросил у меня, чистый ли он, не совершал ли каких-нибудь преступлений. Я за него поручился. В результате один из его сыновей стал врачом во Фрайбурге, а второй был в Наблюдательном совете «БМВ», у дочери три магазина и три дома в Ингольштадте. А еще одна дочка – директор торгового дома. Мы всех вытащили, вырастили! Еще один наш товарищ был генералом в Бундесвере. Он тоже всех тащил. Был убежденным танкистом и стал генералом. Сейчас он в доме престарелых. А поначалу тоже не хотел в Бундесвер! Но он не смог учиться в университете, потому что после плена был для этого слишком стар. Но знаете, что я считаю самым большим своим достижением? Самым большим своим достижением считаю то, что 18 апреля я распустил роту, чтобы все вернулись домой, не попав в плен.

Людвиг Бауэр

Я родился 16 февраля 1923 года в Кюнцельзау в Вюрттемберге. В моей семье и отец и дед были офицерами, так что желание стать военным было для меня естественным. Еще до окончания школы, осенью 1940 года, я записался добровольцем в кандидаты в офицеры. В моем лице вы имеете бывшего офицера, который воевал за свою родину убежденно, верно и надежно. Мы, точно так же как и ваши предки, русские, воевали за свою родину. А кто победитель, тот всегда прав.

2 сентября 1940 года я начал прохождение повинности в Имперской трудовой службе. Наш 354-й батальон RAD находился в Гиллерсдорфе, в Австрии. Мы строили дороги. Работать приходилось до изнеможения. Надо сказать, что всего за два года до этого Австрия была включена в состав Германии. Практически всю войну я воевал в 9-й танковой дивизии, комплектовавшейся австрийцами. Между нами было такое тесное товарищество, что мы до сих пор дружим. Поскольку я числился кандидатом в офицеры, то был уволен из RAD досрочно, уже через три месяца, в конце ноября 1940 года.

В начале февраля 1941 года меня призвали. В полученной мной повестке было написано, что я должен прибыть в 33-й учебный танковый батальон в Санкт-Пельтен-Шпрацерн.

Четыре недели отводилось на базовую военную подготовку – уставы, строевая, изучение карабина 98к. Кроме этого проходили так называемое «привыкание к танку» – влезть в танк Pz-I и вылезти из него. По окончании этого курса началась собственно подготовка танкового солдата, Tankist. Изучали танки Pz-II, Pz-III и Pz-IV.

Кандидатов в офицеры 1922-го и более поздних годов рождения не переводили в действующую армию, поэтому меня и других отправили в Путлос, на курсы наводчиков. Там мы прошли интенсивное обучение. Много стреляли, изучали материальную часть. Кроме того, прошли дополнительные курсы саперов, разведчиков, посыльных и связистов.

В августе по моему ходатайству меня перевели в действующую армию. Я попал в 521-й батальон самоходных противотанковых орудий 3-й танковой дивизии. В бой я пошел на самоходке Panzerjäger SFL на базе танка Pz-I с 4,7-сантиметровой пушкой.

– Что вы знали о России, до того как вы туда попали?

– Ничего.

– Что вас больше всего удивило или впечатлило?

– Больше всего меня удивила и впечатлила бедность населения. Мы, танкисты, в городах практически не были. Все время шли через маленькие крестьянские деревни. Бедность нас очень впечатлила.

2 октября 1941 года началась операция «Тайфун». Для защиты наступающих во второй линии самоходок мы неожиданно получили четыре танка Pz-II без экипажей, и меня, как прошедшего обучение на танке Pz-II, перевели на них командиром. На танке я чувствовал себя в своей тарелке. Меня, как молокососа, быстро обучили тому, что я должен делать и чего я делать не должен.

Если говорить о танке, то с механической точки зрения он был хорошим. Но двигатель бензиновый. При попадании в танк он легко загорался. Броня тонкая. Поэтому нас вводили в бой только вместе с Pz-III и Pz-IV, всегда во второй волне или на флангах. Этот танк прошел в 1940 году французскую кампанию. Там он был еще так-сяк, но для России он уже не годился и быстро сошел со сцены.

Вскоре после начала наступления пошел дождь. Дороги раскисли. Мы медленно двигались через Мценск, Чернь на Тулу. Вражеское сопротивление было очень сильным.

– Кто был главным противником летом 1941 года – русская авиация, артиллерия или танки?

– Авиация – нет. Она присутствовала, но ее воздействие было не очень заметным. Артиллерия была очень хорошая. Было слишком много пехоты, это всегда меня очень удивляло, почему русское командование использует так много пехоты и так мало танков. До сентября русские танки были неактуальны, а в сентябре появился Т-34. Проблема в России была в отсутствии дорог, распутице. Но и сопротивление русских было очень сильным. Бои были интенсивные и очень тяжелые. У нас периодически были проблемы с боеприпасами, потому что приходилось много стрелять. Я не понимал, как русская пехота могла оказывать такое интенсивное сопротивление?! Тогда я не знал, это я сейчас знаю, что там были комиссары.

– Я от ветеранов Вермахта часто слышал, что русские солдаты были хорошие, а командование скорее плохим. Какое ваше мнение?

– Мне сложно судить, но я не считаю, что русское командование было таким уж плохим. Проблемы, которые были у

русских, были вызваны ситуацией, возможно, также приказами, которые приходили слишком поздно. В русской армии приказы, которые поступили сегодня, завтра должны были быть выполнены абсолютно точно, хотя ситуация могла уже кардинально измениться. Русские офицеры часто не могли действовать согласно ситуации, потому что они были связаны приказом. В немецкой армии офицер имел свободу действия независимо от своего звания. Я бы сказал так: русская и американская армии были ориентированы на исполнение приказов, а немецкая – на реагирование в соответствии с меняющейся со временем ситуацией.

У немецких командиров была большая свобода действий. Например, у немецкого командира батальона был приказ атаковать населенный пункт А. Русский командир постарался бы в точности исполнить приказ. Немецкий командир посмотрел бы, что так не получится, и действовал бы так, как требовала ситуация, а не приказ. Немецкий офицер и солдат мог действовать по ситуации, он должен был выполнить задание, но у него была свобода действий. А у русского и американского офицера свободы действий не было. В этом была проблема. Я глубоко убежден в том, что начальные успехи немецкой армии были такими большими только потому, что каждый отдельный немецкий командир имел свободу действий.

– Фактически вы говорите о чувстве превосходства над противником. Когда оно начало исчезать?

– Я считаю, что немецкое армейское командование всегда превосходило противника. Проблема была только в недостатке людей, вызванном большими потерями, особенно пехоты.

– 11 октября несколько русских танков ворвались в Мценск, который был уже занят немецкими войсками. Вы помните этот эпизод?

– Да, да, да! Я там был! Ночью часов в 10 или 11 они ворвались в Мценск. Я должен был доставить сообщение из штаба батальона в церковь, в которой мы остановились на ночлег. Я был как раз в дороге, когда неожиданно увидел эти Т-34. У меня с собой был только пистолет, так что я просто спрятался в укрытие, а они проехали мимо. Где и как их подбили, я не знаю, знаю только, что их подбили. Там я впервые видел, как бегают генералы – он бежал в укрытие.

– В октябре 1941 года была распутица, а в ноябре был мороз. Что было хуже?

– Мороз. Когда солдаты рассказывают о морозах в России в 1941 году, каждый следующий год становится на один градус холоднее. Многие уже говорят, что было 50 градусов мороза! Меня ранило 26 или 28 ноября, так что больших морозов я не застал, но был такой случай. Мы еще сидели в грязи. Остановились где-то переночевать, а танки остались стоять возле дома, в котором мы разместились. Утром ударил мороз, и танки оказались вмерзшими в землю. Когда их попытались силой вытащить, то ничего не получилось – рвались тросы, ломалась ходовая. Нам пришлось лить бензин под танки и его поджигать, чтобы отогреть грунт. Стартеры моторов не работали. Приходилось каждый час прогревать двигатель, но на это тратилось много бензина и моточасов. Тогда стали под днищем поджигать бензин, налитый в разрезанную вдоль канистру. Разумеется, это было запрещено, но иначе завести танк не получалось. Кстати, у русских танков был такой недостаток – когда они заводились, то облако дыма было видно издалека. Еще запомнился эпизод, который случился много позднее. У русских была makhorka, это такой специальный табак, прототабак, обладавший сильным запахом. Как-то ночью я его учуял и поднял тревогу. Оказалось, что к нам подобрался взвод пехоты 30–40 человек. Если бы я не учуял его, они бы нас убили. После этого я всегда нюхал, русские пахли махоркой, а американцы – ароматизированными сигаретами.

– Вы курили?

– Тогда – да, сейчас больше не курю. Я, когда уже стал офицером, всегда пытался получить в экипаж минимум двух некурящих: они отдавали мне сигареты. Когда выдавали сигареты, не спрашивали, куришь ты или нет. Мой водитель, который был у меня долгое время, был некурящий. Я был офицер, он был обер-ефрейтор, и я у него стрелял сигареты. В зависимости от позиции и ситуации, каждый солдат получал 6, 10 или 15 сигарет в день.

– Можно было купить сигареты?

– Изредка приезжали так называемые маркитанты, у которых можно было купить сигареты и алкоголь. В 1942 году на вокзале в Запорожье горел эшелон с 20 цистернами с бензином. Пехотный капитан сказал нам, что мы танками должны вытащить этот эшелон с вокзала. Мы двумя танками оттащили его. За это экипажи получили по 30-килограммовому бочонку с шоколадом.

– Где вы обычно спали?

– Как и русские – под танком или в танке. Копали яму и на нее наезжали. Если было надо, зимой танк маскировали снегом или ветками. Печки у нас не было, так что просто укрывались одеялами, которые возили на танке.

– У русских еще был брезент, накидка, чтобы накрывать танк и укрыться самому, у вас он был?

– Нет.

– Горячая пища всегда была?

– Нет. В 1941-м мы часто за день проходили 50–70 километров, и кухни не могли нас найти. Но русским было хуже. Они были гораздо голоднее, чем мы. Русский хлеб был такой клеклый! Вообще у нас всегда было достаточно еды, но регулярного горячего питания у нас не было.

Если говорить о снабжении, то надо сказать следующее. В каждой роте было отделение снабжения и кухня. Кухня была смонтирована на полноприводном грузовике, там были повар и два его помощника, чаще всего ХИВИ. При запросе питания надо было докладывать численность. Отвечала ли она количеству едоков, количеству голов, дневной численности или боевой численности, я не могу уже точно сказать. Поскольку горячей пищи мы частенько не видели, у нас с собой все время был запас, так называемое «холодное снабжение». В самом танке для него не было достаточно места. Поэтому у нас было два или три так называемых «ящика для жратвы», которые монтировали на крыльях гусениц. Недостатком было то, что эти ящики повреждались или уничтожались вражеским огнем. Зимой хлеб, находящийся в них, замерзал. Тогда от буханки топором отрубали кусок, который оттаивали в кармане брюк. Когда определенный слой хлеба размораживался, его скусывали зубами, и так, пока кусок не съедался. Пытались укрепить мешок с хлебом за башней, над теплым мотором, но из этой затеи ничего не вышло.

– Русские солдаты ругали немецкий хлеб, упакованный в целлофан…

– Я хлеб, упакованный в целлофан, вообще никогда не получал. Нет! Никогда! Вообще никогда!

– А что вы обычно ели?

– Ржаной хлеб. Мясные консервы. Если колбаса была в банках, то она была немецкая, а если свежая, то откуда-то из России. В каждой дивизии была рота хлебопеков и рота мясников.

– Что вы делали, чтобы спастись от холода? Были какие-то хитрости?

– Мы дрожали. В первую зиму у нас не было зимней одежды. Во вторую зиму мы ее получили. Когда мы получали зимние сапоги, мы старались взять сапоги на два номера больше, и засовывали туда солому или газеты. Был приказ под одежду наматывать газеты, но они все время съезжали, это было неудобно. У нас, танкистов, основной проблемой были ноги. Танки железные, ноги мерзли.

– Ботинки из соломы делали?

– Да, но потом запретили, поскольку можно было застрять в танке. Это было хорошо, но непрактично, воевать в них было нельзя.

– Русским солдатам зимой давали водку, вам давали?

– Нам не давали, нет. Мы захватывали алкоголь у русских в качестве трофея, но его у нас сразу забирали, чтобы мы не напились.

– Трофеи брали?

– У пленных мы ничего не брали. С мертвых снимали валенки. Полушубки не брали – лучше было не носить никаких русских вещей, потому что если в них попасть в плен, то тебя сразу застрелят.

– Чего вы больше боялись – быть раненым, погибнуть или попасть в плен?

– Быть раненым в бою – это нормально. Все знали, что тебя могут ранить. Попасть в плен мы боялись. Особенно потому, что у нас была черная униформа, а всех тех, у кого была черная униформа, сразу же убивали.

– Русские использовали противотанковых собак, вы их видели или что-то слышали?

– Да, слышал, что у русских есть собаки, которые ложатся под танки, но я это рассматривал как сказку.

– Какое было моральное состояние немецких войск к зиме?

– Я должен вам сказать, что мы были уверены в том, что мы все делаем правильно. Мы были уверены в том, что мы ведем войну ради нашего отечества. В церквях молились за нашу победу, священники молились, чтобы Бог был с нами, а не с

другими. Поэтому я больше не верю…

– Поражение под Москвой вы восприняли как временную неудачу или как поворот в войне?

– Как поворот в войне я его не воспринимал. Мы просто думали, что мы не рассчитывали на такой холод и на проблемы, связанные с ним.

В конце ноября 1941 года наши силы уже заканчивались, но мы все еще пытались овладеть Тулой. Перед городом была пологая долина, перегороженная противотанковым рвом. Сровнять его артиллерией было невозможно, потому что у нас не хватало боеприпасов, саперы подорвать его также не могли, поскольку любое движение машин или людей вызывало сильный огонь русской артиллерии и минометов. Разобрав деревенские дома, на корму шести или восьми танков саперы укрепили веревками бревна. На следующее утро эти танки на максимальной скорости должны были проскочить полтора километра, что отделяли нашу передовую от рва, развернуться кормой, экипажи должны были перерубить веревки топорами.

Так и получилось. Танки подъехали к противотанковому рву. Русские немедленно открыли огонь из всех имеющихся у них орудий. Скоро мы перестали что-либо видеть, земля тряслась, каждый танк был окружен взрывами, дымом и огнем. Это был ад! Один из танков с бревнами свалился в ров, но остальные сбросили свой груз так, как это было задумано. Танки второй и третьей волны переехали через ров по проложенному настилу и вышли к высотам прямо перед городом, за ними шли гренадеры на бронетранспортерах и мы на танках Pz-II.

Я поднялся на высоту и увидел красные тормозные огни городского трамвая. В этот момент по нам попали. Танк сразу же загорелся, я успел выскочить, а водитель и радист сгорели, не успев покинуть танк. Выскочив из танка, я получил ранение большим осколком мины в ногу, а через короткое время еще пять осколков в бедро. Маленький осколок попал мне в правый глаз, я его не заметил, его мне удалили только в госпитале в Германии. Вскоре подошли санитары и вытащили меня с поля боя, а после обеда меня с еще тремя ранеными товарищами отвезли на главный перевязочный пункт «Ясная поляна». Там меня прооперировали и после операции положили во флигеле. Неожиданно прилетел русский самолет и обстрелял дом, несмотря на вывешенный флаг с красным крестом. На следующий день нас в заполненных соломой товарных вагонах перевезли в госпиталь в Орел. Там я лечился, пока не стал транспортабельным. Примерно через две недели нас погрузили в

теплый санитарный поезд, который привез меня в Грюнберг в Силезии.

Там, в лазарете, мне должны были снять гипс, но они этого не сделали. Под гипсом завелись вши. Зуд был невыносимый. Я пытался чесать под гипсом карандашом. Когда в конце концов гипс сняли, под ним вся кожа была съедена вшами, там было просто мясо. Очень, очень плохо…

– Какое отношение было к раненым в Германии? Можно ли сказать, что раненых встречали как героев?

– Нет. Принимали хорошо, но обыденно, героями нас не считали. В феврале был наплыв раненых с Восточного фронта, в основном с обморожениями. Было принято решение выздоравливающих отправлять в больницы у себя на родине. Вот так четыре недели плюс отпуск я провел дома.

По моему заявлению меня отправили в мою старую часть, 3-ю роту 33-го резервного танкового полка в Санкт-Пельтен. Там я прошел трехнедельные курсы по отбору кандидатов в офицеры. Почти четверть участников командование отсеяло. Тем не менее я их успешно окончил и был направлен наводчиком в 1-ю роту 33-го танкового полка под командованием обер-лейтенанта Бюттнера в Россию.

Я прибыл в полк, когда распределяли экипажи по новым, только что полученным танкам. Командиром моего танка был командир 1-го взвода, лейтенант Зирзе из города Мауэр близ Вены. Радистом был мой товарищ, вместе с которым меня призвали в армию, Зепп Лакнер из Аллерхайлиген в Штайермарке. Имен заряжающего и водителя я не помню.

– Как вы восприняли возвращение на фронт? Боялись? Хотели воевать?

– Это для меня было что-то само собой разумеющимся. Я не хотел оставаться в казарме. Я хотел вернуться к моим товарищам. Но я попал не к своим товарищам, с которыми я учился и воевал, а в 9-ю танковую дивизию, 33-й танковый полк.

– Какой у вас был танк?

– Pz-III с длинной пушкой. Он мог пробить Т-34 с 600 метров. В 1943 году мы получили Pz-IV с L-48, и тогда мы могли подбить Т-34 с 800 метров.

– Как наводчик какие команды вы получали от командира танка?

– Мы использовали часы как указатель направления. Прямо

по направлению движения танка это всегда было 12 часов: «Внимание, вражеский танк на два часа или на 11 часов». Командир сидел сверху. Если наводчик цель не видел, то командир клал руку на правое плечо, это означало повернуть орудие направо, и держал до тех пор, пока орудие не начинало смотреть на цель. Это очень просто. Я этому даже свою жену научил. Когда мы с ней гуляем на природе, я ей стучу по плечу и говорю: «Три часа» или «12 часов», чтобы показать ей что-то красивое. Я иногда забываю, что люди этого не знают, и когда у меня кто-то спрашивает дорогу и спрашивают «Где?», я отвечаю: «Два часа». Это отлично работает, у меня больше никто ничего не спрашивает.

Полностью команда звучала так: «Внимание, наводчик, полвторого, противотанковая пушка 1500 метров, заряжающий – осколочно-фугасный, открыть огонь».

– Какие еще команды вы получали?

– В бою еще только «Огонь!». Конечно, наводчик мог увидеть что-то, что не видит командир танка, и водитель тоже мог что-то увидеть. Поскольку у нас было переговорное устройство, то мы могли сообщать друг другу увиденное.

Нашим преимуществом было и наличие рации на каждом танке. У русских танков их не было. Командиры часто высовывались наружу. Многие так погибли.

Однажды мой знакомый разговаривал с пехотинцем. Раздался выстрел. Пуля пробила обе щеки и поцарапала язык. Когда он вернулся из госпиталя, он не мог определить, суп соленый или нет. Вкусовые рецепторы на соль не реагировали.

– При обслуживании танка у вас, как у наводчика, были какие-то специальные задачи или все делали вместе?

– Все работали вместе. Даже офицеры. Командир танка тоже работал вместе со всеми.

– Какая была иерархия в экипаже танка?

– Главным был командир танка. Он отвечал за танк в целом и за координацию между членами экипажа. Чаще всего он был в звании офицера или унтер-офицера. В бою он должен был по переговорному устройству давать указания членам экипажа и одновременно поддерживать связь с другими танками. Кроме того, он должен был наблюдать за местностью и по шуму боя определять, откуда стреляет враг. Каждый выстрел и каждый разрыв снаряда имели свою собственную акустику. Очень важно было понимать, ведет ли враг огонь бронебойными снарядами.

Поэтому, как правило, наушники у него были надеты так, чтобы одно ухо было свободным.

Вторым по важности был водитель. Когда танк был в боях, водителя никогда не ставили караульным, а все остальные, включая офицера, несли караульную службу. Офицер не мог сказать: «Я офицер, я иду спать». Все получали свои три или четыре часа караула, независимо от звания.

– Экипажи танков были постоянными или менялись?

– Экипажи были постоянными, но можно было сказать, что я не хочу воевать с этим командиром, если были какие-то проблемы или если просто хотелось кого-то другого. Когда мы получали новые танки, в первый день нам говорили: «Подумайте, с кем вы хотите воевать». Тогда командиры танков подходили и спрашивали: «Хочешь со мной?» Понятно, в экипаже должны были быть человеческие отношения. Только если были какие-то проблемы, тогда приказывали.

– Офицеры следили за внешним видом экипажа?

– Да, конечно, было точно так же, как сейчас. Если водитель, к примеру, был небрит, я ему говорил, что вот сейчас уже можно было бы и побриться. Такая еще деталь. В долгих боях, когда танк был замаскирован и двигаться запрещалось, иногда были проблемы с оправлением. Нужда справлялась в отстрелянные гильзы, но по-большому случались и катастрофы.

– Верхнюю пуговицу надо было застегивать?

– Нет, это нет. Летом в танке было очень жарко, до 50 градусов, мы все снимали, до пояса были голые. Если при этом танк подбивали и он загорался, ожоги были ужасные, ужасные. Поэтому потом было запрещено раздеваться в танке. Этот запрет держался недели три-четыре, потом все равно все раздевались. Как офицер, я должен был следить, чтобы приказы выполнялись, это было нелегко, потому что условия были ужасные.

– Сколько танков было в танковой роте?

– В танковой роте было 17 танков. Танки в роте были распределены так: у командира роты был 1 танк, плюс 1 танк для замены и резерва и три взвода по 5 танков в каждом.

Командиром роты был капитан или оберлейтенант, командиры 1-го и 2-го взводов – лейтенанты, командиром 3-го взвода – оберфельдфебель. На самом деле такого никогда не было. 17 танков в роте было только в первый день войны или максимум в первые две недели. В 1942 году в роте было самое

большее два офицера, в 1943 и в 1944 годах был один офицер в качестве командира роты (компани-шеф) или исполняющего обязанности командира роты (компани-фюрер).

Штатное расписание во время войны все время менялось. Танковый полк состоял, как правило, из двух батальонов, реже из трех батальонов. Батальон состоял из четырех боевых рот, роты снабжения и роты ремонтной мастерской.

В начале июня 1942 года началось большое наступление на центральном участке Восточного фронта. Перед началом наступления прошел солдатский молебен и совместный ужин. Во время этого молебна и благословения я в первый раз усомнился в моей вере, точнее говоря – в Боге. Я не мог понять, как Господь допустил эту войну, с такими большими жертвами с обеих сторон. Больше я никогда не участвовал в полевых службах перед боем.

Полк в составе 9-й танковой дивизии должен был взять город Воронеж. Бои были тяжелыми. Там, где мы были, в это время года светлело очень рано, и это автоматически делало наш сон коротким. Часто русские начинали контратаки уже в два часа ночи. На техническое обслуживание оружия и танков часто не было времени, оно было слишком коротким. Заправка танков и погрузка боеприпасов происходили, как правило, только ночью, особенно утомляло то, что бензин нам привозили в 20-литровых канистрах. Их приходилось носить за сотни метров, потому что грузовики с бензином не могли и не имели права подъезжать прямо к позициям. Точно так же было и с боеприпасами. Часто все это занимало два часа, и только потом мы могли немного отдохнуть. Физические нагрузки и недостаток сна нас вымотали. Это время было одним из самых тяжелых в моей жизни, мы все были на грани наших возможностей.

Несколько раз мы получали таблетки первитина. Однажды мы должны были преодолеть сильно укрепленную полосу обороны на глубину от 6 до 8 километров. Перед русскими позициями и между ними было необычно много колючей проволоки. Неожиданно водитель сообщил, что танк не тянет. Только после этого командир танка заметил, что мы тянем за собой несколько сотен метров колючей проволоки. Танк был так обмотан колючей проволокой, что из него почти невозможно было вылезти. Мы по радио вызвали другой танк, который тоже был обмотан колючей проволокой. Он наехал на наш «хвост», потом мы на его, так мы освободились от основного балласта.

28 июня в начале одной атаки мы получили попадание в башню, лейтенанту Зирзе при этом снесло полчерепа. Я повернулся посмотреть, что с ним, он опрокинулся на меня. При

этом весь его мозг выпал мне на куртку. Я был весь в крови, снял куртку, его мозг упал на полбашни танка. Атака продолжалась без нас. Мы вытащили мертвых из танка, положили их на корму и стали ждать ремонтников. Лейтенант Зирзе был позже похоронен вместе с другими товарищами, а у нас появилось три дня отдыха, пока меня и Зеппа Лакнера не определили в другой, восстановленный танк.

7 июля 1942-го наша рота получила задание прикрыть открытый левый фланг острия наступления нашей дивизии. Мы стояли на обратном скате холма так, чтобы хорошо видеть местность перед нами. Неожиданно с неприкрытого и неразведанного направления появились примерно 20 русских танков. Это были Т-34 и тяжелые КВ-1. Все произошло очень быстро. Мы с 500 метров открыли по ним огонь. Я попал по первому Т-34, который сразу загорелся, но и наш танк получил попадание в нижнюю часть башни. Башню заклинило, и она больше не поворачивалась. Пока я ковырялся в механизме башни, КВ-1 на полной скорости подъехал к нам и врезался в наш борт. Потом он отъехал на 10 метров назад и снова в нас врезался. Потом опять. После третьего удара он опять отъехал назад и выстрелил. Вероятно, русский наводчик нервничал, поэтому он попал в моторное отделение. Танк вспыхнул, и мы из него выскочили. Зепп Лакнер побежал к русскому танку и попытался ручной гранатой его подбить, но из этого ничего не вышло. Мы рванули в большое поле подсолнухов, чтобы там спрятаться. Там, примерно через 50 метров, перед нами неожиданно возник высокий русский с винтовкой и закричал нам: «Stoi!» Зепп схватился за винтовку и попытался вырвать ее у него из рук. Они некоторое время боролись, потом Зепп ударил его между ног. Русский закричал, выпустил винтовку из рук и упал на землю. Мы помчались дальше по полю подсолнухов и неожиданно заметили, что там везде были русские. Мы остановились и попытались понять, куда нам бежать. Осторожно проползли мимо русских. Трое суток мы блуждали в поисках нашей части. Снова вместе с Зеппом Лакнером я попал в новый танк, потому что командир роты знал, что мы хотим быть вместе.

– Если танк подбили, что потом делали безлошадные танкисты?

– Безлошадных танкистов брали в другие танки. Они также составляли резерв, были в готовности заменить раненого или убитого члена экипажа другого танка. Если танков не было, то они ничего не делали. В пехоту нас не отправляли.

Через короткое время после этого дивизия отметила 1000-й

подбитый нами танк – это был английский Марк II. Нам, 33-му танковому полку, было разрешено наименоваться «Принц Ойген».

– Какое было самое опасное русское оружие?

– Русскую артиллерию калибра 15,2 мы ненавидели, как черта. «Вруууумм!» – и облако черного дыма. Они хорошо по нам стреляли. Потом ратш-бум 7,62, его танкисты не очень любили, но кто из нас любит противотанковую артиллерию? В моей жизни был важный цвет – фиолетовый, цвет ракеты, которую запускали немецкие пехотинцы, когда они видели вражеские танки. Долгое время после войны, как только я его видел, так сразу вспоминал войну. Когда я впервые увидел эти новые фары на автомобилях, за которые надо доплачивать 900 евро, я сразу вспомнил войну.

– Как относились к Сталинскому органу?

– Сталинский орган был для нас, танкистов, в основном средством запугивания. Я не помню случая, чтобы им был подбит танк. Но взрывалась ракета громко и страшно. Пехота, конечно, страдала, им больше всего доставалось, бедные «свинские собаки» (швайнехунден), их было очень жалко. Еще в отличие от обычной артиллерии осколки от снаряда Сталинского органа были очень большие. Сотен осколков, как у нормального снаряда, у него не было, но если его большой осколок в кого-то попадал, то он или отрывал конечности, или разрывал тело на части.

– У русских были противотанковые ружья, вы их видели?

– Да, противотанковые ружья, такие длинные. Они могли пробить Pz-III. Еще они стреляли по смотровым щелям. Если они попадали точно в смотровую щель, то пробивали многослойное бронестекло. У нас были раненые. Я помню двух раненых, один наводчик получил ранение в шею из противотанкового ружья. Один раз мой танк получил семь попаданий из противотанкового ружья, но ни одна пуля броню не пробила.

– Какое у вас было личное оружие?

– Был пистолет калибра 7,65, но мы все его поменяли на «Вальтер» П-389 миллиметров. Я его ни разу не использовал. Однажды когда выскочил из подбитого танка, то спрыгнул в окоп и оказался между двумя русскими. Они сидели скрючившись, пережидая артобстрел, с винтовками, в разных углах окопа, я упал прямо между ними. Думаю, они меня не видели. Тут разорвался артиллерийский снаряд, и я выпрыгнул из окопа. Я успел достать пистолет, но применить его не пришлось.

– Какое оружие было в танке?

– Был пистолет-пулемет, один на танк, и ракетница.

– Какие отношения были с Ваффен СС?

– Хорошие, очень хорошие. Они были такие же солдаты, как мы, между нами не было никакой разницы. Возможно, офицеры Ваффен СС иногда были слишком заносчивыми. Но в целом никаких проблем у нас не было. Мы очень часто воевали с Ваффен СС, проблем никогда вообще никаких не было и зависти тоже.

– Русские ветераны говорят, что тогда, во время войны, они испытывали ненависть к противнику. Какие вы испытывали эмоции по отношению к противнику?

– Если бы мы не видели трупы наших солдат, над которыми надругались, то я бы сказал, что мы воевали без эмоций. Но иногда, когда мы видели, что взятого в плен немецкого солдата мучили или изувечили, тогда рождалась ненависть. Как-то осенью 1943-го мы должны были идти в ночную атаку. Ночные атаки были чрезвычайно напряженными. Дневные бои уже были очень напряженные и требовали нервов, но ночные бои были бесконечно тяжелыми. Ночные бои были только в чрезвычайных ситуациях, я в них участвовал не более десяти раз, и они никогда не были для нас успешными. Для русских, конечно, они были такими же неприятными, как и для нас, но для них они всегда были успешными. У нас была трофейная русская рация. Мы одного русскоговорящего немца (фольксдойче, видимо) посадили в танк с этой рацией. Началась атака, и он перехватил русские переговоры по рации. Русские говорили, что они взяли в плен пять немцев, и спрашивали, застрелить ли их сразу или везти в тыл. Это, конечно, немного подействовало нам на нервы. Мы атаковали на пяти танках, атака была успешной. Русские до этого прорвались, а теперь мы отогнали их назад. В два часа ночи, когда атака уже закончилась, было тихо. Пришел посыльный от пехотинцев. Он мне сказал: «Господин лейтенант, вас вызывает капитан, я должен вас к нему привести». Я спросил: «Что ему надо? Я не могу оставить танки». Посыльный сказал, что я непременно должен прийти. Я сказал, что я не могу отходить далеко от танков, он ответил, что это всего в 300 метрах отсюда, там бункер, куда я должен пойти. Я пошел с ним. В атаке участвовало довольно много пехоты, и перед бункером кругом стояло 20–30 солдат. Я зашел в бункер, это был русский бункер. Там внутри лежал пехотный лейтенант, с которым я разговаривал всего час назад. Ему в лоб молотком была вбита гильза от

патрона, и еще две гильзы были вбиты в оба колена. Скорее всего, ему сначала выстрелили в оба колена, а потом забили туда гильзы. Потом я услышал громкий крик, там, в бункере, были пленные русские. Немецкий капитан хотел у них узнать, кто это сделал, он орал на них и выстрелил в потолок. Тогда один русский показал пальцем в угол. Там был комиссар. Его вытащили на середину бункера, и тогда русские сказали, что это сделал он. Наш капитан через переводчика сказал, что он всех расстреляет, если они не расскажут, как это произошло. Тогда русские сказали, что они должны были держать немецкого офицера, а русский комиссар это сделал. На меня это все очень сильно подействовало, я вышел из этого бункера и пошел обратно. Какие тут эмоции можно испытывать? Что там дальше было, я не знаю, но, если бы мы в этот момент атаковали дальше, я бы не был без эмоций. Я это сейчас рассказываю без эмоций и плохих слов, но на войне были очень тяжелые ситуации… Представьте себе, как это – забивать гильзу от патрона в живого человека?

Эту ночь я так быстро не забуду, я ее никогда не забуду. Но я всегда говорю, что русские были точно такие же бедные свиньи, как и мы. Тех людей, которые начали войну, там не было, а мы должны были все это расхлебывать.

– Вы брали пехоту к себе на танки?

– Много и часто. Бывало мы просто куда-то подвозили пехотинцев. Кроме того, мы атаковали вместе с пехотой. Тогда они тоже были на танке, а потом спешивались. Мы говорили пехотному офицеру, который отвечал за взаимодействие с нами: «Скажите вашим людям, что они не должны толпиться возле танка, танк притягивает к себе огонь». Но пехотинцы обычно бежали за или рядом с танком, хотя танк притягивает к себе весь огонь, и они должны держаться на расстоянии. Тем не менее они этого никогда не делали. Еще мы брали на танк раненых. Я один раз взял в танк раненого русского офицера. Он хотел убежать от танка, но не смог. Когда он был у нас в танке, кто-то, или наводчик, или заряжающий, вытащил свой пистолет, просто чтобы его куда-то переложить, но он подумал, что его прямо сейчас застрелят, и очень испугался. Его было невозможно убедить в том, что он пленный в униформе и что его не застрелят. Потом была напряженная ситуация, я ему сказал, чтобы он вышел из танка, все равно, куда он пойдет, к нам или к русским, мне он в танке только мешал.

– Вы брали на прицеп противотанковые пушки?

– Нет, нет, у них были свои машины.

22 августа мы начали новую большую операцию. Полк должен был занять район на другом берегу реки Жиздры. Наступление быстро продвигалось вперед. В 14.00 мы были уже в пункте, которого мы должны были достичь только вечером. Поэтому неожиданно нас атаковали «штуки», которые, несмотря на наши световые и опознавательные знаки, по нам отбомбились. Нам повезло, что не было потерь.

23 августа наступление продолжалось, мы достигли нашей цели – бывшего, как я понимаю, имения с очень красивым парком, с древними, большими деревьями и кладбищем. Все дома были чистые, что было очень необычно, и покрашены в желтое – русские сделали из этого имения легочный санаторий. Мы встали в парке, как обычно, выкопали ямы, наехали на них танками, быстро провели техобслуживание танков, поели и легли спать.

24 августа нас рано подняли по тревоге. Прорвались русские танки. Как позже рассказывали, из легочного санатория русским по радио сообщили обстановку. Одновременно с прорывом русских танков нас пробомбили русские бомбардировщики, висевшие над нами постоянно. Они уничтожили пункт связи, находившийся в санатории. Произошел горячий танковый бой. Постоянно меняя позицию, мы оказались на кладбище. Снаряды и мины разрыли могилы, и то, что там творилось, невозможно описать. Стоял чудовищный запах! Когда я это вспоминаю, меня до сих пор выворачивает. Около 12 часов бой закончился. Потерь у нас не было, а мы подбили три КВ-1 и четыре Т-34.

В долине Жиздры мы видели обустроенные позиции и много русских. Пришел приказ их атаковать пятью танками и ротой гренадеров. Начало в 14.00 после артиллерийской подготовки небельверферами. Но, так как в 14.30 небельверферы еще не приехали или не были готовы открыть огонь, поступил приказ атаковать без артиллерийской подготовки. Когда мы выехали из парка, начался русский артиллерийский огонь, который все время усиливался и был необычайно плотным. В основном это были разрывы известных и ненавидимых нами 15,2-сантиметровых снарядов. У гренадеров с самого начала были существенные потери. Неожиданно наш танк получил прямое попадание в правый борт башни. Тяжелый артиллерийский снаряд пробил броню и разорвал на куски заряжающего. Башня фактически провалилась внутрь танка. Лейтенант Рочоль с головы до бедер был усеян осколками. Кроме того, ефрейтор Гроссхаммер и водитель также были ранены. Мы потеряли четыре или пять танков. Атака была прекращена. Каким образам я тогда остался цел, для меня и сегодня остается загадкой. О лейтенанте Рочоле

мы больше никогда ничего не слышали, я думаю, что он умер в лазарете. На поврежденном танке мы поехали в ремонтную мастерскую. Зепп остался с танком, а я пошел на главный перевязочный пункт, где мне удалили маленький осколок, и потом вернулся обратно в роту.

В 1942 году осенью, в очень дождливый, пасмурный день, мы атаковали один населенный пункт. Его защищал русский офицерский женский батальон. Я никогда такого не видел. У нас были очень большие потери. Их пленили. Один унтер-офицер вел их ночью и изнасиловал. Через восемь дней его приговорили к смертной казни и расстреляли. Тогда другой меры наказания за это не было. В нашей дивизии был еще один эпизод, когда командир взвода охраны пленных в пьяном виде застрелил трех русских военнопленных. Его приговорили к смертной казни, но он до расстрела сам застрелился. За все это очень строго наказывали.

Каждая дивизия имела свой Военный трибунал. Председателем был генерал – командир дивизии, но он делал только то, что говорил ему судья – профессиональный юрист в чине майора, кроме них в совет входили один или два фельдфебеля и один военнослужащий из части, где проходило заседание суда.

– В немецкой армии были штрафные батальоны, вы знаете кого-нибудь, кто там был?

– Да. Один солдат во время отступления в одном населенном пункте спрятался в русском доме. Он хотел дождаться, пока придут русские. Днем позже мы атаковали, отбили этот населенный пункт и его там нашли. Он в этом признался, его судили и отправили в штрафной батальон.

Во второй половине октября у нас была пауза. Мы смогли отмыться и выспаться. Ремонт униформы и нижнего белья (если у кого-то вообще еще был второй комплект) сам по себе уже был отдыхом. Однажды даже оба дивизионных священника провели молебен. Это было что-то вроде психологической разгрузки. Не знаю, было ли это кому-нибудь полезным. Лично мне это не помогло. Я должен был сам найти себя. Сильное внутреннее напряжение последних месяцев просто так ни у кого не проходило.

В конце октября нас эшелоном перебросили в направлении Ржев-Белый. Где-то в районе Белого поезд остановился, мы выгрузились и, совершив марш, остановились в селе Плоское. Впервые за долгое время каждый экипаж получил место в русском доме. Русские женщины, мужчин, ни старых, ни молодых, не

было, были очень дружелюбны, но сохраняли дистанцию. Никаких злоупотреблений не было. У нас было время отдохнуть и подготовиться к приближающейся зиме. Шло обучение. Служба не напрягала, и, я отдельно хочу подчеркнуть, не было никакой политической пропаганды.

– С течением войны изменилось ли отношение мирного населения в России к немецким войскам?

– У нас всегда были очень хорошие отношения. В принципе было так: когда мы стояли в каком-то населенном пункте, танк ставили перед домом и спали в доме. В кроватях, если они там были, мы спали неохотно, потому что там были вши и клопы, но зимой мы спали на печи, вместе с русскими стариками и детьми, хотя точно знали, что у нас будут вши. Мы русским и украинцам, когда были на юге, ничего плохого не делали, и они нам тоже ничего плохого не делали. Конечно, мы не были уверены позже, начиная с 1943 года, связаны они с партизанами или нет. Но в принципе никаких изменений не было, были человеческие отношения. У меня один раз была такая история, мы стояли в одном населенном пункте, там была большая открытая площадь. Рядом был штаб полка. Я сидел рядом с танком, приехал посыльный на мотоцикле, я вообще не понимаю, как такое могло произойти, вокруг было полно немецких солдат, но этого посыльного на мотоцикле застрелили. Это была русская партизанка, она спряталась в какой-то дыре и укрылась соломой. Я не понимаю, почему она это сделала, кругом было полно немецких солдат. Она должна была понимать, что ее немедленно поймают. Немецкий солдат, посыльный на мотоцикле, был убит, ее сразу же увели и потом, вероятно, допрашивали. Скорее всего она за это расплатилась жизнью.

– Насколько партизаны вообще были проблемой?

– Они были большой проблемой. Очень большой проблемой. У нас два или три раза были бои с партизанами. Плохо было то, что они в лесах или на проселочных дорогах прятались в кронах деревьев и оттуда стреляли, старались убить офицеров. Кроме этих случаев, я с партизанами не встречался. Еще один раз во время прорыва русских партизаны напали на лазарет, я как раз случайно был там.

– Вашу дивизию использовали в действиях против партизан?

– Нет. Конечно, могло быть так, что какой-то командир говорил: проверьте там в лесу, нет ли партизан. Но

целенаправленно против партизан нас не использовали. В принципе у танков были другие задачи, кроме борьбы с партизанами.

– У вас в роте были хиви?

– Да, двое или трое на кухне. Начиная с 1942 года. У нас еще были русские солдаты немецкого происхождения. Они часто были переводчиками.

– Было много перебежчиков с русской стороны?

– Да, да. Иногда их было ужасно много. Но, когда ввели комиссаров, их стало меньше.

– Как боролись со вшами?

– Был порошок. Один раз летом приехал передвижной пункт очистки от вшей, мы построились туда голые, помылись, но униформа после обработки села, и мы не могли ее надеть. На фронте было затишье четыре-пять дней, и мы отовсюду доставали какую-нибудь униформу, потому что старую невозможно было надеть. В конечном итоге нам дали новую униформу. Мы выглядели как цыгане. Нас как танкистов никто не принимал всерьез. Это было ужасно. Когда я писал письма моей матери, я первым делом ловил вошь и раздавливал ее на письме.

Привожу выдержки из моего военного дневника того времени:

> *29 октября*. Утром в 7 часов рота отправилась. Мотор не тянет, мы медленно плетемся сзади. Дорога идет вдоль линии фронта, поэтому останавливаться мы не хотим. Мотор тянет все хуже, мы постоянно находимся под обстрелом артиллерии, поэтому нам пришлось остановиться в каком-то маленьком овраге.
>
> Карбюратор частично разобран. Неожиданно огонь из пулемета. Пока водитель чистит карбюратор – в бензине опять была вода, – мы ведем пулеметный огонь по предполагаемому местонахождению пулемета противника в кустах. Тишина. Карбюратор установлен обратно, теперь танк нормально едет. Мы догоняем роту, которая как раз ведет огонь по вражескому бункеру. Мы присоединяемся.
>
> Около 17 часов возвращение в село Плоское. Мы отдыхали, но оставались в готовности.
>
> *30 октября*. Обустройство квартир и копание щелей.
>
> *4 ноября*. Зепп Лакнер уехал в отпуск. Геренс стал

радистом, и унтер-офицер Эхтлер, который сегодня вернулся из отпуска, снова с нами. Лабер и Кунтер, которые с Вязьмы были с нами, заменены. Майор Рихтер уехал в Вюнсдорф, капитан Хафен принял батальон.

6 ноября. Олт. (оберлейтенант) Бюттнер вернулся из отпуска и снова принял 1-ю роту. Имеются марки для посылок, по 7 штук на танк.

Это стоит пояснить. На посылки, которые посылались с фронта в Германию и из Германии на фронт, были ограничения по массе. Посылки могли весить максимум 500-2000 грамм, в зависимости от военного положения. Начиная с 23 июня 1944 года максимальный вес был 100 грамм. Кроме того, были так называемые марки для посылок. Каждый солдат периодически получал одну или две такие марки, старшина вел список.

Эти марки были большой редкостью. Поэтому мы делали так: перед тем как наклеить марку, мы брали свечку, наносили на марку слой воска и немного подчищали его лезвием. Дома марку отпаривали, счищали слой воска со штемпелем и использовали повторно.

– Что обычно было в этих посылках?

– Что-нибудь для матери, для отца или для брата. Сигареты, шоколад. Моя мать один раз прислала мне маленькую баночку малинового варенья. Им я отметил мой двадцать первый день рожденья в Кривом Роге, смешав с водкой.

Надо сказать, что почта работала превосходно. Моя мать нумеровала все письма, которые она мне посылала, поэтому я знаю, что ко мне дошло более 90 процентов ее писем.

Экипажи снова перераспределены. Из-за отпусков снова перемены. Я определен в танк фельдфебеля Невойгта, номер 114. Хайни Эберт едет в отпуск.

15 ноября. Строительство бункеров и ангаров для танков. На линии фронта относительная тишина.

16 ноября. Фельдфебель Невойгт едет в отпуск, фельдфебель Хааке становится командиром нашего танка.

23 ноября. Очень много снега. Мороз примерно от 8 до 10 градусов.

Сведения о положении: враг собрал против нас большие силы. Очень много артиллерии и танков. Через короткое время надо предполагать большое наступление при сильной поддержке авиации. По последним разведданным, у русских в готовности примерно 300 танков и много пехоты.

24 ноября. Сегодня утром с 3 часов сильный огонь вражеской артиллерии по деревне и по местности перед ней. В том числе три огневых налета Сталинских органов в центр деревни, редко встречающейся силы. В 5.30 – тревога! Враг уже захватил три деревни возле нас. Вероятно, из-за сильной метели и тумана наступление остановилось. Несмотря на это, вражеские самолеты летают над деревней.

Готовность к маршу…

25 ноября. Утром в 6.30 опять сильный артиллерийский огонь и огонь из Сталинских органов. Русские взяли Клемянтино и наступают с танками и артиллерией на Плоское.

Мы пытаемся по дуге зайти врагу в тыл. Когда мы ехали по лесу, примерно в 100 метрах от границы леса неожиданно перед нами появились два КВ-2, вероятно, с теми же намерениями, что и мы. Вероятно, они нас не видели. Один ехал прямо на нас с направления 3 часа! Так быстро мы еще никогда пушку не перезаряжали, и я попал в него бронебойным снарядом. Дистанция была примерно 50 метров. Конечно, все остальные наши танки тоже открыли огонь, оба КВ-2 были подбиты и загорелись.

Через короткое время по нам был открыт сильный артиллерийский огонь.

Оберлейтенант Бюттнер приказал ехать дальше по руслу ручья. Теперь пришло сообщение по рации: «Все командиры танков ко мне», хотя на расстоянии 2 километров примерно 30 русских танков, также наискосок по склону, ехали к руслу ручья. Так как он первым спустился в русло ручья, он, вероятно, не мог этого видеть.

Все командиры танков построились перед оберлейтенантом Бюттнером возле его танка, и в этот момент посреди них взорвался снаряд. Оберфельдфебель Демох сразу погиб, фельдфебели Хааке, Фрай и Шольц и унтер-офицер Окайн были тяжело ранены.

Рота осталась без командования, и половина танков лишилась командиров. Первым делом мы под сильным огнем погрузили раненых на танки и вместе с танками унтер-офицера Хорста и фельдфебеля Шольца поехали назад. На дороге был полный беспорядок. Повсюду бегали потерявшие ориентацию солдаты из полевой дивизии Люфтваффе, у которых здесь были позиции и которые приняли здесь их первый бой.

Дивизии Люфтваффе были созданы из избыточных солдат Люфтваффе. Зондеркоманды были привлечены для того, чтобы прочесать все части Люфтваффе в поисках лишних солдат или солдат, без которых можно было обойтись. Эта акция называлась

у солдат «Похищение героев». Вместо того чтобы распределить этих солдат по имеющимся резервным дивизиям, были созданы так называемые полевые дивизии Люфтваффе. Так как у них не было никакого фронтового опыта в этой жестокой войне, ничего противопоставить русским сначала они не могли.

Продолжение 25 ноября. Один капитан, который хотел остановить солдат и стоял возле нашего танка, неожиданно исчез. Он был просто разорван на мелкие части снарядом, выпущенным Т-34, который появился справа от нас и открыл огонь. Это было жутко! Несмотря на то что по нам велся огонь, солдаты Люфтваффе пытались залезть на танк. Причем спереди, так, что мы не могли стрелять. По нам продолжали стрелять, были новые раненые и убитые. Одному фельдфебелю, который стоял возле танка и пытался навести порядок, взрывом оторвало ногу. Я случайно как раз смотрел туда, где он стоял. Неожиданно он упал на землю, и ноги у него уже не было! Я спрыгнул с танка и вместе с одним солдатом, который пытался перевязать ему ногу, погрузил его на танк. Теперь танк был полностью нагружен ранеными, причем так, что водитель больше не видел дорогу, и мы больше не могли повернуть башню, не сбросив при этом раненых на землю. С трудом нам удалось обеспечить обзор водителю, и мы поехали под постоянным огнем.

Русские танки уже обогнали нас справа, и их больше не было видно. Спустя какое-то время мы приехали к главному перевязочному пункту. Там мы выгрузили раненых. Для фельдфебелей Хааке и Фрая перспективы выглядели не очень хорошо.

Мы немедленно поехали к паре окопавшихся пехотинцев, которые были рады тому, что с ними опять два танка. Один раненный в руку и голову лейтенант-сапер, у которого все еще шла кровь, с двумя солдатами пришел к нам и принял командование. У него также с собой была какая-то еда.

От него мы узнали, что в прорыве русских виновата полевая дивизия Люфтваффе, солдаты этой свежесформированной дивизии.

Наш погибший командир танка, оберфельдфебель Демох, все еще лежал на корме танка, мы хотели похоронить его завтра утром.

26 ноября. Ночь мы провели в танке. Я был у штабного врача на главном перевязочном пункте и узнал от него, что окрестные деревни, Романово, Престистая и так далее, попали в руки русских.

С главного перевязочного пункта я попытался дозвониться в батальон. Это было невозможно. Непонятно откуда пришел

приказ вместе с остатками какой-то артиллерийской части, которая поставила свои орудия на прямую наводку, прикрывать главный перевязочный пункт.

Около 10 часов неожиданно появился фельдфебель Шаде на танке командира роты, но самого командира в нем не было, и унтер-офицер Майер. Они принесли плохие новости. Танк унтер-офицера Очайна был подбит. Где его экипаж, никто не знает. Геренд пропал без вести. Эхтлер, водитель Очайна, теперь в подчинении унтер-офицера Майера. Селли получил ранение в живот, когда спасал раненых, и, говорят, его видели умирающим в каком-то бункере.

Везде творилось черт-те что! Горело все. Горы трупов. Большая часть русских переоделась в шинели Люфтваффе. Больше нельзя было отличить своих и чужих.

Во время огневого налета Сталинских органов один снаряд разорвался прямо возле нашего танка. Взрывом оберфельдфебеля Демоха, который все еще лежал на корме нашего танка, разорвало на части. С танка свисали только его кишки и обрывки его униформы.

Теперь у нас было четыре танка, и наши шансы выбраться живыми из этого дерьма несколько увеличились.

Мы оставались единственными солдатами, которым главный врач еще как-то доверял, и мы получили от него по пять канистр бензина на танк, но должны были пообещать ему, что мы защитим главный перевязочный пункт.

27 ноября. Вчера ночью пришел еще один офицер из 21-го танкового полка, этот полк послал вперед усиленную танковую роту. Теперь нас подчинили этой роте. Нам выдали еще по 100 литров бензина на танк, и мы получили приказ ехать в Баториново.

28 ноября. Тревога в 3 часа утра. Вроде бы русские опять прорвались. Это оказалось неправдой, мы остались на месте. Сегодня днем должно начаться.

Мы выступаем и атакуем вместе с 21-м танковым полком. Была большая проблема: все, и немцы, и русские, были в униформе Люфтваффе. Сначала мы сомневались, но потом открыли интенсивный огонь по – предположительно – вражеским солдатам. Полностью обосранная ситуация. Но потом выяснилось, что все-таки это были русские.

Все эти дни добавили нам злости.

29 ноября. Мы разместились у Ваффен СС, которые понесли очень большие потери от русских в униформе Люфтваффе, в деревне Ижеславка.

Совместная атака ближе к вечеру. В сумерках вернулись

обратно и по дороге были обстреляны из противотанковой пушки. Она, вероятно, не была замечена. Мы смогли уничтожить ее двумя фугасными снарядами.

30 ноября. Поехали дальше в другую деревню. Оставались там до вечера. Ночной марш. Опять приехали в какую-то другую часть. Туда прибыли около 23 часов. Заправились и пополнили боекомплект. Фугасных снарядов у нас больше нет. Ночью караулы и прикрытие.

1 декабря. Утром в 7 часов опять началось. Во время атаки сгорел опорный тормоз (управление). Унтер-офицер Штир тоже вышел из строя. Попадание в его танк разрушило боковой передаточный механизм. У Майера проблемы со сцеплением. Ситтер так хорошо застрял в одной яме, что мы сняли с его танка опорный тормоз, установили на наш танк и оттащили его танк в соседнюю деревню. Там мы совсем одни и в безопасности! Легкий, иногда переходящий в тяжелый минометный обстрел. Значит, русские уже не так далеко.

2–5 декабря. Дальнейшая оборона, вокруг никого нет. Это полностью обосранная ситуация, когда никого нет и никто не может сказать, что вообще происходит. К счастью, у нас еще есть снабжение из главного перевязочного пункта. В деревню входят гренадеры.

6 декабря. Мы едем назад и ищем ремонтную мастерскую.

7 декабря. Мастерская. Партизаны атакуют деревню. Спокойствия нет.

9 декабря. Налеты штурмовиков. Надеемся снова вернуться в наш батальон. В чужих частях неуютно.

10 декабря. Примерно в 13 часов едем вперед вместе с еще несколькими отремонтированными танками, чтобы атаковать одну деревню. Как обычно, на исходные позиции мы прибываем уже в темноте и ночуем в танке. Ужасно холодно, предположительно минус 28 градусов! Про сон можно и не думать.

11 декабря. Артиллерийская подготовка в 7 часов, начало атаки в 7.15. Мы хорошо продвигаемся. В самом начале атаки мы уничтожили две противотанковые пушки. У русских много противотанковых ружей. Позже мы насчитали семь попаданий по нашему танку, но ни одного пробития. Опять та же самая проблема – все в униформе Люфтваффе. Все дело продолжалось четыре часа. У врага примерно 400 погибших и 100 пленных. Наши собственные потери очень высоки, потому что из-за униформы Люфтваффе у нашей пехоты были проблемы. Своих и чужих нельзя было отличить.

Котел у Топорец-Калинин теперь закрыт. Теперь русские изо

всех сил пытаются пробиться. Им это не удается. Сегодня мы опять видели русские бомбардировщики на большой высоте. Два раза по девять самолетов. Они одновременно сбрасывают бомбы и листовки. Мы прикрываем еще два часа, обстреливаем большую русскую колонну с расстояния 1500 метров и едем обратно, взяв на прицеп танк унтер-офицера Майера.

Один подшипник двигателя сломался. Мы очень медленно продвигаемся вперед и ужасно мерзнем. Около 22 часов мы приезжаем на место и сначала греемся. Потом заправляемся, пополняем боекомплект, мы почти полностью его расстреляли, и принимаем пищу. Горячей еды, как и раньше, нет! Примерно в час ночи мы заканчиваем, и нас отправляют спать в пустой и практически не отапливаемый сарай, в котором находятся еще несколько пехотинцев. Во время разговора с пехотинцами выясняется, что один из них из Штайнхайма и знает мою родню. Он там дубильщик.

12 декабря. Утром в 5 часов опять тревога. Марш на исходные позиции. Опять запланирована атака. Прорвемся ли мы в этот раз? Все считают, что ничего хорошего не получится, потому что вчера в этой неподходящей местности одна танковая часть уже была полностью разбита. Русские здесь сконцентрировались. Мы курим без перерыва. У меня очень напряженное чувство и сильно бьется сердце, потому что я думаю, что это не может закончиться хорошо. Сейчас все тихо. Иногда разрывы снарядов вражеской артиллерии. Мы еще раз проверяем оружие, я смотрю, чиста ли от снега оптика и не замерз ли на ней дворник.

Атаку отменили. Предположительно решили, что посылать нас в атаку в таких условиях безответственно. Лица у всех сияют. Проходит примерно полчаса, и приходит посыльный. Уезжаем на новое направление. По дороге у нас ломается гусеница, и мы остаемся стоять. Выпал шплинт в пальце гусеницы. И это на этом проклятом холоде. С большими трудностями и голыми руками без перчаток мы чиним гусеницу и приезжаем к цели очень поздно.

Разумеется, нас сразу же ставят в прикрытие. Как солдаты из другой части, в этой чертовой части мы постоянно получаем только самые обосранные задания. Опять проклятый холод, и всю ночь мы слушаем русский громкоговоритель, который предлагает перебежать и рассказывает о теплых кроватях и бабах. Ну, по крайней мере мы так его поняли.

13 декабря. Возле нас артиллерийский передовой наблюдатель. Все время мы можем слушать приказы на открытие огня. Выглядит так, что все имеющееся вооружение всю ночь стреляет в котел. Также много залпов небельверферов. Вероятно,

русские долго не продержатся. Вроде бы окружены три дивизии и одна бригада. Вроде бы русские высшие офицеры запросили самолеты, чтобы покинуть котел.

На рассвете мы едем вперед, чтобы разведать переправу через ручей, и получаем попадание из противотанковой пушки. Рикошет. Мы уничтожаем противотанковую пушку, после того как она выстрелила, ее стало ясно видно, и держимся сзади. Опять прикрываем. Гораздо приятнее ждать русские танки, чем самим их атаковать.

Опять ночь в танке в этом свинячьем холоде. Наш громкоговоритель снова и снова предлагает русским сдаваться. Потом, через некоторое время, очень сильный артиллерийский огонь с нашей стороны. Не хотел бы я там быть.

14 декабря. Теперь нам все-таки надо еще раз атаковать. Предположительно это последняя атака для зачистки местности. Мы загрузили дополнительные осколочно-фугасные снаряды, они лежат на полу. Часть, которой мы подчинены, использует нас на износ. Мы воюем только в самых тяжелых местах. И теперь то же самое. У меня опять было плохое чувство, и это произошло. Четыре танка были подбиты с самого начала атаки, у пехоты тоже были большие потери. Опять видны солдаты в униформе Люфтваффе. Атака остановилась. Я не хочу знать, сколько немецких солдат погибло с начала атаки из-за этого бардака с униформой Люфтваффе!

В 7 утра еще одна атака. Во время переезда через овраг с кустами: удар – огонь – попадание. Я смотрю вниз на водителя и вижу, что у Герхарда Энке больше нет головы, а из шеи хлещет кровь. Фельдфебель Бенц выскочил из танка. В этот же момент мы получили второе попадание, которое разбило механизм наводки, оптику, ограждение орудия. Вероятно, меня не задело потому, что я склонился вниз и вперед, к водителю. Выстрел, который оторвал Энке голову, прошел через рацию и снес радисту Рудольфу Шмиду почти всю челюсть. Я тоже выскочил из танка, вытащил Шмида, у которого ужасно шла кровь, и оттащил его на 800 метров назад. Фельдфебеля Бенца нигде не было видно, как и заряжающего Эвальда. Линия фронта проходит там, где стоит наш танк.

15 декабря. Ночь я был у пехотинцев в лесу и ужасно замерз, у меня не было шинели. В танке во время боя она мешала.

16 декабря. Утром я пошел вперед к танку. Несколько наших пехотинцев еще были там, но лейтенант мне сказал, что эту позицию они должны оставить еще этим утром. С помощью двух пленных русских мы втащили застывшего водителя Энке в боевое отделение танка. Это было почти невозможно, мне пришлось

собрать в кулак всю мою волю, чтобы оттуда не убежать. Танк не заводился, и пехотный лейтенант собрал своих людей, чтобы уйти с этой позиции. Я был на пределе моих сил и пошел с ними назад. Танк остался на нейтральной полосе. Пришли ли туда русские, никто не знает. В сумерках я еще раз пошел к танку. После нескольких попыток мотор все-таки завелся, и я поехал назад, не включая свет, чтобы не быть подбитым собственными товарищами. Конечно, из нашей части я никого не нашел.

17 декабря. На танке я просто ехал назад. Один. Энке все еще лежит в той же позе, в которой он сидел на водительском кресле, в боевом отделении. Все в замерзшей крови! Еще примерно 25 очень страшных километров, потому что со мной никого не было, и в одной деревне я увидел танк из нашей части. Я остановился и вошел в дом. Там я услышал, что это лейтенант Румпф. Он должен был найти, собрать и забрать остатки солдат из нашего 1-го батальона. Фельдфебель Бенц тоже там был. Он, после того как нас подбили, ни о чем не заботясь, просто ушел в тыл. Об этом я доложу, тем более что Бенц хочет стать офицером.

18 декабря. Лейтенант Румпф, который во время моего обучения в Санкт-Пельтене служил там унтер-офицером, хочет еще что-то уладить, и я надеюсь завтра снова попасть обратно в нашу часть. Нам еще надо вытащить Энке из танка и отнести его к какой-нибудь похоронной команде.

19 декабря. В 7 утра мы уехали и проехали через деревню, в которой стоял наш обоз. Там я увидел могилу моего товарища Руди Фрайтага.

20 декабря. Марш всех остатков в полк. Я остаюсь с четырьмя товарищами и лейтенантом Румпфом как последняя команда, чтобы эвакуировать танк.

22 декабря. Танк эвакуировали без нас. Наконец-то можно успокоиться и разрядиться. Ожидание Рождества, писание писем и ожидание обещанной почты.

24 декабря. Рождество. Мы украсили маленькое дерево огнями и празднуем вшестером: лейтенант Румпф, штабс-фельдфебели Краус и Лоистл, Зепп Лакнер, который вернулся из отпуска, Оттмар Хан и я. Это время вспомнить о родине!

Из имеющихся продуктов мы приготовили еду, пели рождественские песни и рассказывали. Каждый рассказывал о своем доме, о своей семье. Мои мысли дома.

25–31 декабря. Отдых, долгий сон, писание писем и чтение полученной почты. Эта последняя команда оказалась хорошим делом. Мы отдохнули как никогда. Но я все еще на пределе моих сил.

Вместе мы отпраздновали и Новый год. Я без перерыва думаю

о погибших товарищах и о прошедших неделях. Так плохо еще никогда не было. Как я остался в живых в этом ужасном деле – я все еще не могу понять!

После возвращения в роту, которая была сформирована заново, я неожиданно получил приказ явиться к командиру батальона. После пешего марша в четыре километра в соседнюю деревню я ему доложился. Командир выразил мне свою признательность за спасение танка, и на следующий день я получил 21 день дополнительного отпуска домой.

– Что вы можете рассказать про командира вашего полка?

– Они менялись. Я с ними не общался и ничего про них сказать не могу. Они были такими, как и положено быть вышестоящим офицерам.

– Русская авиация в 1942 году была лучше, чем в 1941-м?

– Да, она была лучше. Но, как и у нас на конечном этапе войны, ее количественно не хватало.

– Количество часов на обслуживание всех ваших танков, от Pz-II до «Пантеры», сильно отличалось?

– Pz-II, Pz-III и Pz-IV не очень сильно отличались, в принципе это была одна и та же конструкция. У Pz-IV позже были проблемы с пушкой, когда снарядные гильзы стали производить не из латуни, а из стали, покрывая их лаком. После 10–15 выстрелов пушка становилась очень горячей. Пару раз случалось так, что гильза прижигалась к стволу пушки и не экстрагировалась. Тогда кто-то должен был вылезти из танка, взять банник, который состоял из трех частей, скрутить его. Наводчик опускал пушку, а солдат с банником вышибал гильзу. Такое на моем танке дважды происходило. Первый раз я послал заряжающего это делать, а второй раз сделал сам.

– Сколько раз вас подбивали?

– В России меня подбивали семь раз. И два раза на западе, американцы.

– А сколько танков вы подбили?

– Я не знаю. Дело обстоит так. Между командирами танков всегда были споры, кто подбил какой танк. Например, появляется Т-34. Все, конечно, начинают по нему стрелять, самостоятельно, без приказа командира роты. Один выстрелил, второй, танк остановился и задымил. Итого, подбит один танк, а отчетов о подбитом танке – два. Обычно было так, что мы подбивали 12

или 17 танков, а отчетов о подбитых танков всегда было 20 или 25. Когда мы осматривали подбитые танки, в них часто было шесть или восемь дырок, и каждый говорил, что это моя. Однажды я с 300 метров подбил Т-34. Я абсолютно точно это видел, но четыре или пять командиров танков имели на него виды. В целом я бы сказал, что я подбил примерно 30 танков. Цифра в 50 танков тоже может быть верной. Точнее я не знаю.

– Предположим, что вы на Pz-IV. С какой дистанции вы бы открыли огонь по Т-34?

– Pz-IV с пушкой L-48 уверенно поражал Т-34 с дистанции 800 метров. Сейчас в Германии в целом считается, что Т-34 был феноменом, что мы ничем не могли его подбить. И ничего не делается для того, чтобы побороть это заблуждение. Для Pz-III это частично верно, в 1941-м и весной 1942 года основная часть Pz-III была с короткой 5-сантиметровой пушкой. Ее снаряд не мог пробить Т-34 даже с 300 метров. Поэтому возникла эта легенда. Но оружие развивалось дальше, и, когда появился Pz-IV с пушкой L-48, мы постепенно узнавали, что мы можем подбить Т-34 с 600 метров, потом с 700 метров и так далее. Потом мы поняли, что мы уверенно поражаем Т-34 с дистанции 800 метров. Кончилось тем, что Т-34 уже не ездил в первой волне атакующих, сначала приезжали КВ-1, а потом только Т-34. Т-34 имел преимущество только в маневренных боях за счет скорости, но не за счет толстой брони. Броня у него была только 45 миллиметров, это был не вопрос для 75-миллиметровых пушек. Когда я говорю «не вопрос», это, конечно, не следует понимать так уж буквально.

На западе я сталкивался с «Шерманами». Мы на Pz-IV также могли без проблем подбить «Шерман» на расстоянии 800 метров. Должен сказать, что, когда мы начали воевать с американцами, мы уже прошли очень хорошее обучение у русских. То, что мы позволяли себе с американцами, с русскими себе позволить мы никак не могли. Я имею в виду всякую легкомысленность. Русские, как солдаты, пользовались у нас абсолютным уважением. А американцы перед нами бегали, я бы так сказал. Иногда было так, что мы попадали по «Шерману», броню не пробивали, танк был абсолютно целый, но экипаж бросал танк. С русскими такое не проходило. Это было абсолютно исключено. Я довольно долго воевал на самоходном орудии, на западе через короткое время мы заметили, что с американцами можно вытворять такое, что с русскими никогда бы не прошло, никогда. Меня часто хвалили, но дело скорее было не во мне, а в американцах.

– Вы использовали трофейные русские танки?

– Нет, мы не использовали. Это было слишком опасно. Была одна рота на Т-34, на них была нарисована большая свастика. Я бы очень неохотно сел в трофейный танк. Мы подбили КВ-1, он был полностью целый, мы, конечно, хотели попробовать на нем поездить, и мы это сделали. Там был ящик, на нем сидел водитель, а возле ящика лежала кувалда, ею, видимо, переключали передачи.

В Т-34 радист помогал водителю переключать передачи.

– Что вы находили хорошего и плохого в русских танках?

– Примитивность, конечно. Вот это вам, наверно, будет интересно, очень часто были попадания, которые не пробивали броню. И мы не всегда замечали, что в нас попали, во время боя, в движении. Но это всегда можно было унюхать. Когда снаряд попадал в броню, там происходил чудовищный выброс энергии, в том месте, куда попал снаряд, броня раскалялась и горел лак. Этот запах мы чувствовали. Внутри танка появлялись желтые пятна, и этот запах до сих пор стоит у меня в носу.

– При стрельбе в башне было сильное задымление?

– Очень сильное. Там был вентилятор, большой вентилятор. Но он меня, да и всех, очень нервировал, я всегда ругался, говорил, выключите этот дерьмовый вентилятор. В бою его нельзя было оставлять включенным. Когда мы делали один или два выстрела, мы его ненадолго включали, но этот вентилятор я не мог выносить. С другой стороны, мы люки, сверху и сбоку, никогда не запирали, не закрывали, потому что при попадании в танк, когда взрывался снаряд, образовывалось избыточное давление. Люки вылетали, но, если бы они были закрыты, нас бы убило только избыточным давлением.

– Если вам в бою сбивали гусеницу, вы сами ее ремонтировали или ждали ремонтников?

– В зависимости от того, насколько сильными были повреждения. У меня два раза сбивали гусеницу, один раз зимой, это было очень неприятно, очень тяжело, очень холодно. Но обычно, когда сбивали гусеницу, приезжали ремонтники с соответствующим инструментом.

– Экипаж помогал ремонтникам?

– Да, конечно. Если танк еще подлежал ремонту на фронте, то экипаж помогал. Если танк для ремонта отправляли в Германию, то после ремонта приходило сообщение, что ваш танк отремонтирован, можете его забирать. Это было довольно редко,

но тогда весь экипаж, пять человек, посылали в Германию за танком. Руководителем ремонтных служб был начальник автомобильной службы полка. Он отвечал за техническое состояние всех танков и автомашин. Штабу полка принадлежала рота ремонтной мастерской, которая располагала обширными возможностями ремонта, включая кран для замены моторов и прочих тяжелых работ. Кроме того, были эвакуационные команды и команды запасных частей, в ротах были технические группы.

27 февраля я вернулся обратно в часть. На следующий день я вместе с моим товарищем Зигфридом Швабом из Вельса получил приказ ехать в Санкт-Пельтен, в 33-й резервный танковый батальон. Здесь 1 марта меня произвели в унтер-офицеры и уже 1 апреля в фаненюнкеры.

После короткой подготовки в Санкт-Пельтене меня перевели в военную школу в Вюнсдорфе, а затем в Гросс-Борн. Там, во 2-й инспекции, я окончил 13-й поток 1-го учебного курса фаненюнкеров танковых войск. Обучение охватывало весь спектр военных наук, особенно танковую тактику, технику вооружений, стрельбу из всего имеющегося в танке вооружения, ориентирование на местности, поведение в бою, теорию военного дела, снайперскую стрельбу. В нас все время впечатывали следующую модель действий: положение – анализ – решение. Особое внимание уделялось теме управления людьми. Этот курс был очень объемный и имел большое значение во время всего обучения. 1 июля я стал обер-фенрихом. После окончания этого курса в конце июля 1943 года меня перевели в Берлин-Гроссклинике. Там без перерыва началось специальное обучение танковых офицеров и одновременно подготовка на должность командира роты. 1 октября 1943 года меня произвели в лейтенанты. После присвоения звания вечером прошла торжественная церемония [Großer Zapfenstreich], которая меня глубоко тронула. Вскоре мы разъехались по частям.

Непродолжительное время я был в резерве фюрера, потом меня отправили в мой 33-й танковый полк. Меня назначили командиром взвода 3-й роты, командиром роты был капитан Жесс, с которым у меня были очень хорошие отношения. Бои начались восточнее Кривого Рога. Днем и ночью мы без перерыва были в танке. Было холодно, и русские все время пытались прорваться. Танки были приданы пехоте в группах по две-пять машин. Они при русских прорывах составляли костяк обороны и часто были решающим оружием. Мы пытались помогать пехоте всем, чем возможно. При этом часто возникали проблемы с управлением, потому что пехотные офицеры не разбирались в тактике применения танков и давали нам невыполнимые

приказы.

Пехотинцы очень неохотно находились в танке. А уж с началом боя всячески старались его покинуть.

В эти дни к нам пришел посыльный из пехоты и доложил, что один из сбежавших от русских немецких пленных рассказал, что примерно в трех километрах от нас около 60 немецких пленных солдат должны носить снаряды на позиции русской артиллерии. Его командир роты просил о помощи в контратаке с целью освободить немецких пленных. Вместе с лейтенантом Зеппом Медлем из Вены мы атаковали на четырех танках. Русские были захвачены врасплох. Мы смогли уничтожить позиции артиллерии и освободить немецких товарищей.

Мой товарищ Медль ехал справа от меня, и я увидел, что один русский неожиданно залез к нему на танк. Такое, конечно, только русские делали, американцы, разумеется, ничего такого не делали. По радио я ему сказал: «Медль, внимание, русский на твоем танке». Медль понял это как «внимание, русский танк» и, чтобы лучше видеть, наполовину высунулся из люка на башне. Русский, который стоял на корме, схватил Медля сзади. Началась борьба, во время которой русский откусил Медлю ухо. Мы вступиться не могли, потому что, если бы дали очередь из пулемета, Медль тоже был бы убит. Экипаж Медля слышал борьбу на крыше танка, но думал, что это Медль там танцует от холода, чтобы согреться. Неожиданно русский покатился и упал с танка. Медль смог выстрелить и убить русского, кроме того, в пылу борьбы он так сильно его укусил, что откусил русскому палец. Наводчик Медля потом несколько дней всем показывал в качестве «победного трофея» этот откушенный грязный палец с грязным ногтем. Танк лейтенанта Медля через несколько дней был подбит у железной дороги, а сам он тяжело ранен. После выздоровления он больше не был пригоден к военной службе.

В районе Кривого Рога во время контратаки 10 января 1944 года мой танк Pz-IV получил прямое попадание из противотанковой пушки. Заряжающему при этом оторвало правую руку, наводчика смертельно ранило. Я остался цел и пересел в другой танк, который два дня спустя, то есть 12 января, у села Петрова Долина (совр. Петрово. – *А.Д.*) был подбит. Тяжело был ранен наводчик. Позже он умер. Это было седьмое попадание в мой танк в России, которое я пережил только благодаря невероятному везению.

В начале или середине февраля 1944 года остатки танкового полка собрали в Арнаутовке (совр. Дорошовка. – *А.Д.*) на Южном Буге, там я отпраздновал мой 21-й день рождения. Наконец-то мы смогли отдохнуть и снова прийти в себя.

Вечером на берега прилетали многие сотни диких уток. Мы решили их настрелять. На рассвете я, вооружившись пулеметом, и еще человек десять с автоматами подкрались по болотистому берегу как можно ближе к уткам и открыли огонь из пистолетов-пулеметов и одного пулемета. После того как утки улетели, нам удалось собрать примерно 80 тушек. Из них наш повар и квартирмейстер обер-ефрейтор Йоханн Аллахер из Гольса на озере Нойзиедлер приготовил «праздничный густой утиный суп». Но тут примчался посыльный из штаба! Оказывается, на противоположном, западном берегу стояла румынская часть. Когда мы открыли огонь по уткам, румыны подняли тревогу и сообщили своему начальству, что русские уже на другой стороне Буга. Румынский штаб передал это сообщение, вероятно, еще его преувеличив, немецкому связному офицеру, который, в свою очередь, передал его в свою дивизию, которая забеспокоилась. Определенно, это донесение, пройдя еще через несколько штабов, дошло до штаба нашей дивизии, который немедленно прислал посыльного и потребовал доложить обстановку. Разумеется, для начала я получил приличных плюх от моего командира и приказ представить письменное объяснение. В следующие дни вопрос с письменным объяснением сам собой отпал, потому что нас маршем отправили на юг, в направлении Одессы.

– Какое у вас было отношение к союзникам – итальянцам, венграм, румынам?

– Они ничего не стоили. Один раз я воевал вместе с итальянцами. Если бы там не было ни одного итальянца, было бы лучше. Румыны были немного храбрее, а венгры еще лучше.

Конечной целью и сборным пунктом дивизии была Брайла в Румынии. Были слухи, что оттуда нас поездом отправят во Францию на переформировку. Местность в глубине Румынии с древними традициями была ничуть не лучше, чем знакомые нам районы России. По дороге мы все время встречали отступающие румынские части. После формирования плана железнодорожных перевозок нашу дивизию через Будапешт привезли в Вену. После очистки от вшей и четырех дней отдыха в Вене я и еще примерно 30 человек поехали в качестве передовой команды в Ним в Южной Франции. Остаток 33-го танкового полка получил 12 дней отпуска.

Переформирование 9-й танковой дивизии продолжалось до июля 1944 года, хотя господство в воздухе союзников становилось все заметнее. Так, например, вокзал в Ниме был сильно поврежден бомбами союзников. На случай вторжения командование 9-й танковой дивизии провело штабные учения на

побережье Средиземного моря.

6 июня 1944 года, в День Д, части союзников высадились на нескольких участках в Нормандии. Начало вторжения застало нас на больших учениях в районе Арль-Экс в Провансе, учения были немедленно прекращены. 27 июля пришел приказ грузиться на север. Хотя французские партизаны были очень активны, мы доехали без больших проблем. С 6 августа дивизия в основном была сосредоточена в Аласо [Alençon]. Стремительное развитие событий после прорыва врага у Авранша требовало немедленного введения нас в бой. Начались жаркие бои с 3-й американской армией. В связи с превосходством вражеской авиации и высоким темпом битвы тактическое движение было практически невозможно.

– У американцев была сильная авиация?

– Катастрофа! Во время вторжения 80 процентов наших танков были уничтожены авиацией.

– 20 июля 1944 года, покушение на Гитлера. Что вы об этом слышали и какое у вас к этому было отношение?

– Я был возмущен. На войне, в момент, когда речь идет о выживании народа, нельзя устранять руководство. Точно так же как во время войны нельзя было убивать Сталина. Эта организация заговорщиков внесла свою лепту в то, что мы проиграли войну. Из-за этой предательской организации погибли тысячи немецких солдат. Для меня люди, которые устроили 20 июля, – это не герои, это предатели. Всё, вопрос закрыт.

– После 20 июля появились офицеры национал-социалистического руководства, комиссары?

– Это был настоящий анекдот. Пришел приказ, что в каждом батальоне должен быть национал-социалистический руководящий офицер, НСФО. Никто не знал, что с этим делать, и сказали, ты – НСФО и ты – НСФО. Все. Может быть, где-то наверху они что-то делали, но у нас они были ноль. Я бы ни в коем случае не сравнивал национал-социалистического руководящего офицера с комиссаром. Он должен был бы таким быть, но против комиссара НСФО был ноль. Они не имели никакого значения. Один мой хороший товарищ, лейтенант, был НСФО. У них даже не было никаких специальных инструкций. Иногда у них была какая-то учеба, потом мы у них спрашивали, чему вас там учили, они говорили, что там им не сказали ничего, чего бы они до того не знали.

Мы подбили много вражеских танков, но и полк потерял

основную массу техники. У нас возникло подозрение, что на верхних уровнях командования не все чисто. Приказы приходили или слишком поздно, или не соответствовали ситуации! Нас отвели с передовой в конце августа. На поезде поехали в Санкт-Пельтен. Все роты были сформированы заново.

19 октября пришел приказ дивизии о выступлении. Танки нам должны были позже прислать вдогонку. На поезде мы ехали на запад, не зная, куда именно. Три дня спустя мы приехали в Вальдниель/Айкен. 30 октября прибыли первые танки. Это были Pz-IV для 2-й и 3-й рот. Самоходные орудия StuG III для 1-й роты должны были прибыть позже.

4 декабря меня перевели в 1-ю роту, назначив ее командиром.

– Насколько вы себя комфортно чувствовали в штурмовом орудии после танка? Многие русские солдаты говорят, что штурмовое орудие было эффективней танка из-за маленькой высоты.

– Я говорю то же самое. Хотя поначалу никто из офицеров не хотел идти командиром роты штурмовых орудий. Все говорили, что мы танкисты, а это эрзац-танк. В итоге меня назначили командиром роты. Так вот, по итогам боев я на этих штурмовых орудиях подбивал больше вражеских танков и нес меньшие потери, чем роты на Pz-IV. Штурмовое орудие было ниже, маневреннее и быстрее. Я сторонник этих танков.

17 декабря началось наступление в Арденнах. Нас ввели в бой в январе 1945 года в районе Бастони. За населенные пункты Новиль и Фо, позже Уфализ [Houffalize] в середине января шли тяжелые бои. Сначала нашим противником была 101-я американская десантная дивизия. Капитан Бекер, командир батальона, имел очень неприятную манеру давать приказы. Во время боев он держался в зоне видимости рот, и, когда что-то шло не так, как он предполагал, или когда поступали новые приказы, он на своем танке подъезжал к танкам находящейся в бою роты, вызывал к себе командиров танков и персонально давал им приказы. Я лично при этом попал под сильный огонь артиллерии и получил осколок мины в правую голень, а унтер-офицер Кайзер так погиб.

Бои между Новилем и Фо, несмотря на преимущество авиации союзников, велись с обеих сторон очень ожесточенно. 13 января погиб лейтенант Румпф. Я по приказу капитана Бекера с 1-й ротой атаковал Фо. Атака закончилась неудачей, потому что пехота нас не поддержала. Фельдфебель Клотц и весь его экипаж были ранены, его орудие подбито. Мы вернулись обратно на

позицию между Фо и Новилем. На следующее утро была атака американцев на танках и броневиках. В классическом танковом бою мы смогли отбить атаку и уничтожить все танки противника, не понеся потерь. Между горящими танками лежали многие убитые и раненые. Через некоторое время появился американец, который размахивал флагом Красного Креста. По определенным причинам американцы со своими санитарными машинами должны были проехать в 100 метрах от моего танка, чтобы забрать своих раненых. Они так часто ездили и даже забрали своих мертвых. На правой подножке последней санитарной машины стоял американский офицер, вероятно медик, который, к моему удивлению, отдал мне честь. Я, разумеется, ответил на его приветствие. Я довольно быстро покинул свою позицию и двинулся в направлении Новиля. Практически тут же точно по тому месту, где я стоял, был нанесен сильный удар артиллерией. Как же я ругался! Дальше мы отступали с боями через Санкт-Вит, Прюм, который был полностью разрушен бомбами, Шляйден в направлении Кельна. В это время меня с частью 1-й и 3-й рот неоднократно подчиняли оберлейтенанту Бокхофу.

Во время постоянных оборонительных боев где-то в начале марта я захватил несколько американских бронированных машин снабжения. Среди них была одна машина, полностью загруженная сигаретами. Мы загрузили столько сигарет в наши танки, сколько туда поместилось. Когда мы отошли назад, чтобы заправиться, мы проехали мимо штаба дивизии. Я сообщил о результатах наших боевых действий тому, от кого мы получили приказ, – тогдашнему майору оперативного отдела фон Грольману. Майор фон Грольман был злостный курильщик и, кстати, большой педант. Я как-то получал от него приказ в бункере на Западном валу, он был недоволен моей ручкой и грязной и затасканной картой. Я приказал выгрузить для него и для штаба около 30 блоков сигарет, и в этот момент неожиданно пришел командир дивизии генерал фон Эльверфелдт. Он потребовал доклада и затем приказал мне и двум противотанковым орудиям остаться при штабе дивизии в качестве его персонального боевого резерва, всегда в двухминутной боевой готовности. Мои возражения он не принял во внимание. Последние танки 1-го батальона 33-го танкового полка после этого я увидел только в Кельне. С этого момента я стал ежедневной пожарной командой. При этом мне очень везло, и я успешно воевал, не в последнюю очередь из-за манеры ведения боя американцами и моего большого опыта, полученного в России.

– Если сравнивать Западный и Восточный фронт, где

было тяжелее, какая была разница?

– На востоке было гораздо тяжелее. На востоке против русских было гораздо сложнее из-за всего способа ведения войны, танковой тактики, качества противника. Легче было на западе, но качество оружия у американцев, конечно, было лучше. У американцев была великолепнейшая артиллерия. Ни наша, ни русская артиллерия не может с ней сравниться. Американцы были в состоянии делать своей артиллерией вещи, про которые мы даже не догадывались, что такое возможно. В Альтенкирхене, в самом конце войны, я стрелял по скоплению американских танков. Я, вероятно, успел сделать по ним 10 выстрелов, после этого по мне начал стрелять американский артиллерийский дивизион, это было как в аду, так быстро они открыли по мне огонь и так интенсивно стреляли. От леса, в котором я стоял, ничего не осталось, ни одного дерева. Они стреляли еще 15 минут после того, как я оттуда ушел.

Однажды я получил из оперативного отдела приказ держать перекресток дорог до следующего дня, пока остатки дивизии, прежде всего части снабжения и артиллерия, через него не пройдут. При этом настойчиво указывалось, что приказ надо выполнить любой ценой. Я взял дополнительный боекомплект и обе противотанковые пушки и поехал. Установил противотанковые пушки и сам занял подходящую позицию. До вечера было тихо. Было туманно, но небо прояснялось. Когда стемнело, я на моем танке хотел подъехать к перекрестку, потому что с моей позиции я в темноте уже ничего не видел, но меня остановил один хауптфельдфебель и доложил мне следующее.

Он из – номер я уже не помню (700х) – народно-гренадерской дивизии. В населенный пункт слева от нас неожиданно вошло большое количество американцев, и его командир роты с остатками других подразделений, позже оказалось, что их всего примерно 20 человек, забаррикадировался в доме. Кроме того, он слышал звуки танков с другого конца деревни.

Ситуация стала серьезной, и я задумался над сложившимся положением. Я пешком, вместе с хауптфельдфебелем прошел в направлении этого населенного пункта, внимательно все осмотрел и обнаружил возможный подъезд (положение – анализ – решение). Результат: так как перекресток должен оставаться свободным, имеются две возможности – либо мы ждем до утра и попытаемся остановить танки, которые определенно будут нас атаковать, либо, против всех правил тактики, едем сейчас в деревню и попробуем поставить американцев на уши. Я выбрал второй вариант. Разумеется, ситуация была мне полностью понятна. Или план сработает, или живыми мы не вернемся. При

этом я был убежден, что, даже если нас подобьют, на следующее утро американцы будут продвигаться предельно осторожно. В связи с затруднительным положением дивизии я решился атаковать, в том числе и потому, что обе противотанковые пушки куда-то исчезли. Как я позже узнал, они как раз в это время меняли позиции. Об их исчезновении я позже доложил. С экипажем моего танка я обсудил план. Я особо подчеркнул сильное моральное действие постоянно стреляющего танка. Моим водителем был унтер-офицер Кастль, товарищ еще из 1941 года, с которым мы вместе были новобранцами, один из лучших моих товарищей до самой его смерти в 1999 году. Наводчиком был унтер-офицер Хайнрих Эберт из окрестностей Хайдельберга. Имя заряжающего я не помню. Примерно в 20.00 мы на максимальной скорости подъехали к краю деревни и сразу же открыли огонь из пушки. Начался интенсивный огневой бой. Мы расстреляли практически весь наш боезапас, более 70 снарядов, и к 24 часам окрестности были очищены. Наш танк получил пять попаданий из панцерфаустов. Последнее из них повредило пушку, одно попадание повредило поддерживающий каток, еще два попадания не нанесли нам никакого вреда. Еще одно попадание пришлось в свернутую палатку, которая лежала на корме танка, снаряд не взорвался и остался там торчать. Это мы заметили только два дня спустя. С хауптфельдфебелем, который с тремя пехотинцами обеспечивал нашу пехотную поддержку, я передал сообщение его командиру роты, чтобы его представили к Железному кресту первого класса. После окончания боя я вернулся к штабу дивизии и доложил о событиях. На следующее утро я должен был повторить доклад, и половина штаба дивизии осмотрела мой получивший пять попаданий танк. Конечно, мне выразили признание за успех и прежде всего поздравления с тем, что я жив. Последние подразделения нашей дивизии прошли перекресток до обеда, и за время, которое я еще был там, американцы там продвигаться не пробовали. Нам повезло, это было очень необычное солдатское счастье. Удивительно было то, что за мной не было вообще никаких частей, которые могли бы остановить продвижение американцев. Самоходка из-за поврежденной пушки требовала ремонта, поэтому меня освободили от моего персонального задания при штабе дивизии и отправили обратно в мой батальон, которой был возле Кельна. Этот успешный бой стал возможным только благодаря великолепной командной работе всех членов экипажа. Мои приказы немедленно выполнялись, экипаж реагировал быстро и уверенно. До того как мы уехали, я представил водителя унтер-офицера Кастля к Железному кресту первого класса, а заряжающего к Железному кресту второго

класса. Унтер-офицера Эберта произвели в фельдфебели. Когда мы прибыли в район Кельна, через короткое время я получил документы на награждения и на присвоение звания. Я зачитал их перед построившимися солдатами. К сожалению, на Железный крест первого класса унтер-офицера Кастля пришли только документы, а не сам орден. Когда после оглашения я заметил его расстроенное лицо, я снял с себя мой ЖК1 и повесил ему. И он засиял!

6 марта во время боев за Кельн погиб командир дивизии генерал фон Эльверфельдт. Незадолго до взрыва моста Гогенцоллернбрюке с остатками наших танков мы переехали на другой берег Рейна. Через Дойтц-Мюльхайм-Делльбрюк и Паффрат мы приехали в Торринген и там на частных квартирах смогли наконец-то немного перевести дух.

Отношение населения к нам было абсолютно позитивным. Разумеется, большую роль в этом сыграла манера ведения войны союзниками. Постоянные бомбовые удары и уничтожение городов, кроме того, атаки на бреющем полете на все, что движется, включая бегущее гражданское население, рассказы о русских зверствах действовали очень сильно. Население нас поддерживало, а солдаты сражались ожесточенно. Батальон переформировали, и в первый раз возник большой вопрос: что будет дальше? Ответа никто не знал. То, что война для Германии проиграна, мы все знали, но мы также знали, что мы должны оказывать сопротивление как можно дольше, чтобы прикрыть спину наших товарищей на Восточном фронте, чтобы они дали возможность многим женщинам и детям бежать от резни и ужаса, который несли русские.

– Когда у вас появилось ощущение, что война проиграна?

– Когда я в первый раз увидел преимущество американцев, я подумал, что войну, вероятно, нам не выиграть. Сегодня, задним числом, все умные, но нельзя было просто все бросить, даже если ты лично считаешь, что время для этого наступило. После того как американцы заняли Францию, мы были в Германии. Опять получили новые танки. Наш командир подполковник Штрайт был в ставке Гитлера, где собрали различных фронтовых командиров. Когда он оттуда вернулся, у нас прошло офицерское собрание. Он рассказал, что он был на приеме у Гитлера. Он тогда этих командиров попросил, что, когда они вернутся в свои части, они должны продержаться еще три месяца. Гитлер сказал, что если мы выдержим еще три месяца, то у нас будет оружие, которым мы сможем закончить войну. Мы в это поверили. Как теперь известно, речь шла об атомной бомбе.

Батальон получил 26 бронетранспортеров, вооруженных 15-миллиметровыми строенными пушками. Командовать ими поручили мне. Через короткое время экипажи были распределены по танкам. Для наших водителей проблем с ними не было, но с 1,5-сантиметровыми пушками нам надо было научиться обращаться. Они работали действительно хорошо.

Когда 11 марта мост в Ремагене невредимым попал в руки американцев, я получил приказ вместе с другими силами воспрепятствовать расширению образовавшегося плацдарма. Это не удалось в связи с большим превосходством воевавшей там 1-й американской армии. Огромную силу огня, прежде всего вражеской артиллерии всех калибров, невозможно описать. Начались разнообразные бои на восточных склонах Семи Гор [Siebengebirge], и я опять получил самоходное орудие для противотанковой обороны. Бои на собственной родине были для нас особенно тяжелыми, потому что мы имели волю к борьбе и к сопротивлению в любой форме, но при этом пытались избежать потерь среди гражданского населения. Это привело к ситуации, которая мне дорого обошлась и к которой мы были совсем не готовы.

Понятно, что деревенские жители хотели, чтобы их деревни остались неразрушенными, и поэтому вывешивали на церквях и в других местах белые флаги. Но когда ночью неожиданно, не поставив нас в известность, вывешивались белые флаги, а мы находились в пределах населенного пункта, это могло привести к очень тяжелым для нас последствиям, связанным с военным правом. По этой причине в таких случаях я вводил абсолютный запрет на открытие огня и немедленно покидал населенный пункт. В некоторых случаях при этом я нарушал приказ.

По долине Зигталь мы доехали до Бетцдорфа. Мы вошли в город после обеда, и я со своей самоходкой стоял почти напротив парикмахерской. Парикмахер, старый человек, через некоторое время, взволнованный, вышел из парикмахерской и спросил ответственного офицера. Я отозвался, он попросил меня пройти к телефону. Я назвал себя в телефон, мне ответил очень взволнованный женский голос, она жила выше, над Бетцдорфом, и уже некоторое время наблюдала там американские танки, которые как раз сейчас въехали в ее двор. Она звонила, потому что знала, что в Бетцдорфе находятся немецкие солдаты, и хотела нас предупредить. Я еще сегодня нахожу это очень примечательным!

Ночью я получил приказ ехать в Айзерфельд. Огородами мы отправились туда и к вечеру приехали. На следующее утро у меня был огневой бой с атакующими американскими танками

«Шерман». При этом моя самоходка получила прямое попадание, которое на месте убило водителя, Отмара Хана, и тяжело ранило наводчика в грудь. Со мной опять ничего не случилось. Это был восьмой раз, когда мой танк был подбит.

Немного позже я получил приказ принять 5-ю роту моего раненого товарища, оберлейтенанта Эрвина Шрассера из Вайдхофена, с последними пятью или семью танками «Пантера» и явиться в Эрндтебрюк, где ожидалось большое наступление.

– Какого вы мнения о «Пантере»?

– Пушка «Пантеры» была недосягаемая. Это была пушка 7–5, L-70, по результативности она была точно такая, как 8–8. С расстояния 1400 метров «Пантера» могла подбить любой американский танк. Пушка «Пантеры» была достойна зависти, но сама «Пантера» была слишком большая. На базе «Пантеры» также производилось штурмовое орудие. Оно было, конечно, супер. Супертанк! Я себе такой хотел.

– Обслуживание «Пантеры» было сложным?

– Да, конечно, «Пантера» была сложнее. Но обслуживание было не столько сложнее, сколько объемнее. Тогда разница между танками была не очень большой, это современные танки нельзя обслуживать без техники, как и современные автомобили.

После ряда боев мы заняли позиции в городе Эрндтебрюк, потому что пришли данные о том, что туда с большими силами наступают американцы.

Мы уже несколько недель не выходили из танков, мы участвовали во многих тяжелых боях и были смертельно уставшими. Я второй раз доложился капитану Адрарио, получил от него спецпаек в виде сигарет и хотел идти на назначенную нам позицию. Но капитан Адрарио сказал, что на сегодня достаточно, и отправил меня отдыхать в дом посередине деревни. Я нашел командира роты, саперного оберлейтенанта, и обсудил с ним обычное: рассказал, где стоят мои танки, сказал будить меня при любой тревоге. Потом мы с экипажем легли в комнате в квартире у сапожника. Танк стоял перед домом, от нашей «Пантеры» нас практически отделяла только стена.

Неожиданно – я подумал, что мне это снится, – я услышал стрельбу и американские голоса. Должно было быть пять или шесть часов. Мой водитель Густль Медак, который теперь живет в Канаде, меня разбудил: «Ами здесь!» В этот момент американцы дали очередь в окно нашей комнаты и закричали с типичным американским акцентом: «Привет, товарищи, выходите, война закончилась!» Я схватил мой ремень и головной убор, выйти из

дома было нельзя, и я как молния помчался вверх по лестнице в доме. Я подождал на втором этаже, в дом вошли американцы. Я спрятался в сене на чердаке. Я заметил, что я был босиком. Американцы несколько раз выстрелили в сено и ушли. Я полежал еще какое-то время и стал выбираться. Я хотел понять, кому-то из моего экипажа удалось спрятаться или их всех забрали? Позже оказалось, что их всех приняли.

Два или три часа я прождал в доме, наблюдая за американцами на улице и возле моего танка. Они хотели его взорвать, но передумали, и бросили в него противотанковое средство – пакет с кислотой, которая выделяла очень сильный и непереносимый дым. При этом, по мнению американцев, танк был выведен из строя. Наша артиллерия открыла огонь, американцы рассредоточились, я понял, что из дома надо уходить, чтобы по мне не попала собственная артиллерия.

Американцев не было видно, я выскочил на улицу и запрыгнул в люк водителя головой вперед. Мне удалось повернуться и завести мотор. 550 лошадиных сил завыли. Я поехал. Американцы отпрыгивали в стороны. Маскировочная сеть, лежавшая на башне, скатилась и практически перекрыла мне видимость. Я выехал из Эрндтебрюка, доехал до перекреста дорог, потом на луг и встал, чтобы убрать маскировочную сеть. В этот момент я получил прямое попадание, танк немедленно загорелся. Горящая маскировочная сеть лежала на люке водителя, и я не мог отрыть люк и выскочить из танка. Я подумал, что это конец. Но тут сеть догорела, и люк поддался. Я выскочил из танка и в 100 метрах от себя увидел солдат и танки моей собственной роты. Они мне помахали, и я вернулся в мою роту.

– Что произошло?

– На этот вопрос отвечает Эрнст Кроепль: «Через несколько часов неожиданно появилась наша пропавшая «Пантера». Когда она приблизилась на 1000 метров, мы увидели, что она едет на полной скорости и из мотора идет дым. Мы были уверены, что «Пантеру» повредили американцы. Недалеко он нас, на опушке леса, стоял Хетцер. Мы не обращали на него особого внимания, командир Хетцера, усатый штабс-фельдфебель, тоже с нами не разговаривал. Наша «Пантера» приближалась все ближе. И тут стоящий рядом с нами Хетцер выстрелил! «Пантера» получили прямое попадание и остановилась. Мы увидели, что водитель выскочил из горящего танка и катается по земле, чтобы сбить огонь с горящей униформы. Водитель подошел к нам, лицо его было обгоревшим и черным, и только когда он оказался прямо перед нами, мы узнали лейтенанта Бауэра!»

Командир Хетцера совершил ошибку, он подумал, что я – это трофейный танк, в котором сидят американцы, и выстрелил. Я, в мой девятый раз, выжил в подбитом танке. Это было 6 апреля 1945 года у Эрндтебрюка.

После первой перевязки я доложил ситуацию командиру участка генералу Коенигу в Биркельбахе. После этого меня отвезли в лазарет в Ольпе. Что было там, я не помню, я помню только, что врач после того, как меня обработал, спрашивал, сгорели ли мои товарищи в танке. День после того полностью выпал у меня из памяти. 8 апреля я несколько пришел в себя и узнал, что через короткое время американцы будут здесь.

Чтобы не попасть в плен, на следующий день я исчез из госпиталя на одном из многих стоявших там кругом грузовиков. Как я вел грузовик, контуженый, с полностью перевязанной головой, сгоревшими и перевязанными руками и спиной – это для меня до сих пор остается загадкой. После совсем не долгой поездки я встретил два танка из нашего полка, и дальше я легко попал к капитану Симону и остаткам нашего батальона. Разумеется, меня никто не узнал, я должен был представиться. Он, конечно, обрадовался, что я жив, и до конца, который наступил 17 апреля, я оставался с моими товарищами.

16 апреля мы были в районе Изерлон. Остатки нашего 33-го танкового полка собрались в лесу у Летматы, и всем было ясно, что это конец. К этому отрывок из газеты 9-й танковой дивизии:

«Так называемая «33-я боевая группа», то есть остатки 33-го танкового полка, вернулась в вышеназванный лес. Утром стало известно, что с 10 до 12 часов будет перемирие. Капитан Симон, я, там был еще один офицер в серой униформе, обсудили ситуацию, было решено пробиваться после окончания перемирия. Пришел приказ от подполковника Бокхофа, запретивший прорыв, который принес бы слишком большие потери. После этого капитан Симон приказал всем построиться. Я построил остатки 1-й и 3-й рот, другой офицер построил оставшихся.

Капитан Симон произнес короткую речь, в которой напомнил о славной и тяжелой истории нашего полка. Он напомнил места боев, упомянул погибших товарищей, сказал о нашей вере в наш народ и родину».

Потом 33-й танковый полк был распущен. Когда он произносил эти слова, он чуть не упал в обморок! Мне не стыдно сказать, что у нас у всех были слезы в глазах и у меня в жизни не было более потрясшего меня события. Тогда я поклялся, что этот момент я никогда не забуду, и теперь я об этом говорю.

В конце концов образовались маленькие группы, которые хотели как-то пробиться. Мы распрощались друг с другом и

поменялись домашними адресами.

Мой верный водитель, товарищ и друг унтер-офицер Ханс Кастль, как и ефрейтор Каефер ни в коем случае не хотели оставлять меня одного, без их защиты и помощи. Мы решили попробовать пройти между американскими линиями и пробиться на юг. Со многими неясностями и трудностями мы попытали наше счастье. Большой проблемой были бывшие польские и русские военнопленные, которые свободно грабили и собирались в банды, чтобы искать, ловить или убивать немецких солдат. У некоторых из них даже было оружие. Постоянно, особенно ночью, были слышны выстрелы. Мы иногда чувствовали себя как в партизанском районе и были рады, что у нас еще есть наши пистолеты и один пистолет-пулемет. Беспорядок был огромный, тем хуже, что многие немецкие солдаты переодевались в гражданское и так пытались прошмыгнуть из котла. Американцы сделали то, что они всегда делали, и назначили премию сигаретами за немецких солдат. Время было распределено так, что ночью мы шли, а днем где-то прятались. Разумеется, быстро идти я не мог, ожоги причиняли мне большие мучения. Перевязочные материалы также закончились. Ханс Кастль очень обо мне заботился и каждый день, если это было возможно, менял мне повязки. Первые дни у нас еще было что есть, кроме того, в различных крестьянских домах, в которые мы заходили ночью, мы всегда что-то получали. По всей дороге люди были готовы помочь, общность народа себя проявила, население помогало своим солдатам, даже с риском для себя.

Так продолжалось почти до конца апреля. Мы пришли к какому-то отдельно стоящему крестьянскому дому. Мы постучали, сверху выглянула крестьянка. Когда она услышала, что я ранен, она немедленно спустилась вниз и открыла дверь. Когда она увидела мои грязные и прилипшие бинты, она стала очень заботливой и готовой помочь. Несмотря на мои возражения, она наполнила водой тазик и насыпала туда, как она сказала, «Персил», еще довоенный. Потом она очень осторожно смыла и счистила прилипшие и намокшие повязки на ожогах. Это была очень болезненная пытка, но я был уверен, что она все делает правильно. Человек примерно лет 35 пару раз появился и посмотрел на нас во время перевязки и потом, когда мы ели молочный суп с хлебом. Крестьянка объяснила, что он польский военнопленный, который живет с ними еще с 1940 года. У меня было нехорошее чувство, что он может нас предать, но крестьянка меня успокоила, и мы легли отдохнуть. Через короткое время неожиданно приехала машина с четырьмя американцами и этим поляком, с пистолетами в руках они ворвались в дом и на кухню.

Так с моими товарищами я попал в плен.

Несколько лет после войны я пытался найти этот дом, чтобы выразить крестьянке благодарность, но не нашел. Мой товарищ Кастль также не мог вспомнить ни где он находится, ни как называется ближайшая деревня.

Через два или три сборных лагеря я попал в Менден и оттуда в Реманген. При этом мне пришлось многое перенести и выдержать. То, что американцы обращаются с военнопленными так бесчестно и жестоко, я считал абсолютно невозможным. У большей части немецких солдат забрали все, что у них было. Их «освободили» от их вещей, прежде всего от часов, обручальных колец и орденов. Я видел американских солдат, у которых рука до локтя была в часах и которые их цветные шейные платки закрепляли многочисленными обручальными кольцами, а внизу был узел. Во время наших боев во Франции и потом в Арденнах мы взяли в плен достаточно много американцев. Никому из нас и в голову не пришло забирать у пленных их личные вещи и/или давать им пинок под зад, как это было с нами во время разгрузки из вагонов. Тому, что лично у меня не было таких проблем, я обязан моим перевязкам от ожогов. Но у меня были проблемы из-за моей черной униформы. Иногда американцы считали, что я офицер СС, и обращались со мной не слишком нежно. Только после того, как они установили, что у меня нет татуировки, со мной начали обращаться как с «нормальным» военнопленным!

В лазарет меня не отправили. Через ворота лагеря (в самом лагере американцев не было) я многократно просил оказать мне медицинскую помощь.

Много раз мне отказывали, если не говорить «посылали». Однажды, во время очередной попытки, меня сильно толкнул какой-то немецкий солдат. Мне было очень плохо, и я обругал его. Он извинился и сказал: «Товарищ, меня сюда привезли из лазарета, я ничего не вижу!»

Через несколько дней я увидел, как у ворот из грузовика выгружают раненых, американцы забирали их из госпиталей. Невозможно описать, как американцы обходились с ранеными, у солдат с ампутированными ногами они забирали костыли.

Снабжения не было никакого, я повторяю: «Никакого». Все деревья вокруг лагеря были без листьев, голодающие солдаты варили их в консервных банках и ели. Я встретил там не освободителей, а солдат армии, для которых, мягко выражаясь, не существовало ни Гаагской, ни Женевской конвенций.

Данные о холере и других заболеваниях соответствуют действительности. Ужасно было наблюдать, как солдаты с поносом и высокой температурой на огороженной колючей

проволокой территории подыхают прямо на голой земле.

Когда женщины подходили к колючей проволоке, чтобы бросить через нее продукты, их прогоняли. Солдат, которые осмеливались подходить к колючей проволоке, чтобы подобрать продукты, просто расстреливали из пулемета.

То, чего наши «освободители» так и не смогли побороть, так это дисциплину и дух товарищества. Готовность помочь у солдат всех званий была невероятной. Если бы было не так, то произошла бы катастрофа, которую невозможно описать.

Я не могу точно сказать, как долго я был в лагере в Ремангене, примерно две или четыре недели. Какие-то незнакомые мне товарищи отнесли меня в колонну, которую грузили в грузовики. Когда грузовик наполнялся, он ехал к вокзалу. Там нас перегружали в товарные вагоны. Поезда, которые там составляли, ехали в Аттиши [Пикардия] во Францию. Мои впечатления от этих транспортов совпадают с впечатлениями других товарищей: угнетающие для нас и позорные для американцев. О пребывании в Аттиши я не буду говорить много. Если я расскажу все, это взорвет рамки моего повествования. В лагере было около 100000 немецких военнопленных. Внутри большого лагеря были маленькие лагеря, на 1000–5000 человек. Офицеров отделили от остальных солдат и разделили на так называемые «сотни». «Командирами» этих сотен были бывшие солдаты Вермахта, осужденные трибуналами за какие-либо преступления и «освобожденные» американцами из тюрем. То, что там происходило, легко себе представить.

Еду мы получали по следующей норме: на 100 человек две буханки хлеба в день, примерно по одному килограмму каждая. Говоря по-другому, в день человек получал кусочек хлеба размером с кусочек сахара!

Вода была в бочке, которую наполняли из автомобильной цистерны. У многих товарищей не было ни котелка, ни кружки, и это вызывало большие проблемы. Позже нам начали давать немного фасоли, немного больше хлеба и очень крепкий кофе, который привозили в корытах. Кофейную жижу, которой в корытах было от 6 до 8 сантиметров, некоторые товарищи сушили и курили. Через некоторое время в палатке обустроили церковь, и начались службы. Эта палатка была практически всегда пуста. Но потом, когда объявили, что после службы участвовавшим будут выдавать по два кекса, там всегда было много народа. Также было запрещено собираться в количестве больше трех человек.

Конечно, среди многих офицеров мы искали знакомых. Абсолютно неожиданно я встретил последнего командира

остатков нашей дивизии в Рурском котле, подполковника Бокхофа, которому меня с моими танками несколько раз подчиняли во время боев в Айфеле. Я очень обрадовался, потому что подполковник Бокхоф, командир 11-го панцергренадерского полка нашей дивизии и кавалер Рыцарского креста, был известный и любимый офицер. Сразу во время приветствия он мне сообщил, что еще до того, как бои в районе Изерлон закончились, он от высшего штаба, находящегося за пределами котла, персонально получил телефонное сообщение, что я награжден Рыцарским крестом Железного креста. От этого моя радость от встречи с ним стала еще больше. Несмотря на мое положение, я был гордым немецким солдатом.

Через некоторое время нам неожиданно приказали построиться. Американский офицер зачитал нам информацию о положении в Германии, и нам раздали серо-зеленые или зеленые открытки, чтобы мы могли написать нашим семьям. Там мы могли вписать только наши имена в такой шаблон:

Принадлежавший к разбитой немецкой армии

Имя: _____

Сообщает о том, что он жив.

Меня и многих товарищей такая циничная формулировка так разозлила, что карточки мы не заполнили и не отослали.

Был разгар лета, стояла жара, ситуация для нас ухудшилась. Прежде всего голод, который больше невозможно было переносить. Вся территория лагеря была равниной, открытой для любой непогоды. Мы себя спрашивали, где, собственно, находится Аттиши, и один товарищ в ясную погоду в направлении на юго-запад разглядел Компьенский лес.

Сортирные слухи обгоняли друг друга, и каждый день было больше плохих новостей, чем хороших. Когда первых офицеров перевели в другой лагерь, я с еще несколькими товарищами договорился попробовать попасть в следующий транспорт. Это получилось, и нас погрузили в грузовики. Целью был Реймс. Были две группы, всего 100 офицеров. За грузовик, в котором был я с подполковником Бокхофом, отвечал черный американский сержант, который в отличие от других охранников был дружелюбен и честен. (Тогда, в 1945 году, в американской армии еще была расовая сегрегация!) Он сказал подполковнику Бокхофу следующее:

«Вероятно, в Реймсе у вас будет тяжелая ситуация. Вы первые немецкие офицеры, которые придут в этот лагерь. Ожидается, что немецкие солдаты, заранее распропагандированные, нападут на вас, как на офицеров, когда вы войдете в лагерь».

Когда мы на грузовиках въехали в лагерь, бывшие

кавалерийские казармы, везде стояли кинокамеры, и кинооператоры снимали наш прием, который прошел совсем не так, как было запланировано. Сотни немецких солдат встретили нас криками «ура» и дружескими приветствиями. Ами были разочарованы, возможно, даже опозорены. После построения и пересчета во дворе ко мне неожиданно бросился солдат из моей бывшей роты и обнял меня. Снабжение и в Реймсе было очень плохим, и первые дни он всегда приносил мне какую-то еду, потому что мы приехали из Аттиши в ужасном состоянии.

Примечание: в районе Реймса под надзором американцев было около 35000 немецких военнопленных. Они работали на американскую армию, там была огромная перегрузочная зона для всего снабжения, поступающего в зоны оккупированной Германии. Все немецкие солдаты однозначно нас признали, и нигде не было желаемых американцами «осложнений» между солдатами и офицерами.

– Что вы делали после войны?

– Сначала я был один год в плену. Woennoplennyi. У американцев. Потом я вернулся сюда, помогал отцу. Потом мы открыли заправочную станцию. Потом я руководил представительством «Опеля». Из-за Рыцарского креста у меня всегда были проблемы. Когда меня брали в руководители представительства «Опеля», то что-то не получалось, и я сам поехал в Руссельсхайм [штаб-квартира «Опеля», под Франкфуртом-на-Майне]. Там всем еще руководили американские военные, так что я туда ехал без больших надежд. Хотя американцы после войны были хорошего мнения о немецком генералитете и офицерском корпусе. В приемной перед американцами сидел оберлейтенант. Мы с ним побеседовали про войну, где кто был. Этот оберлейтенант оказался из дивизии, с которой мы когда-то вместе воевали в России. Он сказал: «Ах, вы танкист, у меня наилучшие воспоминания о танкистах. Какие у вас награды?» Я ему сказал, что у меня Рыцарский крест. Он сказал, что он должен сразу доложить обо мне американцам. Он пошел в кабинет, и меня туда почти сразу же пригласили. Там меня спросили: «Вы танковый офицер?» – «Да». – «Вы участвовали в боях во время вторжения?» – «Да». Тогда он мне сказал, что раз я танковый офицер и получил Рыцарский крест, то, наверно, я и машины смогу продавать. Все было ясно, меня взяли на работу и дали лицензию. Единственный раз я получил преимущество, которое мне дал Рыцарский крест.

– Как относились к офицерам Вермахта в Германии после

войны?

– Так же плохо, как и ко всем остальным солдатам. Даже сегодня отношение к немецким солдатам, к Вермахту, очень плохое. Но это особенная проблема. После войны американцы использовали только тех людей, которые в Третьем рейхе как-то пострадали или эмигрировали. Было очень много людей, нет, немного, но были, которые сбежали за границу. Для этого не надо было быть евреем, достаточно было негативно высказаться. Именно эти люди потом определяли политику в Германии. К нам, солдатам Вермахта, они относились не очень хорошо, понятно. Я был активным офицером, я был профессиональным офицером, и когда появился Бундесвер, меня спросили, не хочу ли я в Бундесвер. Бундесвер на 99,99 процентов состоял из бывших военнослужащих Вермахта. Я не мог решиться стать активным офицером Бундесвера, потому что вся эта ситуация с отношением к военнослужащим Вермахта мне не нравилась, и я уже год работал в «Опеле». В качестве офицера резерва я поступил во вновь созданный Бундесвер и в 1962 году в первый раз был на сборах в 302-м панцергренадерском батальоне в Эльвангене. 11 июля 1972-го мне присвоили звание подполковника резерва. Три года спустя я вышел в отставку.

– Как вы восприняли капитуляцию – как поражение или как освобождение?

– Нет, нет, конечно, как поражение. Это было одно из самых потрясших меня впечатлений в жизни. При этом было много несправедливости, и мои симпатии к американцам, если у меня к ним вообще были какие-то симпатии, полностью исчезли. Хотя и русские к нам не очень хорошо относились, хотя русские после войны плохо обошлись с немецкими женщинами, русских я вообще не ненавижу. Но я ненавижу американцев. Русские просто сказали: теперь будет так. На эту тему есть анекдот: два рыбака, русский и американец, ловят рыбу. Русский поймал рыбу, убил ее и съел. Американец поймал рыбу, отпустил ее обратно в реку, потом опять поймал, потом опять отпустил. И так ее мучил, пока рыба не сдохла. Вот так примерно у нас было. Еще есть много анекдотов, но это не так важно. Короче, американцев я люто ненавижу.

Всего за время, когда я был солдатом в немецком Вермахте, я получил Железный крест второго класса, Железный крест первого класса, Знаки за ранения: в черном, в серебре и в золоте, Танковый знак в серебре первой степени, Танковый знак в серебре второй степени, медаль «Зимняя кампания на Востоке» и Рыцарский крест Железного креста.

– У вас золотой знак за ранения, сколько раз вас ранило?

– Семь раз. Пять раз на востоке и два на западе, несколько раз я горел.

– Что такое, по вашему мнению, хороший командир?

– Внимательный, человечный, умеющий не только приказывать, но и делать все самостоятельно.

– Что такое, по вашему мнению, хороший солдат?

– Я по-другому скажу. Когда солдат поднимается в атаку, его жизнь становится несущественной. Но в этот момент он перерастает себя, получает признание самого себя, своей готовности умереть, признание, которое он не получал в мирное время. Так становятся необычайными, большими людьми. Хороший солдат показывает уверенность в себе. Наверняка есть хорошие солдаты с плохим характером. Есть солдаты, которые были неудачниками в повседневной, мирной жизни, а на войне стали героями. Или наоборот. Лично меня полностью выковала война.

Альфред Руббель

Я родился в 1921 году недалеко от Тильзита в городе Сентейнен. Мой отец крестьянин, но, кроме того, торговал скотом. Я был единственным ребенком в семье. До 18 лет ходил в школу. У меня было так называемое право поступления в университет чрезвычайного времени, Notabitur. В средней школе учились десять лет, потом еще три года в гимназии. Последний год обучения назывался обер-прима. По его окончании выпускник получал право поступления в университет или мог пойти учиться на офицера. Когда я оканчивал школу, обучение сократили на год, и последний год уже давал право поступления в университет или право стать офицером. Это называлось право поступления в университет чрезвычайного времени, Notabitur. Когда война закончилась, те, кто хотел учиться в университете и имел только право поступления в университет чрезвычайного времени, должны были еще два года учиться в школе. Вот так… Ну а в 1939 году я добровольно пошел в солдаты и воевал до 1945 года.

Почему добровольно? Потому что добровольцам позволяли выбрать род войск, в котором служить. Я ужасно хотел в танковые войска! А в пехоту не хотел…

– Как вы оцениваете положение Восточной Пруссии перед войной?

– Мы боялись своего изолированного положения. Польша имела территориальные претензии, и мы опасались, что поляки оккупируют всю Восточную Пруссию.

– Вы были в Гитлерюгенде?

– Да, как и почти все. Я был в Связном Гитлерюгенде – из нас готовили радистов и телефонистов. Мне было интересно. Один день в неделю мы проходили службу в Гитлерюгенде. Но я бы не сказал, что нас подвергали идеологической обработке. Такой факт. Школьное начальство принуждало нас надеть униформу Гитлерюгенда на выпускной вечер, но весь класс, не договариваясь, пришел в черных гражданских костюмах.

Я сначала был очень рад, что попал в выбранный мной род войск. Но, как потом выяснилось, сокращение Pz меня обмануло, 5 декабря 1939 года я приземлился в пехоте, в 14-й противотанковой роте 21-го учебного пехотного полка в Браунсберге! 21-й учебный пехотный полк был учебным полком 21-й пехотной дивизии, которая стояла в готовности в Эйфеле. Я чувствовал себя не очень хорошо: первый раз был далеко от

родного дома, мало того, попал в пехоту.

Было очень холодно, когда большая группа молодых людей, с 00.00 часов этого дня ставшая солдатами, высадилась из поезда в Браунсберге. Два одетых в серое господина громко командовали – те, кого призвали в пехоту, должны были идти налево, а те, кого призвали в артиллерию, должны были идти направо. Я еще надеялся, что попал в танковые войска и с пехотой и артиллерией я не имею ничего общего, поэтому я с моим чемоданом в одиночестве остался стоять посреди перрона, ожидая приглашения в танковые войска. Один из одетых в серое господ подошел ко мне и очень грубо спросил, чего я жду. Я сунул ему под нос мою повестку. Его лицо налилось кровью, и он заорал: «Вы в пехоте!» Там я и оставался следующие шесть месяцев.

Обычно все солдаты проходили обучение на пехотинца четверть года. Я девять раз просил о переводе! Только после похода во Францию, когда количество танковых дивизий было удвоено, наши заявления о переобучении на танкиста должны были принять во внимание, и в июне 1940 года я был переведен в Берлин, в 5-й танковый полк, и стал танкистом.

Танковым войскам я оставался верным 5 лет войны, 22 года в Бундесвере и 12 лет в разработке танков после моей отставки. И до сегодняшнего дня я с ними связан.

Мое продвижение по службе проходило чрезвычайно медленно. 1 июня 1940 года я стал старшим стрелком, 1 декабря 1940 года – ефрейтором. После окончания обучения на заряжающего и наводчика (из танковой пушки я при этом ни разу не выстрелил) нас перевели в 12-ю танковую дивизию в новообразованный 29-й танковый полк в Заган, там находился штаб полка и 1-й батальон, 2-й батальон находился в Любене, 3-й – в Шпроттау. Мы попали в 9-ю, среднюю роту на танках Pz-IV с 7,5-сантиметровой пушкой 3-го батальона. В роте было 17 танков. Две легкие роты нашего батальона получили чешский Pz-38(t), очень быстрый танк со смешной 3,7-сантиметровой пушкой.

– Какие танки были в училище?

– Pz-I, Pz-II и Pz-38(t). Обучение проводили унтер-офицеры, офицер, конечно, наблюдал.

– Как часто вы стреляли, до того как попали на фронт?

– Не часто, боеприпасов было мало. В учебной части для обучения стрельбе были тренажеры. В пушку был вмонтирован винтовочный ствол, с помощью которого имитировался выстрел. Только пару раз мы выстрелили настоящими снарядами. Мы очень, очень мало стреляли.

– Сколько всего продолжалось обучение на танкиста?

– Полгода. Сначала индивидуальное обучение, потом сколачивание экипажа. Не очень интенсивно. Дивизия была переформирована в танковую из пехотной. К пехотным полкам просто добавили танковый полк.

– Как учили стрелять, с ходу или с короткой остановки?

– Только с остановки. На ходу мы стреляли только из пулемета, в лучшем случае.

– Вы можете вспомнить команды, которые давал командир?

– Была команда «огонь», состоявшая из трех элементов «эРМиЦа». эР – это наводчик, Richtschütze, М – это боеприпас, Munition, Ц – это цель, Ziel. Говорилось: «Наводчик, направление (допустим, 12 часов), боеприпас – бронебойный, цель – вражеский танк». «Ausführen! – Выполнять!» Выстрел. Так учили нас в школе. На войне мы так не делали. Когда я стал командиром танка, я держал руку у него на правом или левом плече, и, когда я сильно сжимал плечо, он поворачивал пушку быстро, а когда я сжимал слабее, он поворачивал медленно. Потом я говорил дистанцию, он ловил цель и стрелял.

– Как для вас началась война?

– Примерно 10 июня 1941 года нас транспортом повезли на восток. Мы выгрузились в районе Алленштайна и маршем прошли через Николайкен к границе в районе Лыск. Ходили слухи, что мы получили от русских право прохода в Иран. В Северной Африке наступал Роммель, и в глобальных клещах британцы будут уничтожены в Египте, Палестине и повсюду, где они были. Кроме этого мы получим персидскую нефть! Я не помню, верил ли я в это. Это звучало фантастически, но на фоне нашего союза с русскими выглядело убедительно. В общем, мы называли себя «Иранской армией». Некоторые уже пытались оценить, какой будет «азиатская прибавка» к военной зарплате.

Но вечером 21 июня командир роты оберлейтенант Оберман зачитал нам приказ о наступлении…

Мы, примерно 120 человек, сидели кругом на опушке леса, а шеф стоял под деревом. Я помню фразу: «Завтра утром, 22 июня, мы начинаем наступление». Он говорил, что враг, слово «русские» или «Советы» произнесено не было, располагает танковой группой, по силам примерно равной нам. Первым атакует 1-й батальон. Больше я не помню. Сразу хочу сказать, что я не помню

пресловутого «приказа о комиссарах».

Каким у меня было настроение? Я был подавлен, потому что было ясно, что мы будем воевать против русских. Мы идем против государства, которое в его тогдашнем состоянии являлось неизвестной величиной. Какое гигантское расстояние до Москвы, до Урала, а там Россия только по-настоящему начинается, потом Сибирь и до Тихого океана. Я знал про Березину, про Бородинскую битву, про горящую Москву 1812 года и про гибель Великой Армии. Я знал о бесконечных просторах России и о неспособности людей, по крайней мере до этого времени, взять их под контроль… И все же если честно, то мы хотели на войну. Поймите, нам было по 18 лет, а мы не успели ни в Польшу, ни во Францию! Мы думали, что война будет такой же быстрой, а победа такой же красивой!

Ночь провели в танках. Утром в 3.30 началось наступление. Артиллерию мы практически не замечали. Только вдалеке мы слышали разрывы снарядов. Иногда мы видели небольшие группы самолетов, летевших на восток. Сначала казалось, что война нас избегает. Я не знаю, сколько дней мы не участвовали в боях. Инженерных сооружений, таких как полевые позиции, минные поля или противотанковые рвы, мы не видели. Ударов русских резервов тоже не было.

На второй или третий день у нашего танка сломалась коробка передач. Командир роты пересел в другой танк, а наш оставил стоять. Мы надеялись, что нас скоро отвезут в мастерскую, но это заняло некоторое время. Мы стояли одни в бескрайних полях и очень боялись, что на нас нападут русские, выходящие из окружения. Наконец приехал эвакуатор. Мы пересекли Неман у Меркена и приехали в мастерскую, я думаю, что она находилась около Лиды. Там я был свидетелем ужасного события – у церковной стены были расстреляны трое русских партизан.

Наш танк скоро отремонтировали, и мы поехали на восток, к нашей роте. Командир, унтер-офицер, о котором мы с самого начала были не самого высоко мнения, все время затягивал наше возвращение в роту. Ему было страшно, он описывал нам свой опыт из французской кампании и рассказывал про ужасы войны. Он пытался склонить нас к саботажу и возвращению танка в мастерскую с новыми повреждениями, но мы отказались. Роту мы догнали недалеко от Минска.

Было очень жарко и снаружи и внутри танка, бой затихал, и командир приказал открыть люки. Наводчик и заряжающий высунулись из них и наслаждались свежим воздухом. Вдали еще был слышен звук боя. Неожиданный выстрел, и наводчик Вальтер

Вегман осел в крови и рухнул обратно в башню танка. Пуля попала ему в голову. Приехали санитары, и на легкобронированном санитарном автомобиле его увезли. Чтобы продолжать бой, командир роты пересел в другой танк, а я заменил Вальтера на месте наводчика в командирском танке и оставался на этой должности почти год. Вальтер Вегман остался жив. После долгого лечения его признали негодным к военной службе и уволили из Вермахта. Мы встретились только после войны.

Наше продвижение замедлялось на глазах, и мы начинали понимать, что победа над Советским Союзом до наступления зимы – это химера. Потери росли. При артиллерийском налете погиб командир роты, оберлейтенант Оберман и еще пять человек. Под Смоленском погиб мой товарищ и друг Хайнц Берман. Он был радистом в экипаже лейтенанта Броско, командира разведвзвода на легких танках Pz-II. Его могила находится у железной дороги на Смоленск, в районе Орши.

К осени оба пехотных полка были ополовинены. 29-й танковый полк, в котором должно было быть 150 танков, имел только 88. Наш 3-й батальон был расформирован и распределен между 1-м и 2-м батальонами. Нас, остатки 9-й роты, перевели в 3-ю роту.

В августе мы совершили 800-километровый восьмидневный марш своим ходом сначала на запад обратно в Смоленск, потом на север, через Невель, Порхов, Новгород, Чудово. Полк замыкал марш. Сначала мы двигались колоннами, но почти сразу растянулись – и ехали на север одиночными машинами. Наш дивизионный тактический знак – мерседесовская звезда – указывал нам путь на север. Мы ехали втроем: водитель, имя я не помню, радист – весельчак из Кельна, и я, наводчик. С каждым днем марш становился все более похож на экскурсию в незнакомой стране. Мы были в тылу, никакого врага, никаких злых начальников, была ранняя осень, мы получали все большее удовольствие от этой поездки. Каждый вечер мы останавливались в каком-нибудь населенном пункте, там была комендатура, полевая кухня и охрана.

Мы спали в танке и с утра продолжали нашу поездку на север, все время ориентируясь по нашим дивизионным тактическим знакам на дороге, которая была совсем неплохой. Водитель вел танк, а нам, двум оставшимся членам экипажа, было совсем нечего делать. Мы сидели спереди на башне танка, справа и слева от пушки, и рассматривали незнакомый нам север России.

Наш кельнский весельчак часами рассказывал нам свои

приключения на кельнском карнавале. Однажды начался дождь, у нас в танке был зонтик, и мы сидели на башне танка под открытым зонтиком. Нас обогнал автомобиль, и нам посигналил. Из автомобиля вышел молодой офицер и от имени своего генерала попросил нас отставить использование гражданских вещей, т. е. зонтика, на войне. Разумеется, это было произнесено намного грубее.

Потом мы прибыли в наш полк и прямо с марша пошли в бой вдоль шоссе из Тосно в Колпино. Лесная и болотистая местность, пересеченная большим количеством рек, ожесточенное сопротивление русских, отвратительная погода, вши и русская авиация делали нашу жизнь невыносимой.

Мы почти дошли до окраин города, даже видели ездящие городские трамваи… Война продолжалась для меня только с 25 августа по 3 сентября. Во время передышки я открыл люк моего танка. Разорвавшаяся неподалеку мина нанесла мне – «множественные осколочные ранения в голову, спину и заднюю часть» – так было написано в моей истории болезни. На Ю-52 меня из Тосно перевезли в Чудово, там я несколько дней пробыл в лазарете, оттуда меня поездом, мы ехали примерно неделю, отправили в госпиталь в Швайнфурт. Мы ехали прекрасной ранней осенью по спокойной Германии и прибыли в качестве «почетных граждан нации» во Франкию, как раз когда там начался сбор винограда. Почти три месяца я оставался там. Это было прекрасное время.

– Когда вы первый раз встретились с Т-34?

– Сначала были КВ с огромной пушкой, мы над ними смеялись. Были БТ-7 быстрые танки, которые русские скопировали у американцев. Т-34 я в первый раз увидел уже под Петербургом. У меня была с ним дуэль. Это было ОГО-ГО-переживание. У меня-то была 7,5-сантиметровая пушка-окурок, и я прямо видел, как снаряд отскочил от его брони! А у Т-34 была длинноствольная пушка 76,2 миллиметра. Но в этом бою никто никого не подбил.

– Что вы скажете о Pz-IV?

– Неудачный танк, медленный, с плохой пушкой. Если есть платформа, ну поставьте туда длинноствольную пушку! Так потом и сделали. До появления «Тигра», у которого была пушка 8–8, русские всегда были лучше вооружены.

В Германии я оставался почти до Рождества. Почти каждый вечер мы ездили в Берлин или Потсдам. В обоих городах никакой войны не чувствовалось. Театры, кабаре и музеи были для нас

открыты. Пока собирали транспорт на Северный фронт, я мог жить дома. Самым важным было то, что мы получили зимнюю одежду, в основном гражданские вещи, из пожертвований, собранных мирным населением для армии.

Примерно по той же дороге, по которой мы ехали домой в сентябре 1941 года, мы в пустом санитарном поезде холодной зимой ехали в полк. С каждым километром на север мы все яснее понимали, что принесет нам эта зима. И все-таки я был очень рад, что возвращаюсь в мою часть. Полк стоял в Нарве на «освежении», но все время выделял маленькие боевые группы для поддержки 1-й и 21-й пехотных дивизий и стрелковых полков 12-й, 5-й и 25-й танковых дивизий. Мы, 1-й батальон, стояли в Херманнсфесте, 2-й батальон стоял в крепости в Ивангороде. Это была практически гарнизонная жизнь. В воскресенье мы во главе с командиром полка полковником Валем строем ходили в эстонскую протестантскую церковь. Военная служба состояла только в поддержании технического состояния танков. Было очень холодно. Потом пришел приказ – на фронт. Я занял место наводчика в танке оберфельдфебеля Фендезака.

На трех танках Pz-IV мы поехали от места выгрузки на вокзале в Кингисеппе через Гатчину. Нашу «боевую группу» возглавлял оберфельдфебель Ханс Фендезак. Несмотря на постоянные снегопады, дорога была очищена. По дороге мы переночевали и заправились в царском замке в Красногвардейске недалеко от Гатчины. В неразрушенном дворце находились штаб корпуса и полк истребителей.

Мы прибыли на место, Фендезак вернулся с инструктажа на боевое задание. Наше танки были еще покрашены в темно-серый цвет, и в заснеженной местности на них ездить было опасно. Белой краски не было, а покрасить обычной известковой побелкой на сильном морозе было невозможно.

Когда приезжали маркитанты, мы надеялись получить алкоголь, шоколад и табак. Но, как обычно, эти товары интересным образом куда-то исчезали по мере приближения к линии фронта. В этот раз нам привезли только зубную пасту, которую мы с негодование отвергли. Кто будет чистить зубы при температуре минус 20 градусов? Все ее повыбрасывали. Наш водитель «Гобби» Тост собрал тюбики нагрел их, и мы нанесли пастой маскировочную окраску на танки.

Во время одной из атак мы подбили первый русский танк КВ-1, Klim Woroschilov 1. Это была очень сомнительная победа. Танк стоял на «9 часов». После обстрела русский экипаж сбежал и оставил танк стоять. Пробоин в нем мы не нашли, но засчитали его нам как подбитый. Потом его взорвали саперы. А вскоре

пришла и наша очередь. Русские заложили противотанковую мину на дороге, по которой шло наше снабжение. Взрыв! Танк высоко подпрыгнул, люки вылетели, все закричали: «Нас подбили! Нас подбили!..» Я подождал некоторое время, не случится ли что-нибудь еще, увидел, что наша гусеница лежит на дороге за танком. Мы как-то выбрались. Пехота отходила назад, мы спрятали секретные кумулятивные снаряды и тоже отошли, танк остался на вражеской территории.

Несколько дней мы куковали с пехотой на морозе, ждали, что будет контратака и наш танк отобьют, но потом разведка доложила, что русские его взорвали. В одном бункере жгли костер, я заснул и проснулся от боли в ногах. Пока я спал, на мне сгорели сапоги, потому что тело во сне автоматически развернулось ногами к огню.

На деревянных санях, что для танкистов выглядело совсем позорно, мы живыми и здоровыми вернулись в Нарву. Тем временем мне присвоили звание обер-ефрейтора и назначили командиром танка, чем я был бесконечно горд. Вместе с моим не всегда беспроблемным экипажем – я вспоминаю имена Пауэрс, Белох и Книспель – мы были на пути на фронт. От разгрузочного вокзала в Кингисеппе мы поехали до дороги Москва-Ленинград, в Любань. Там было три месяца очень странной для танкистов войны, в лесной и болотистой местности мы поддерживали 21-ю пехотную дивизию. Мы с нашим танком воевали только в качестве перемещающегося бункера. Это не было танковыми боями, к которым нас готовили. Нас вводили в бой по одному-два танка, часто по произволу ничего не понимающих в танках пехотных офицеров, и нам надо было стараться сохранить танк и экипаж. Два раза наш танк подбивали, экипаж выжил. Это положило начало слуху, что «в танке Руббеля с экипажем ничего не случится». Названия населенных пунктов, таких как Дубовик, Липовик, Березовка и Тигода, до сих пор сидят у меня в памяти. Война в эти зимние месяцы при температуре около минус 40 градусов «замерзла»! Обе стороны боролись за свое выживание. Русские при этом выглядели лучше немцев. Пехота ходила в тех самых шинелях, в которых они ходили дома, в вязаных шлемах под стальными касками и перчатках. Русские выглядели совсем по-другому: валенки, ватные куртки и брюки, меховые шапки. Они были более привычны к холоду и лучше подготовлены к зиме, у них было меньше трудностей. Наш пулемет MG-34 не работал, потому что немецкое оружейное масло замерзало, наши танковые аккумуляторы теряли на морозе свою мощность, и танковые моторы не заводились. Мы должны были снимать тяжелые аккумуляторы, чтобы нагреть их над огнем. Русские

заводили свои моторы сжатым воздухом, и они работали.

В марте 1942 года у Дубовика я только чудом избежал смерти. Мы поставили два наших танка в позицию для атаки в зимнем лесу. Пехота села на танки, чтобы не идти по снегу, что было очень тяжело. Где находится враг, мы не знали. Все шло хорошо, и мы немного расслабились. Вдруг, примерно с 200 метров, раздался выстрел, и снаряд попал в мой танк. Башню танка перекосило влево, сопровождавших нас пехотинцев сбросило в снег. Я заметил, как КВ-1 исчез между деревьями. Сначала наша атака остановилась. Потом, опять не видя врага, мы начали медленно продвигаться в заснеженный лес. За елями мы увидели нашего противника. Мы открыли по нему бешеный огонь, но он не реагировал. Мы осторожно к нему приблизились. Я вышел из танка и под защитой пехотинцев залез на КВ. Он застрял, и экипаж его бросил, танк был полностью готов к бою. Перед атакой нам сказали, что у русских нет бронебойных снарядов, но в этом КВ я насчитал более 20 штук. Нам очень повезло, что по нам он выстрелил осколочно-фугасным снарядом, который только оставил вмятину на башне нашего танка. Если бы это был бронебойный снаряд, то сегодня я бы с вами не разговаривал!

– Был какой-то приказ не ввязываться в бои с тяжелыми русскими танками?

– Нет. Был приказ никогда не ездить по одному. Всегда вдвоем. Требовали открывать огонь с расстояния меньше 1000 метров, потому что на расстоянии более 1000 метров мы вообще ничего не могли сделать. Танковые дуэли мы сначала русским проигрывали, потому что машины лучше были у русских. Только когда мы получили длинную пушку 7,5, это было уже на Кавказе, у нее была хорошая пробиваемость, и мы могли уже уничтожать Т-34.

– Основным противником были артиллерия или танки?

– Танки. Когда мы напали, русские перестраивали свои танковые части и их танковые подразделения сначала были относительно плохо управляемы. Кроме того, не хватало командира танка, пятого члена экипажа, который мог наблюдать за полем боя. Очень скоро русские его ввели, сделав командирскую башенку. Танком кто-то должен командовать. Наводчик всего не может – наблюдать за местностью, искать цели и стрелять. Это была слабость русских танков, но они это очень быстро выучили.

– Какова была структура роты?

– Командир роты, три взвода, в каждом взводе три танка, командир первого взвода был офицер, командирами остальных двух взводов были фельдфебели. Командирами танков были унтер-офицеры самое большее.

– Какова была ваша роль в техническом обслуживании танка?

– Техническое обслуживание было относительно простым, но трудоемким. Принимать участие должны были все, даже офицеры, но они делали это неохотно. Очень много было работы… Я так скажу: один час боя требовал примерно десять часов работы. Как наводчик, я следил за состоянием прицела и поворотных механизмов башни. Прицел был простой, башня поворачивалась как электромотором, так и вручную.

– Пехота помогала в обслуживании?

– Нет. Они были не в состоянии, им и так больше всех доставалось. Экипаж пять человек – это приличная сила, и в каждой роте еще были ремонтники, десять человек. Они не только поддерживали состояние, но и могли делать мелкий ремонт. Они были хорошо подготовлены и нам помогали установить двигатель, поменять гусеницы и так далее.

– У русских были танковые десантники…

– Да, они сидели на танках, но мы такого не делали, потому что это было опасно, они не были защищены. Но русская тактика это предусматривала, и это было очень успешно, потому что это защищало танки от пехоты.

– Как вы оцениваете русских танкистов с точки зрения их обучения?

– Сначала плохо. У Гудериана был девиз: «Бить так бить, не стучать, а бить». Понимаете? Бить не растопыренными пальцами, а сжатым кулаком. Наступать вместе, в большом количестве в одну точку и при этом защищать друг друга. Русские танки были везде, но поодиночке. Защита друг друга, двумя или несколькими танками, сначала отсутствовала. Кроме того, я уже говорил, что русским танкам не хватало командира, который наблюдал бы за полем боя. Танки были хорошие, но экипаж, обслуживание и боевое применение – плохие. Потом стало лучше. Руководство танками сначала очень плохое. Потом стало лучше по ходу войны.

– Вы чувствовали ваше превосходство?

– Да, мы чувствовали наше превосходство. Хотя сам танк был хуже, но мы думали, что мы в целом воюем лучше. Надо сказать, что у нас тоже были проблемы. У нас все еще были пехотные представления из Первой мировой войны, немецкий Генеральный штаб только через силу сформировал танковые войска, он вообще не хотел их иметь. Соответственно конструкция танков была далека от совершенства.

– В боях 1941 года как действовала русская авиация?

– В первые дни они были заметны, но аэродромы были неправильно расположены, и, по моему мнению, не было связи между воздухом и землей. Не было офицеров, наводящих авиацию, которые у нас были. Русская авиация в основном не причиняла нам неприятностей. С авиацией были проблемы, когда я был в Нормандии. Там небо было заполнено американскими боевыми самолетами. Там мы получили горький урок, потому что мы относились к противовоздушной обороне небрежно, запустили маскировку.

– Что вас больше всего задерживало летом 1941 года: противник или местность?

– Местность. Вернее, пространство. Лето было сухим, период, как это называется, rasputiza, мне запомнился по 1942 году на Украине. Там чернозем, летом он твердый, как асфальт, но если прошел дождь, то танки по нему еще проходили, а колесные машины за нами пройти не могли. Так что погода нам летом 41-го не мешала. У русских не было обороны как системы. Поэтому вопрос, начал ли Гитлер превентивную войну, отпадает – русские к немецкому нападению были недостаточно подготовлены, иначе с самого начала было бы гораздо тяжелее. Обороняться они начали на линии Сталина. Мы бы не дошли так быстро от Белостока до Минска, если бы там была организованная оборона.

– Зимой 1941 года как вы спасались от холода?

– Потери танков от холода в какой-то момент были больше, чем от противника.

Т-34 заводили сжатым воздухом, русские танки до сих пор так заводят, а мы заводили от аккумулятора. На холоде аккумуляторы садились, поэтому мы аккумуляторы, которые весили 100 килограмм каждый, на ночь снимали и несли в землянку к пехотинцам, чтобы заряд сохранился до утра и мы смогли бы завести танк.

Еще была возможность завести танк ручкой, но мы не любили

это делать – тяжело. Иногда мы ночью заводили танк каждый час, чтобы он не остывал. При этом расходовался бензин и шум работающего двигателя выдавал наше расположение.

– Насколько хорошим было снабжение боеприпасами и горючим зимой?

– В общем-то, никаких проблем не было, как-то это все работало, в конечном итоге – довольно неплохо. Мы друг другу помогали, переливали горючее из танка в танк или говорили товарищу: дай мне пару снарядов, у меня закончились. Только в самом конце, когда снабжение уже развалилось, стало хуже. Был такой случай в Венгрии. У меня тогда уже был «Королевский тигр», мы его заправили бензином, смешанным со спиртом из kukuruza. Вследствие этого из выхлопной трубы вырывалось пламя, и ночью мы выглядели как дракон.

– Где вы спали, в танке, под танком?

– У радиста и водителя были удобные, обитые кожей сиденья с откидывающей спинкой, они спали, как в спальном вагоне. У наводчика был стульчик рядом с пушкой, заряжающий спал на полу танка, командир – с ним рядом. В общем, как-то устраивались. Когда получил «Тигр», я, если положение позволяло, спал на теплом люке моторного отделения на корме. Мы, пока зима не наступила, неохотно ночевали в русских домах, потому что немедленно заводились вши. А потом стало так холодно, что на вшей мы внимания не обращали.

– У русских был танковый брезент, а у вас был?

– Да, у русских был, у нас нет. Дождь? Дождь в танк не проникал.

– Русские танкисты рыли траншею, ставили сверху танк, в траншею ставили печку и там спали. Вы так делали?

– Нет, мы так не делали. Немцы ленивые. Русские окапывали танки до пушки, нам тоже приказывали, но мы этого не делали. Неохота было, солдаты никогда не хотят работать.

Это еще от тактики зависело. У нас пехота была впереди, а танки стояли сзади, в укрытиях, и только когда мы атаковали, танки выезжали вперед. У русских танки стояли впереди, в качестве противотанковых орудий, в танковых окопах. Русские применяли танки стационарно, как неподвижные огневые точки, мы такого не знали. Это было умно, то, что вы делали, у нас такого не было, и я не знаю почему.

– В районе Волхова местность для танков неподходящая. Как вы там действовали?

– Да, местность неподходящая. Мы часто застревали и ездили только по дорогам. Русские танки еще могли двигаться по бездорожью, а мы нет, наши гусеницы слишком узкие. Т-34 имел более широкие гусеницы, кроме того, у него был такой мощный мотор, что он мог валить деревья, и поэтому он мог ездить по лесу. Этого мы вообще не могли, я один раз попробовал, танк свалил дерево, вывернул корни, заехал на эти корни, задрал нос и застрял.

На Волхове применять танки было абсолютно неразумно, но нас никто не спрашивал, нужно было взять окруженный Ленинград. С нами способы использования танков не обсуждали, нам приказали: «Воюйте». Самый плохой эпизод у меня был с одной пехотной ротой, я с ней пять месяцев тусовался на болоте. У меня закончился бензин, они мне на мотоцикле привезли одну канистру бензина и сказали: иди, атакуй. Они понятия не имели о нашем расходе топлива!

– В зиму 41/42-го в отпуск отпускали?

– Нет. Отпусков у нас вообще, можно считать, что не было. У меня отец был болен раком и умер в 1942 году, тогда шеф отпустил на похороны.

– В Гатчине, говорят, был дом отдыха. Вы там были или что-то слышали?

– На Кавказе, в Mineralnye Wody, был санаторий, а на севере я такого не помню, но могу себе представить, что в тыловых частях что-то такое было. В Krasnoe Selo, да, там был штаб, там, в замке, жили какие-то люди, которые не были на фронте. Но такого, чтобы кому-то сказали: «Ты долго был на фронте, съезди куда-нибудь отдохни», – такого не было.

– Как вас встречало местное население?

– Позитивно. На фронте нам за хлеб стирали белье. Каких-то столкновений у нас с местным населением не было. По крайней мере, на севере такого не было. Я думаю, что немецкий солдат по воспитанию скорее миролюбив. Я вырос недалеко от русской границы, я и моя семья имели контакты с русскими. Предубеждения у меня не было. До того как объявили так называемую тотальную войну, мы, танковые войска, рассматривали себя как элитные части, где озверению не было места.

– Как элитные части, вы получали какое-то дополнительное снабжение?

– Танкисты имели спецпаек, консервы, которые мы имели право открыть, если два дня не получали питание из полевой кухни. Но мы так долго не ждали, открывали их до того. Кроме этого, было обычное снабжение, полевая кухня на грузовике, но готовили в основном только суп.

– У русских танкистов был танковый шлем, а как вы спасали голову от ударов?

– Да, сначала была танковая защитная шапка. Танкисты все были маленькие, а берет с резиновым защитным колпаком – большой. Мы в ней выглядели как мухоморы и поэтому неохотно ее носили. Она была не нужна, я головой никогда не бился. Я всегда говорил, что беру ее с собой, чтобы мне ее положили на могилу. Многие носили стальные каски.

– Хиви были?

– Да, они были помощниками водителей, а иногда даже сами были водителями грузовиков. Когда война заканчивалась, они исчезли. Я думаю, что у нас в роте их было около 16 человек. Это были верные слуги, потому что мы их избавили от страданий в лагерях.

– У вас были вши?

– Да, когда наступила зима, появились вши. Мы ехали поездом, эшелон с «Тиграми», до Смоленска. Там был разгрузочный вокзал. Там был лазарет, и были немецкие медсестры, они нам помахали. Мы забили свинью, половина туши еще лежала в танке. Мы решили, что сегодня вечером идем к медсестрам, возьмем с собой еду, они ее приготовят. У меня были вши, я из парашюта вырезал кусок ткани, шарф, обернул его вокруг шеи, чтобы вши не вылезли наружу. Мы пришли в лазарет к медсестрам, и тут вши сделались очень бодрыми, они почувствовали запах лазарета, решили, что их сейчас выведут, и начали суетиться. Я очень боялся, что они вылезут наружу. Мы только и занимались, что щелкали вшей. Однажды мы поехали в Германию, в отпуск или на переформировку, на последней станции перед границей нам дали «пакет от фюрера», и мы прошли очистку от вшей, иначе в Германию нас не пустили бы. Нужно было иметь документ, что ты прошел очистку от вшей.

– Чего вы больше боялись, погибнуть или попасть в плен?

– Попасть в плен. Я вполне уверен, что я бы застрелился, я

был к этому готов. Плен – это было что-то ужасное, чего мы не могли себе представить.

– Какое у вас было личное оружие?

– 9-миллиметровый пистолет «Вальтер 38». Офицеры имели еще 7,62. У нас в танковой куртке был карман или кобура на ремне вокруг шеи, чтобы мы их не теряли. Пистолет был предусмотрен для ближнего боя, но я его никогда не использовал, за исключением того, что мы, напившись, стреляли по бутылкам.

– Началась война, вы вошли в Россию, что вас больше всего поразило?

– В 1941 году? Огромные пространства. Мы в школе, конечно, учили, я сам из Восточной Пруссии, там, на Балтике, открытые пространства, всего 47 человек на квадратный километр, по-моему. Но огромные пространства, мы ехали, ехали, ехали, и этому не было конца. Малонаселенные, огромные пространства. И еще было недостаточно засеянной земли. По-другому было только на Южной Украине. В Западной России, в Литве сельское хозяйство можно было бы устроить лучше.

– Русские солдаты часто говорили: вот закончится война, и я буду… Вы об этом говорили?

– Вообще нет. Среди товарищей мы об этом не говорили. У нас были разные социальные слои, были неквалифицированные рабочие, цели у всех были разные. Как и все немцы, все хотели получить профессию и зарабатывать деньги, это понятно. Еще думали о том, что если война будет проиграна, то что тогда? Но такие мысли появились начиная с 1943 года.

В мае нашу роту перевели в 4-й танковый полк и отправили эшелоном в Германию. Мы сидели в поезде и ехали на запад. Куда мы едем, нам не сообщили по соображениям секретности.

Мне уже было двадцать лет, меня произвели в унтер-офицеры. У меня были значок за ранения, значок за танковый бой и Железный крест второго класса. Жизнь впереди была полна приключений.

Мы прибыли в Нойхаммер только с нашими личными вещами и личным оружием – пистолетами и карабинами. Танки и остальные машины мы оставили в Нарве и теперь ждали прибытия новых танков, грузовиков и остальных машин, необходимых для ведения войны.

Сколотили экипажи, получили Pz-IV с длинной 7,5-сантиметровой пушкой. 23 июля 13-я танковая дивизия, в которую входил наш 3-й батальон 4-го танкового полка, уже

должна была наступать через Дон на юг, в направлении Кавказа. Выгрузились в Сталино. Запомнилась встреча с итальянцами: тарахтящие мотоциклы, опереточные солдаты с султанами на шлемах, лучше бы они были нашими противниками!

Из Сталино мы маршем через Ростов и Батайск догоняли наш полк, который продвигался вперед, почти не встречая сопротивления. В Короптокине на Кубани мы его догнали. Без остановок мы шли дальше на юг через Ногайскую степь. Итальянцев мы оставили в Сталино, и нас сопровождали только румынские части. Вместе с ними в автомобилях ехали и их семьи, женщины и дети. Румынских офицеров, которые ехали вместе с нами, интересовало только мародерство. Военная ситуация это позволяла, Красная Армия отступала на юг. До Кавказа русские в бои не вступали.

Местность представляла собой плоскую, сухую равнину, почва была песок или глина, дорог не было. Мы ехали по следу впереди идущего танка, держа дистанцию около 200 метров и скорость примерно 20 километров в час. Нас все больше нервировали румынские машины, которые нас обгоняли, встраивались в нашу колонну и поднимали пыль, из-за которой ничего не было видно. Один румынский легковой автомобиль американского производства с румынскими офицерами догнал наш танк и сигналил, требуя уступить ему дорогу. Мы разогнались и резко затормозили, румынский автомобиль врезался в наш танк. В какой-то момент появились румынские машины, едущие нам навстречу. Это означало, что впереди началась война.

Все пять месяцев, которые мы были на Кавказе, мы не вели настоящей войны.

До Майкопа мой «924-й» танк, хотя он попеременно шел в голове роты, ни разу из пушки не выстрелил. Мы считали, что это отступление почти без боев было умным операционным ходом командования Красной Армии, которое заманивало нас в глубину страны.

Мы только ехали, ехали и ехали. Самое яркое впечатление – это рассвет в степи. Мы ставили танки кругом, пушками наружу, танк командира роты занимал место в центре. Так мы готовы были отражать нападение с любой стороны. Я нес «собаку» – вахту с 2 до 4. И вот начало светать, и передо мной встал весь Кавказ, от Эльбруса до Казбека. Незабываемое зрелище! Когда немного посветлело, поднялся туман и вершин не стало видно.

28 августа передовые части дивизии подошли к Тереку у Моздока.

Сопротивление врага и местность становились все тяжелее.

Особенно активной стала авиация русских. Массированно применялись легкие американские бомбардировщики «Дугласс-Бостон». Эти самолеты летали из Тбилиси. В голой степи мы не могли от них спрятаться.

Кроме того, стояло самое жаркое время года. Питьевая вода и снабжение не доставлялись в достаточном количестве. Длительное время мы питались только сардинами в масле и кукурузным хлебом.

Все чаще появлялись типичные для субтропического климата болезни. Малярия, лихорадка и в большом количестве желтуха. Я подхватил малярию и желтуху. Некоторое время я промучился в роте, но потом меня на самолете отправили в лазарет для легкобольных в Таганрог на Азовском море. Я был примерно 300-м заболевшим в полку, т. е. примерно треть полка выбыла из строя по болезни.

Тем временем наши сильно поредевшие из-за поломок техники части переправились через Терек, вошли в долину у Ельчтово и взяли ключевой пункт обеих военных дорог Ардон, перекрыв тем самым обе военные дороги. Но потом в бой были введены сильные, подготовленные для боев в горах части русских. Вместе с силами с севера русские стали наступать. Взять Орджоникидзе не удалось. Тем временем немецкие горные егеря водрузили немецкий флаг на Эльбрусе. Но это было только рекламное мероприятие для внешнего и внутреннего пользования.

В ноябре стало уже действительно холодно, я вернулся в батальон. Наша рота понесла очень тяжелые потери в танках и людях при наступлении на Орджоникидзе, у Гизель и Малгобека. Я принял танк, находящийся в ремонтной мастерской, который с трудом восстанавливали. Ремонт был не самым тяжелым, тяжелее было удалить из танка куски трупов и отмыть его от крови. Потом были тягостные местные бои вокруг Ардона, Нальчика, Алагира и Дигора. В декабре командование приказало оборудовать зимние позиции.

3-й батальон 4-го танкового полка сдали танки примерно 15 декабря. Так как мы понесли особенно большие потери, нас, как «личную часть Шобера», на поезде повезли в направлении Германии. Нам повезло, железная дорога была еще не перерезана. Через Прохладную-Армавир-Ростов-Днепропетровск мы ехали в Рейх.

Это значило, что мы будем переучиваться на новый тип танка. 23 декабря мы были в Берлине, нам выдали отпускные свидетельства на две недели. На Рождество я был дома в Сентайнене. В этот раз мы получили «пакет от фюрера»,

состоящий из бутылки игристого вина, сырокопченой колбасы и двух банок тушенки. 10 января 1943 года мы прибыли в стрелковую школу танковых войск в Путлосе, Шлезвиг-Гольштейн.

Школа в дополнение к их обычным программам получила задание переучить нас на «Тигр», но самого «Тигра» еще не было! И нас опять отправили в двухнедельный отпуск, такое было возможно только в танковых войсках. В пехоте для нас бы придумали какие-нибудь полевые учения или еще какое-нибудь бессмысленное занятие. Я поехал обратно в Тильзит. Сталинград еще не пал, танцы опять временно разрешили, и я – хотя из моих сегодняшних знакомых никто в это не верит – активно в них участвовал. А где мне еще было познакомиться с девушками?

В конце января мы опять явились в Путлос. У нас образовалась группа товарищей, Хайно Кляйнер (погиб), Херберт Петцка (погиб), Ханс Риппл (погиб) и я. Мы все были из одного полка, но из разных рот. Мы жили в одном кубрике в общежитии для курсантов. Однажды за завтраком у меня с Хайно, который единственный из нас накануне видел «Тигр», был такой диалог:

– Хайно, скажи, как он выглядит?

– Представь себе очень длинную танковую пушку. Представил?

– Да!

– А у него она еще длиннее!

Скоро я тоже увидел это чудо. Я был впечатлен, но и несколько разочарован. Я ждал чего-то более элегантного, как Т-34, а тут такой ящер. Обучение было вялым, потому что на всех была всего одна машина.

Где-то в феврале 500-й танковый учебный батальон перебросили в Падерборн, и началось интенсивное обучение. Африканская армия нуждалась в подкреплении, нас обследовали на пригодность к войне в тропиках и должны были отправить в 504-й тигровый батальон, который частично уже был на Сицилии.

После окончания обучения в марте 1943 года нас перевели в близлежащий лагерь «Сенне», в котором формировались роты «Тигров». Наши первые предназначенные для роты Шобера «Тигры I» прибыли на вокзал, и до утра, до разгрузки, их надо было охранять. Это приказали мне. Караульного помещения не было, было холодно. Я сел в кресло водителя одного из танков. Все было новым и незнакомым – и ночью было очень скучно. Ключ зажигания торчал в панели, с назначением некоторых переключателей я разобрался. Заведется ли мотор? Прав на управление танком у меня не было, но я часто нелегально управлял танком. Из любопытства я повернул ключ – и мотор

завелся!

Что я тогда еще не знал: передача всегда была включена! Я шевельнул рулевое колесо, дал газ, и танк сдвинулся с места и повернулся! Что произошло? Разгрузочные клины были выдавлены из-под танка, корма и нос танка свисали с платформы. Испугавшись дальнейших ошибок, я не пытался поставить танк на место. Что подумала разгрузочная команда, я не знаю, но расследования не было. С этого момента я начал относиться к «Тигру» серьезно и основательно его изучил.

Меня назначили командиром танка и дали подобрать себе экипаж. Наводчиком стал Вальтер Юнге, которого я знал еще с Волхова, водителем Вальтер Эшриг, радистом Альфред Пойкер, заряжающим Йохан Штромер.

– Насколько велики были различия между «Тигром» и Pz-IV?

– Они отличались, как небо и земля. «Тигр» был качественным скачком в ряду наших танков. «Тигр II» был в принципе то же самое, что «Тигр I», но с более толстой броней. Ему не хватало мощности двигателя, а качество стали оставляло желать лучшего – снаряды пушки 7,62 из него выбивали куски брони. Огневая мощь «Тигра» была фантастической. Однако ужасной была похожая на печную трубу командирская башенка, попадание в которую из калибра 7,62-сантиметра отрезало командиру «Тигра» голову. Ну и подвижность была просто никакой. Скорость передвижения на марше была очень низкой, теоретически – 38 км/ч, практически так никогда ехать было нельзя. По пересеченной местности «Тигр», как правило, ехал 10 км/ч.

Мотор очень плохо переносил перегрузки. Продолжительность его жизни была очень ограниченна. От наших водителей требовались хорошие знания и очень много работы, чтобы обеспечить готовность «Тигра» к бою. Ремонтная группа и ремонтная мастерская работали без перерывов. Во время маршей я всегда держал одно ухо открытым, чтобы все время слушать шум мотора. Перегрев вел к разрушению прокладок во втулках цилиндров, вода из системы охлаждения попадала в цилиндры. Тогда надо было вынимать свечи и убирать воду из цилиндров. После этого «Тигр» ехал еще медленней. Перегрев также мог сжечь пробковые уплотнения в головке цилиндров, тогда мотор терял масло. Наш водитель Вальтер Эшриг жевал солдатский хлеб и получившуюся хлебную кашу использовал как уплотнитель в головках цилиндров, что на время помогало. Кроме того, слабыми местами были коробка передач, боковые передаточные

механизмы и ходовая часть. Гидравлика тогда была еще незрелой. Боковые передаточные механизмы были хрупкими, как сырое яйцо, и при механической нагрузке чуть выше средней сразу ломались.

Особым удовольствием был ремонт шахматной ходовой части у «Тигра I». Известно, что у него на каждой стороне было 16 катков и 8 рычагов подвески. В начале марша все 16 катков были в отличном состоянии. Потом четыре внешних катка, начиная с переднего, начинали жить собственной жизнью. Движение рычагов подвески и напряжение на сгиб ослабляли фланцевые соединения всей подвески. Поэтому образовывалась повышенная нагрузка на остальные катки и разрушалось резиновое покрытие катков. Количество работы для замены средних и задних катков было огромным, для этого надо было снять передние восемь катков.

Превосходство «Тигра I» и II в огневой мощи и бронировании над всеми вражескими танками, сохранявшееся до конца войны, сделало нас беспечными. Во время поддержки наших частей и в боях мы, бывало, часами стояли на одном месте, ничем не прикрытые и незамаскированные, и с нами ничего не могло произойти!

Мы даже не придерживались правильной танковой тактики, которую все учили. Молодые солдаты и неопытные водители, приходившие к нам в качестве пополнения, перенимали от нас нашу беспечность. Мы часами стояли как открытая мишень и при этом теряли возможность застать врага врасплох. Если русские видели «Тигры», то, как правило, своими танками они атаковали не нас, а где-нибудь в другом месте. Следствием этого были вклинения и прорывы, которые мы, как пожарная команда, должны были подчищать. Лучшей альтернативой было бы поставить «Тигры» за линией фронта, укрытыми и замаскированными, чтобы после определения направления атаки русских неожиданно ударить. Эта тактика принесла бы нам еще большие успехи с меньшим потерями. Я признаю, что тяжело воюющие, истекающие кровью пехотные соединения нуждались в «корсете» в виде танков прямо на переднем крае, это стабилизировало их боевой дух. Тактически правильные вещи не всегда самые правильные. Мы часто видели примеры того, что уход единственного «Тигра» с передовой для заправки и пополнения боекомплекта для пехоты был сигналом к отходу вслед за ним. В середине марта 1943 года на ротном построении нам сказали, что пять экипажей вместе с танками необходимо послать на Восточный фронт. Мы все были знакомы с войной на востоке. Там нас не ждало ничего хорошего.

Старшина Грубер объяснил нам ситуацию. Что я думал? Я еще на какое-то время охотно остался бы в Вестфалии. В этот момент общей растерянности Фендезак, который стоял на правом фланге, выглянул из строя, посмотрел на нас, кивнул, промедлил одно мгновенье – и, не говоря ни слова, сделал пять шагов из строя вперед. Не спеша, но и без задержки за ним вышли мы – еще четыре командира – Петцка, Риппл, Зайдель и я. Мы были теми, кто пришел из 29-го танкового полка и кто частично с теми же самыми экипажами прошел Минск и Вязьму, Чудово, Шлиссельбург и Тихвин, Майкоп и Орджоникидзе. Только тот, кто тем утром стоял на плацу перед 9-м блоком лагеря «Сенне», может до конца понять эту сцену.

Пяти командирам, стоявшим перед фронтом роты, которые по инициативе Фендезака без всякой подготовки вызвались добровольцами на Восточный фронт, нужны были экипажи для их танков. Наш вопросительный взгляд на наши экипажи привел к тому, что спустя короткое время они оказались возле нас.

Хотя у нас у всех был опыт боев на Восточном фронте и мы знали, что нас ждет, но быть вместе было важнее.

Нам сказали, что мы поступаем в 503-й «тигровый» батальон, который все еще воюет под Ростовом. В конце марта мы приехали в Богодухов, где находился 503-й батальон. Батальон получил новое штатное расписание. Смесь из «Тигров», Pz-IV и легких Pz-III была признана неэффективной. Теперь в танковой роте было 14 «Тигров» – три взвода по четыре «Тигра» и два «Тигра» у командира роты. Нас, к сожалению, разделили. Фендезак, Риппл и я попали в 1-ю роту, Петцка во 2-ю, а Зайдель в 3-ю. В этой части мы оставались до конца. Из командиров танков выжил только я один.

Через Киев мы доехали до станции выгрузки – Богодухов, примерно в 60 километрах северо-западнее Харькова. Там собирался батальон, части которого все еще воевали на нижнем Дону. Мы были армейским резервом, нас должны были переформировать под новое штатное расписание и подготовить к летнему наступлению.

Приняли нас с ощутимым безразличием. По крайней мере в 1-й роте, в которую попали Фендезак, Риппл и я. Никакой встречи, никакого приветствия, командование роты ничем не интересовалось и не считало это необходимым. Мы очень быстро разобрались с тем, что происходит в этой роте. Командир роты был сменен во время боев на Нижнем Дону. Старшина – «мать роты» – был садистским ничтожеством. Унтер-офицеры были разобщены. В унтер-офицерском корпусе было пять штабс-фельдфебелей, то есть людей, прослуживших более 12 лет. Из

этих пяти ни один ни разу не сидел в танке. Из простых унтер-офицеров трое были разжалованы за различные нарушения. Рядовой состав представлял собой испуганное стадо, попавшее под огонь в калмыцких степях. Людей, обладавших фронтовым опытом, можно было пересчитать на пальцах одной руки. Как можно было отдать ценные, высокоэффективные танки в руки неопытных и находящихся под плохим руководством солдат? Первое, что сделал старшина роты, после того как мы прибыли, – попытался отделить нас, командиров танков, от наших экипажей. Мы должны были, как все унтер-офицеры, разместиться в лучших помещениях. То, что мы благодаря авторитету Хансика Фендезака остались вместе с нашими экипажами, в то время в 1-й роте было чем-то очень необычным. Мы также сочли невозможным то, что унтер-офицеры получали еду в полевой кухне без очереди или даже позволяли им ее приносить. С этим мы, командиры танков, начали бороться личным примером, и не без результатов. В конце концов от меня, как самого младшего по возрасту командира танка, потребовали отдать мой танк одному из разжалованных унтер-офицеров! Чаша моего терпения переполнилась! К счастью, Фендезак был хорошо знаком с одним из старейших офицеров роты, которому доверяло командование роты, и он смог этому помешать. Это послужило предвестником дальнейших событий. Экипажи остальных ротных танков начали осторожно искать контакт с нами. Началось «выздоровление 1-й роты». Значительная часть личного состава была заменена. К началу мая, когда нас перевели в Харьков и мы получили нового, хорошего командира роты, 1-я рота была уже более чем наполовину хорошей, годной танковой ротой.

Мы стояли в Харькове с конца апреля по конец июня 1943 года. Это был первый крупный русский город, в котором я задержался на столь длительное время.

Мы квартировали в Плехановском районе, на «Акерштрассе», в доме номер 7. На углу улиц стояли два дома, в глубине был третий дом, и в этом дворе стояли два или три «Тигра». Экипажи танков размещались в квартирах в этих домах у местного населения. Мы, на 114-м, жили в квартире сразу направо от входа во двор. Там были три комнаты, первые две заняли мы. Хозяин квартиры, через свою красивую, говорящую по-немецки дочь, объявил нам свое неудовольствие нашим появлением. Мы были удивлены его смелостью, сказали nitschewo и заняли помещение.

Потребовалось несколько дней, чтобы мы друг к другу привыкли. Сначала родители, потом дочь Людмила. Это была культурная семья. У меня была возможность увидеть их библиотеку, немецкие издания немецких классиков и русская

литература в большом количестве. Из школы я что-то знал о Толстом и Достоевском. Здесь я в первый раз услышал про Гоголя, Лермонтова и Тургенева, который после войны, когда я «цивилизовывался», с его романом «Отцы и дети» стал моим любимым русским автором. Людмила и я стали друзьями. У нас были бесконечные дискуссии о войне, она была патриотично, прорусски настроена. Ей это могло навредить, но она мне доверяла. В моем танке всегда был шестой столовый прибор, его получили наши хозяева. Практически мы ели из одного котелка. На мой день рождения 28 июня мы еще были в Харькове, экипаж моего танка и семья Людмилы сделали праздник, это был самый сердечный день рождения в моей жизни. Экипаж моего танка долго не мог согласиться с моим «братанием», для нас было необычным иметь контакты, тем более хорошие, с представителями вражеской нации. Я гулял с Людмилой и непонятно откуда взявшимся фокстерьером, мы ходили на спортивный праздник батальона, в Шевченко-театр, война сделала паузу. Потом мы выступили на исходные позиции операции «Цитадель» у Белгорода.

«Тигр» ехал на фронт, я уступил свое место командира наводчику Вальтеру Юнге и сидел на корме танка абсолютно несчастный. Я был в первый раз в моей жизни влюблен так, что речь шла о смысле моего существования. Я серьезно думал о том, чтобы дезертировать и вернуться к Людмиле. У меня получилось еще один раз ее увидеть, еще до развала фронта, под предлогом посещения зубного врача в Харькове. И это было прощание навсегда. Я сейчас пишу это для Людмилы, я помню последнюю минуту нашего прощания, она поцеловали меня в глаза и сказала: «До свидания, Альфред».

Я буду это помнить до конца моей жизни, и моя жена, с которой я прожил 45 лет, понимает эту первую любовь. Я буду счастлив, если этот текст дойдет до моей любимой Людмилы, которую ее мама называла Люда или еще Мила.

Лес, в котором мы остановились, мы называли «Соловьиная роща», потому что соловьи давали там бесконечный концерт. Срок начала наступления неоднократно переносился.

4 июля мощной атакой через Донец началась операция «Цитадель». 3-й танковый корпус, которому мы подчинялись, после того как саперы с тяжелыми потерями построили мосты, атаковал силами 6-й, 7-й и 19-й танковых дивизий. Атака застряла в минных полях, противотанковых рвах и полевых укреплениях русской пехоты. Только после перегруппировки и перемещения атаки дальше на юг удалось продвинуться в глубину русских позиций. Несмотря на большие потери, особенно

у танковых полков на Pz-IV, корпус, задачей которого было, атакуя, прикрывать правый фланг наступления, смог занять значительную территорию. Мы достигли деревни Ржавец. Слева от нас, у Прохоровки, состоялась самая большая танковая битва всех времен. Нам везло, только в последний день битвы, которая закончилась 12 июля, наш 114-й получил несколько попаданий. Левый передаточный механизм, привод гусениц, который был расположен снаружи танка, был разрушен, и в передней броневой плите появилась трещина. С экипажем ничего не случилось, танк был эвакуирован в тыл и должен был быть отправлен в Германию на капитальный ремонт. Мы быстро получили новый «Тигр» и участвовали на нем в небольших тяжелых боях, поддерживали пехоту на постоянно менявшихся позициях. Полки и дивизии были разделены на маленькие группы, часто меньшие, чем взвод. Часто не было связи с ротой. Едой мы сами себя могли обеспечивать, но снаряды и бензин были дефицитом. Самым плохим было отсутствие эвакуаторов и ремонтных служб. Вместе с колоннами пехоты мы с боями отступали на запад, с нами шли колонны беженцев, стада скота, вывозилось имущество.

В недели с конца августа до конца сентября наша задача состояла в основном в том, чтобы при этом практически единственном в своем роде отступлении на «Восточный вал» на Днепре обеспечивать защиту остаткам пехотных дивизий. Мы в качестве арьергарда, оставались в какой-нибудь деревне и обороняли ее до тех пор, пока наши отступающие войска не отрывались от преследующих их русских на достаточное расстояние. Эвакуаторов не хватало, и мы сами буксировали поврежденные «Тигры». Как правило, днем мы были в бою, а ночью отступали. В этих боях не было пауз, следить за техническим состоянием танка также не было времени. Часто, потому что мосты имели недостаточную грузоподъемность, нам приходилось ехать в объезд. Мы отступали ночами, русские висели у нас на хвосте. Один «Тигр» ехал впереди и искал дорогу, еще один «Тигр», с пушкой на 6 часов, замыкал колонну. Мы ехали со скоростью пешехода среди постоянно останавливавшихся колонн.

Наконец мы добрались до Днепра, где, как мы слышали, был построен «Восточный вал», за укрытиями которого мы должны были провести приближающуюся зиму. Мы не имели ни малейшего понятия, где находится наш батальон, наша 1-я рота, обозы и командование. Информации почти не было, хотя у нас в танке была рация, но ее работа оставляла желать лучшего. Последним препятствием стал Днепр, ширина которого достигала трех километров. В Кременчуге был деревянный военный мост,

построенный нашими саперами. На восточном берегу мы оставались практически последними. Чтобы переехать мост, нам нужна была железнодорожная платформа, наших специальных Симмс-платформ на восточном берегу не было. Мы неделями переводили наш танк через все препятствия, и теперь его нужно бросить?! Мы нашли открытую железнодорожную платформу со стойками грузоподъемностью 24 тонны. На нее практически на руках затащили танк, и три десятка человек протолкнули платформу с нашим «Тигром» через мост. Рессоры платформы выгнулись в другую сторону, пол платформы прогибался. Как только мы достигли западного берега, комендант моста сразу же поставил нас в оборону предмостного плацдарма. Через несколько часов в 00.00 огромный столб пламени взметнулся в ночное небо. Мост сложился, его пролеты упали в Днепр. Операции «Цитадель» и «Выжженная земля» для нас закончились. Нас погрузили на платформу, выдали приказ на марш и привезли в Знаменку, где формировался батальон.

Из Знаменки батальон выделял по нескольку танков для боев в различных районах Украины, у Киева, Полтавы, Поташ, Павлиш, Глинск и Чигрин. В конце года 1-я рота находилась у Зыбулева в партизанском районе. В начале 1944 года батальон собрался в Жмеринке на пополнение. К этому времени из 45 «Тигров» у нас осталось 4, около 20 «Тигров» было потеряно, остальные были отправлены в капитальный ремонт. В январе прибыли 35 свежеизготовленных «Тигров». Мы, экипаж 114-го, тоже получили новый «Тигр» с плоской командирской башенкой. Командир танка больше не рисковал тем, что выстрел из 7,62-сантиметровой пушки снесет командирскую башенку вместе с его головой. Танковые люки также были сделаны по-другому, теперь, чтобы закрыть люк, из него не надо было наполовину высовываться.

Жмеринка была под управлением румын. Предприимчивые румынские солдаты торговали на базаре товарами, которых мы уже давно не видели, и даже пивом!

В ночь с 10 на 11 января 1944-го нас подняли по боевой тревоге. Механизированные части противника прорвались на запад к северу от нас. Управление немецкими войсками, очевидно, было потеряно. Наступление противника через Винницу на юг, до нас в Жмеринке, или было не замечено, или приказы до нас не доходили. Нас подняли по тревоге, но до боя не дошло, и утром призрак растворился. Нам приказали быть в готовности к погрузке и маршу. На поезде мы поехали в Винницу. Там был сформирован тяжелый танковый полк Беке, состоявший из 503-го «тигрового» батальона, в котором было примерно 20 «Тигров» под командованием капитана графа Клеменеса

Кагенека, и 2-го батальона 23-го танкового полка, в котором было примерно 25 «Пантер», под командованием капитана Ойлера. Погода была не совсем зимняя. Туман, мокрый снег, иногда небольшой мороз. Когда мы из Винницы выступили в марш на северо-восток, мы еще не знали, что нам предстоит в следующие недели.

С 24 января по 14 февраля мы беспрерывно были в танке. Полк вел тяжелые бои по прорыву котла у Черкасс. После окончания боев в батальоне остались только пять «Тигров». Я вел дневник, и вот записи из него:

22 января. В чем дело, мы не знаем. Так обычно и бывает на войне. Могло быть, что это было вызвано чрезмерной секретностью, но тактика требовала, чтобы мы получали необходимое количество информации. Могло быть, что наши командиры рот знали больше, но мы обычно знали только время начала и направление атаки. О враге, это выяснил еще Клаузевитц, всегда известно слишком мало. Погода, когда мы утром 22 января возле Балабановки вышли на исходные позиции, нам благоприятствовала. Земля замерзла, лежал легкий снег, низкие облака, достаточная для танкистов видимость, ровная местность. Мы стояли на открытом месте. 23 января началась атака на русские позиции, при этом погиб командир нашей роты обер-лейтенант Адамек. Наше наступление быстро шло вперед, вражеских танков не было.

До конца января. Мы узнали, что мы наступаем на север, чтобы где-нибудь выйти к Днепру и окружить с востока русские силы. В 1-й роте было еще около 10 «Тигров», поломки были в основном технического характера и могли быть починены в короткое время. Русские сначала не ждали нашего наступления на этом направлении, но постепенно усиливались.

1 февраля. Улучшенный «Тигр» был хорош. Наш водитель Вальтер Эшриг на нас злился, когда мы ставили его «Тигр» в ситуации, в которых ему что-либо могло повредить. За себя он не боялся, но бережное отношение к «Тигру» для него было первым делом.

2 февраля. Наступление нашего полка на север велось очень осторожно. Теперь мы повернули назад, началась оттепель, продвигаться было тяжело, особенно колесным машинам. Мы должны были наступать на восток у Павловки. У меня было впечатление, что сейчас начнется что-то серьезное. Нам сказали, что наш полк и другие части должны освободить из окружения у Черкасс два армейских корпуса. Для этого с утра 3 февраля мы атакуем Павловку.

С 3 по 11 февраля. Красная Армия, здесь была 6-я армия и 5-й

гвардейский танковый корпус 1-го Украинского фронта, была в основном занята тем, что, наступая на восток у Звенигородки, пыталась соединиться с силами 2-го Украинского фронта и тем самым окончательно закрыть кольцо окружения.

Сначала русское командование думало окружить целиком 1-ю немецкую танковую армию. Наше наступление ударило в спину 5-го гвардейского танкового корпуса и сначала было успешным – мы заняли Павловку, Вотылевку и Репки. В нашей 1-й роте росли потери и людей, и техники. Кроме командира роты обер-лейтенанта Адамека с 12 по 31 января погибли 11 товарищей. К началу месяца из 10 изначально имевшихся боеготовых «Тигров» в бою было четыре, включая наш 114-й. 2-я и 3-я роты также несли большие потери, командира батальона тяжело ранило, только в 3-й роте еще был командир. Он принял командование батальоном.

Приказ по 3-му танковому корпусу был следующий.

Наступают:

– 16-я танковая дивизия и тяжелый танковый полк Беке в центре на северо-восток через высоту 239 – Бушанка – Франковка, переправляются через Гнилой Тикиш, занимают высоты к северо-востоку от Франковки и занимают там оборону;

– 1-я танковая дивизия справа, следует за наступающими и прикрывает южный фланг;

– танковая дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» слева, следует за наступающими и прикрывает правый фланг.

Начало наступления: 11 февраля 1944-го, в 7.30.

11 февраля. Батальон пошел в атаку, когда было еще темно. Земля сверху немного замерзла. Снега почти не было.

На рассвете «Тигры» наткнулись на большое количество Т-34 и противотанковых пушек на позициях у дороги Боссовка-Бушанка. Семь танков были подбиты, остальные вышли из боя. Для того чтобы взять Франковку, важный пункт с мостом через Гнилой Тикич, батальон получил приказ поддерживать огнем наступающих на Франковку справа от нас «Пантер» и гренадеров. Около полудня Франковка была взята. «Тигры», к сожалению, не могли пройти по мосту из-за их большого веса, они должны были остаться во Франковке южнее реки.

Мы нашли брод и на ночь остановились на высоте севернее деревни под защитой пехоты. Но мы, к сожалению, рано обрадовались, в ночном карауле нам пришлось стоять самим. Мы заняли круговую оборону. Все люки были закрыты, открытый люк был только у стоящего в карауле в командирской башенке, оттуда выглядывала только его голова, у него под рукой был пистолет, ракетница и ручные гранаты. Караульные сменялись каждый час,

остальные члены экипажа пытались, насколько это было возможно, спать в танке. Ночь была тихой, если не обращать внимания на шум боев вокруг нас.

12 февраля. 5-й гвардейский танковый корпус и 20-й танковый корпус соединились 28 января 1944 года у Звенигородки и закрыли кольцо окружения. В ожидании немецкого наступления с целью пробития кольца русские собрали большие силы, примерно 80 танков и 50 противотанковых пушек, для использования в обороне или в контратаках. Эта сильная группировка, которую мы обнаружили при атаке к северу от Франковки, нужно было быстро и решительно разбить, для того чтобы продолжать пробиваться к окруженным частям. Целью атаки батальона, который наступал на левом фланге полка, была дорога восточнее Чесновки. Наши пикировщики поддерживали атаку, которая началась в 9.00. Атаки с воздуха были особенно действенными на неприкрытые противотанковые пушки русских. Танки не могли их обнаружить до их первого выстрела, и поэтому они были особенно опасны. Наш удар был сокрушительным, мы уничтожили примерно от 20 до 25 вражеских танков, наш полк и наступающая вместе с нами 16-я танковая дивизия до вечера уничтожили примерно 70 танков и 40 противотанковых пушек. Мы пробили клин примерно пять километров в глубину и почти три километра в ширину. 1-я танковая дивизия и дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» прикрывали фланги. Чем дальше продвигалось вперед острие наступления – тяжелый танковый полк Беке, 16-я и 17-я танковые дивизии, тем слабее становилась их пробивная сила, потому что обе дивизии на флангах больше не продвигались вперед. Кроме того, 3-й танковый корпус имел перед собой по меньшей мере два русских танковых корпуса, более свежих, чем мы. Я думаю, что к этому моменту мы потеряли уже больше половины наших сил. Вечером батальон встал в круговую оборону примерно в одном километре от Чесновки, которая еще была во вражеских руках, и ждал снабжение, которое из-за угрозы перехвата врагом и из-за плохой погоды должно было быть этой ночью доставлено самолетами. Батальон потерял пять танков от вражеского огня, четыре танка были полностью уничтожены, пятый подлежал восстановлению. К сожалению, у нас было четверо убитых и много раненых. Снабжение по воздуху для нашего полка этой ночью доставлено не было. Ночь была спокойной. Началась легкая метель, температура упала, но земля все еще была недостаточно твердой. Наши танки оставляли глубокие следы, а колесные машины проламывали замерзшую корку и застревали.

13 февраля. С рассветом мы продолжили атаку,

развернувшись с северо-востока на восток, по дороге Медвин-Лисянка. Из семи вражеских танков, Т-34/85 и «Шерманов», появившихся со стороны Медвина, шесть было подбито. Когда мы вышли на дорогу, наши 12 «Тигров» сначала продвинулись на север и восток для зачистки местности. Нас поражало то, что у врага правилом были атаки маленьких, нескоординированных групп танков, численностью до роты, их можно было ждать в любой момент и с любого направления. 1-я танковая дивизия уперлась в Лисянку. Сильная оборона и река Гнилой Тикиш вынудили ее остановиться и открыть наш южный фланг. Дивизию несправедливо упрекали в том, что она ввязалась в бой за деревню и потеряла время. Направление удара определил корпус, населенные пункты Лисянка и Октябрь надо было взять быстро, сильно потрепанная дивизия, в которой не хватало не только танков, но и пехоты, была не в состоянии это сделать. До западной границы кольца оставалось пробить еще как минимум 10 километров стены из сильных частей противника. Открытые фланги, которые танковые соединения в маневренной войне могли и должны были игнорировать, здесь, при наличии сильной и эшелонированной обороны противника нельзя было оставлять без внимания.

Перед «Тиграми» 1-й роты (взвод Фельдезака) и 3-й роты (взвод Рондорфа) неоднократно появлялись вражеские танки. Примерно 10 из них было подбито. Населенные пункты Хижинцы и Журженцы были полностью заполнены вражескими танками и пехотой. Наконец-то прибыли долгожданные самолеты со снабжением под прикрытием истребителей из Умани. С бреющего полета, с высоты 10 метров, они точно сбрасывали бочки с бензином, насосы для топлива и боеприпасы для танков. При этом многое разбилось. Наши танки поодиночке подъезжали к месту сброса, заправлялись и грузили боеприпасы. Питание, к сожалению, нам не сбросили. Его у нас уже было мало, сухой паек давно был съеден. В таких ситуациях обычное «питание из местных источников» было невозможным, потому что в деревни мы практически не заходили, и большинство из них стояли пустыми. Было решено, что наш полк наступает до дороги Хижинцы-Журженцы и там ждет, пока 16-я танковая дивизия возьмет Хижинцы, а 1-я танковая дивизия – Лисянку, потом поворачивает на юго-восток и берет деревню Камаровка примерно в шести километрах, которая была уже практически на границе котла. В котле от 40 до 50 тысяч солдат ждали своего освобождения, они должны были поддержать нашу атаку. От 1-й роты в бою остались только танки Фендезака, Эрдмана и мой.

14 февраля. Хижинцы были взяты 16-й танковой дивизией.

Мы продолжали удерживать наши позиции на дороге в Журженцы и отразили по меньшей мере четыре атаки групп из пяти-семи танков, что соответствовало ослабленной роте. При этом было подбито по меньшей мере 20 танков противника. Количество вражеской пехоты тоже увеличивалось. Теперь подключилась и наша пехота, и мы почувствовали себя уверенней в ближнем бою. Метель и туман приглушали шум боя, видимость была плохой, и вражеские танки появлялись на кратчайшем расстоянии перед нами. 1-я танковая дивизия все еще билась за Лисянку, сил и времени, чтобы взять Журженцы и Камаровку нам не хватало, поэтому план операции был изменен. Тяжелое положение окруженных, которых без перерывов атаковали со всех направлений и которые несли тяжелые потери, требовало быстрых действий. Сейчас надо было попытаться спасти то, что еще можно было спасти!

Новой целью наступления стала местность вокруг высоты 239, между занятыми врагом населенными пунктами Журженцы и Почапинцы. Окруженные своими силами должны были обеспечить прорыв мимо Камаровки до высоты 239, расстояние до нее от южной границы кольца составляло около восьми километров. В нашем батальоне осталось девять «Тигров».

15 февраля. Мы все еще удерживали наши позиции на дороге в Журженцы. Перед ними должно было появиться большое количество вражеских танков. Еще в темноте мы атаковали в направлении на северо-восток, туда, где предположительно были вражеские танки.

Видимость было очень плохой. Неожиданно как для нас, так и для них появились вражеские танки, начался ближний танковый бой. Мы установили, что Журженцы были заполнены вражескими танками и пехотой. Во время нашей атаки мы подбили 14 танков. К сожалению, один «Тигр» был уничтожен, и у нас было двое убитых. Целью нашей атаки было прежде всего убедить русских в том, что основная атака на пробитие котла будет здесь, в районе Хижинцы и Журженцы. Концентрация русских частей здесь говорила о том, что этот обман удался. Перед наступлением темноты мы вернулись обратно на наши позиции и ночью готовились к атаке на высоту 23916 февраля. Семь «Тигров» еще были готовы к бою…

Но еще в декабре 1943 года меня произвели в фанен-юнкеры-фельдфебели и поставили в известность, что весной 1944 года я поступаю в военную школу в Ордруфе. 15 февраля я сдал командование своего «Тигра» номер 114, чтобы вместе с Хансом фон Хагемайстером и Хансом Левандовски ехать в 500-й танковый резервный батальон в Падерборне для поступления в

офицерскую школу на пять месяцев. Так закончилось мое одинадцатимесячное командование танком «Тигр» номер 114. Мы, его экипаж, счастливо проскочили через эти 11 месяцев, наш счет составлял 57 подбитых вражеских танков. Мы потеряли два «Тигра», но ни один из них не достался противнику и не был взорван. Мы, все пять членов экипажа, так я думал тогда и так я думаю сейчас, показали оптимальную командную работу и выполнили наш долг. Теперь я отвалил в Рейх, где было безопасно, и оставил мой экипаж в эпицентре битвы.

Я признаюсь, что я тогда охотно променял командирское кресло в танке на стул в лекционном зале военной школы.

Но больших угрызений совести перед моими товарищами у меня нет. Мне было обещано, что, согласно моему желанию, я вернусь в батальон. Так и случилось.

– В танке была взаимозаменяемость членов экипажа?

– В роте были 10 человек – резервный экипаж. Если один член экипажа выбывал, замену брали из резервного экипажа. Друг с другом мы не менялись, я такого не знаю. Потери танков были очень высоки, всегда были лишние танкисты, и был ужасный страх, что отправят в пехоту, там солдат всегда не хватало. Все, у кого не было Железного креста первого класса, были в опасности, что их переведут в пехоту, и со многими это произошло.

– Чем занимались безлошадные танкисты?

– Они сидели в обозе, пили водку, играли в 17 и 4. Но рано или поздно приходили новые танки, хотя переизбыток персонала всегда был.

– Ваше отношение к СС?

– Мы считали, что между черным СС и Ваффен СС есть огромная разница. Ваффен СС – это были храбрые, боеспособные, легко переживали потери. Если у нас погибла пара человек, мы уже начинали думать, что это плохое руководство и вообще как это могло произойти. В Ваффен СС они считали успехом, если у них были большие потери. У них были совсем другие представления о людях, о человеческом облике. Между нами всегда была дистанция. Нас только после 20 июля заставили приветствовать офицеров нацистским приветствием…

– Каким было ваше отношение к покушению 20 июля?

– Узнал о нем вечером 20 июля по радио. Мне очень не понравилось выступление доктора Роберта Лея, фюрера

Трудового фронта, по прозвищу Имперский алкаш. Было четко слышно, что он пьян. Он, больше заикаясь, чем говоря, объявил, что «свиньи голубых кровей» попытались убить фюрера. Выступление было настолько неприятным, что сам факт покушения отошел на второй план.

Во время возвращения в резервную часть на Силезском вокзале в Берлине я, как обычно, отдал честь офицеру. Я не знал, что Имперский дурачок Гиммлер стал командующим резервными войсками и нацистское приветствие теперь стало обязательно и в Вермахте. Офицер орал на весь Силезский вокзал. К новому приветствию мы привыкали еще долго.

В Берлине тогда шли процессы против путчистов. У берлинцев острые языки, это известно, они говорили, что это досадные процессы (Schade Falle).

– Почему досадные?

– Потому что не получилось.

– После 20 июля в Вермахте ввели комиссаров?

– Да, мы должны были тогда получить НСФО, офицера национал-социалистического руководства. Наш командир этого не стал дожидаться и назначил старейшего и любимого всеми офицера, потому что кто-то должен был быть назначен. Он назначил не нациста, а самого безобидного человека. В воинских частях, в которых было разумное руководство, национал-социалисты не имели влияния.

– Можно ли сказать, что вы были одним из самых молодых в танковых войсках?

– Средний возраст в целом был 18–20 лет. Офицеры были немного старше, я был одним из самых молодых. Но я был не кадровым офицером, а офицером резерва.

Немного расскажу про офицерскую подготовку. До реформы Шарнхорста 1815 года в прусской армии офицерские должности были предназначены только для знати. Никакого обучения не требовалось, благородного происхождения было полностью достаточно. В 1815 году лица неблагородного происхождения также получили возможность стать офицерами. Вместо происхождения роль стали играть умения. Во время Второй мировой войны обучение было построено на принципах Шарнхорста, но с учетом произошедших в обществе изменений.

Была разница между кадровыми офицерами и офицерами резерва. Кадровые офицеры, профессию которых обычно выбирала их семья, с детства учились в кадетских интернатах, целью обучения было получение права поступления в

университет и предварительная военная подготовка. Офицерами резерва должна была покрываться потребность в увеличении численности армии в военное время. При наличии образования и склонности к военной службе их несколько раз призывали на военную подготовку, и после одобрения офицерами из соответствующей воинской части они получали звание офицера.

Как правило, чтобы стать офицером, нужно было иметь право поступления в университет. Дефицит офицеров привел к понижению образовательного ценза. В 1938 году была отменена обер-прима, тринадцатый год обучения в гимназии, право поступления в университет можно было получить после 12 лет гимназии. С началом войны требования были еще понижены. Перевод из 11-го в 12-й класс считался равным наличию права поступления в университет. Учиться в университете и стать офицером можно было с этим так называемым «чрезвычайным правом поступления в университет».

До войны была единственная военная школа в Дрездене, в ней учились все будущие офицеры. Потом, с увеличением потребности в офицерах, были открыты другие военные школы, военная школа танковых войск была в Вюнсдорфе под Берлином. Потом обучение проходило в школе фаненюнкеров в Ордруфе в Тюрингии, туда я попал в апреле 1944 года.

Обучение там нашим ожиданиям не соответствовало. Мы были опытные танкисты, а там была муштра, которой в танковых войсках обычно не было. Это могло быть потому, что начальником обучения был носитель Ордена крови, который в 1923 году вместе с Гитлером штурмовал Фельдхеррнхалле, он принес в танковые войска этот чуждый нам стиль.

Обучающиеся должны были в течение пяти месяцев на основе их фронтового опыта научиться управлять танками и людьми.

В числе прочих у нас были следующие курсы:

– тактика, вождение войск,
– враговедение,
– применение танков,
– боевые учения,
– взаимодействие с другими родами войск,
– спорт,
– военная история.

В глаза бросается то, что курсов по национал-социализму не было, а это был 1944 год! Преподавателями были опытные фронтовые офицеры, что легко было понять по их наградам. Многие из них имели ранения и были непригодны к службе на фронте.

Обучение для всех было одинаковым. К концу обучения –

экзаменов не было, была аттестация – стало понятно, что четверо фаненюнкеров обучение не прошли, хотя мне оно показалось совсем не сложным. Были также фаненюнкеры, которых на обучение направили их части, опытные унтер-офицеры с высокими наградами, такими как Рыцарский крест. Они, разумеется, обучение успешно закончили. Проблемой также была разница в диалектах, обучающиеся были со всей Великой Германии. Самый старший был 1911 года, ему было 34, он был знатного происхождения. Мне было 23 года.

Обучение закончилось производством в оберфенрихи, это считалось уже офицерским чином.

«Резервистов» произвели в лейтенанты еще до Рождества и отправили их в части. Кадровые должны были прослушать еще один курс, целью которого была подготовка к должности командира роты.

– Многие говорили, что после Сталинграда мораль немецкой армии упала. Как было у вас в части?

– Безусловно, боевой дух упал. Мы не понимали, что происходит, как такое могло случиться.

– Операция «Цитадель». Как она начиналась, вы к ней специально готовились?

– Очень основательно готовились. У нас было много фотографий воздушной разведки, их показывали экипажам. В июне показывали пехоте «Тигров». Выехали на передний край и стреляли по вражескому берегу. Разрушили там пару бункеров.

– Русские провели артиллерийскую подготовку перед немецким наступлением. Вы ее заметили?

– Да. Мы ждали на берегу Донца, когда саперы построят нам наплавной мост. Части моста были где-то построены, и штурмовыми лодками, буксирами их надо было составить в мост. Русская артиллерийская подготовка была такая, что в воздухе не было свободного места от снарядов, а вода в Донце кипела от взрывов. И под этим огнем наши инженерные части, голые по пояс, вбивали сваи и толкали части моста против течения буксирами. У них наверняка были большие потери. Потом был очень тяжелый бой на другой стороне, поле было полно мин.

– С какой дистанции вы бы открыли огонь по Т-34?

– Мы могли точно попадать начиная с 1500 метров. Подпустить чем ближе, тем лучше, чтобы каждый выстрел попадал в цель – это был мой девиз. В «Цитадели» английский

тяжелый пехотный танк, хорошо бронированный, мой наводчик подбил с 1800 метров. Но в целом я бы сказал, что дистанция открытия огня – 1000 метров.

– Вы рисовали кольца на орудии по количеству подбитых танков?

– Нет. Нет, нам было запрещено. Насколько я понимаю, потому что, если танк попал бы в руки русских и имел шесть мотков на стволе, с его экипажем обращались бы по-другому. У нас это было запрещено. В других частях такое делали. В Швейцарии есть танковый музей, там стоит «Тигр» с 20 кольцами. Я сказал: «Фантазер».

– Как вы оцениваете количество работы по поддержанию технического состояния у разных танков?

– У всех танков оно было относительно высоким. Можно было делать меньше, но тогда в бою будет плохо. Повторю – один час боя стоил 10 часов работы для всех типов танков. Или один человек работает десять часов, или пять человек работают два часа. Это правило, которое я получил опытным путем.

– Вы использовали трофейные танки?

– Очень неохотно, потому что была опасность, что свои перепутают и подобьют. Мы использовали, но неохотно.

– Вы были внутри Т-34, что вы о нем думаете?

– В «Тигре» мы себя чувствовали лучше. В Т-34 все было примитивно. Заусеницы, необработанный металл, а у нас все было отполировано.

– Что заставляло воевать, что держало армию в, казалось бы, безвыходной ситуации?

– Товарищество. Мы не могли сбежать и бросить товарищей, так не делают. Один пример. Середина апреля, война проиграна, Вена пала. Наш ремонтный завод был в Вене, в Арсенале. Мы послали водителя-венца забрать оттуда танковые моторы. Нам говорили: «Как вы можете его туда посылать?! Он же точно не вернется». А он вернулся и привез моторы. Он не мог себе представить, как это он может сбежать. Поэтому у нас было очень мало перебежчиков. Мы продолжали держаться вместе, потому что мы уже годы были вместе, мы не могли оставить товарищей.

Прибыв в батальон в начале января 1945-го, я доложился новому командиру капитану доктору фон Дист-Коерберу и адъютанту батальона оберлейтенанту Хиирляйну. Меня они не

знали, как и я их. Меня послали в 3-ю роту. Это меня совсем не устраивало, потому что я надеялся попасть обратно в «мою» 1-ю роту. 3-й ротой командовал оберлейтенант Фрайхерр фон Розен. Ротными офицерами были лейтенанты Корре и Рамбов, все они были мне незнакомы. Я заметил, что личный состав за восемь месяцев моего отсутствия с апреля 1944 года поменялся, и я по причине моего долгого отсутствия стал «никто». Танка у меня не было, и я сидел в развалинах сеновала, в которых размещалось командование роты. Ощущения, что командир роты особо рад моему приезду, у меня тоже не было. 3-я рота еще с 1942 года была отдельным клубом где-то на окраине батальона. После двух дней бессмысленного сидения мне это стало слишком, и у меня появилось чувство, что от меня хотят избавиться. Я пошел к командиру роты и заявил, что или мне дают какое-то задание (это означало, что мне должны дать танк), или я ухожу в обоз. В итоге я был переведен в 1-ю роту и получил «Королевский тигр».

Запомнился бой у Замолы. 24 января около 23.00 состоялась отдача приказов на атаку, присутствовали все командиры, включая командиров танков. От нашего батальона были три или четыре «Королевских тигра» под командованием лейтенанта Бейера. Было очень холодно, примерно минус 10 градусов. Началась обычная процедура прогревания мотора, передач и аккумуляторов. Ночью мы заняли исходные позиции и много часов ждали начала атаки в 7.00. Недооценка врага всегда была ошибкой. Но, когда, кроме того, считаешь врага дураком, за это всегда жестко наказывают. Как только посветлело, мы выехали на наших стальных колоссах на поле. Но оказалось, что за ночь русские стянули большое количество противотанковых пушек и установили мины. Обе гусеницы нашего танка были мгновенно порваны. Мы должны были поставить себя на место врага и понять, что он примет эти или аналогичные меры. Была тихая, ясная, зимняя ночь, враг слышал шум наших моторов, когда мы выдвигались на исходные позиции. Атаковать в этих условиях было большой ошибкой. Если наши планы нельзя было поменять, то атаковать надо было с другого направления. Тот, кто вел «Тигры» в атаку, должен был думать головой. Идеальная ситуация для противника: «Тигр» со сбитыми гусеницами неподвижно стоит на минном поле. Мы хотели продать наши жизни как можно дороже и стреляли по иванам из нашей 8,8-сантиметровой пушки, пока по нам лупили четыре или пять русских 7,62-сантиметровых пушек, стоявших на расстоянии меньше чем 1000 метров на краю неубранного кукурузного поля. Водитель уже был ранен, но экипаж башни был еще в строю. Во время очередного выстрела из нашей танковой пушки раздался странный звук. Я

посмотрел в прибор в командирской башенке и увидел необычную картину: наша пушка стала намного короче, чем обычно, и до кожуха раскрылась, как листья пальмы, абсолютно симметрично. Из большого количества попавших по нам снарядов один попал в пушку и вызвал разрыв ствола. Теперь огонь по врагу стал невозможным, а иваны стреляли по нам из всего, что у них было. Наше положение было неприятным. Выйти из танка невозможно. Тут мы заметили, что по нам больше не попадают. Пошел снег, и видимость упала до 50 метров. Мы забрали раненых и помчались назад. И, как только мы добрались до наших товарищей, которые прятались в низине, снег кончился. Мы опять были живы!

Вскоре меня перевели в штаб на должность офицера-ординарца. Штабную службу я не любил, но офицер-ординарец одновременно был командиром 3-го штабного танка, и я мог и дальше часто участвовать в боях. Ведение батальонного военного дневника было для меня особенно неприятным. Каждый вечер на передовую, в штаб батальона, приходил Ia-Schreiber (писарь первого (оперативного) отдела штаба), оберфельдфебель Хуго Вебер, я рассказывал ему о событиях дня. Вернувшись, Вебер переписывал отчет начисто, и на следующий день приносил на проверку и подпись.

Я все время сопровождал командира на совещания и выдачу приказов, кроме того, я был связным офицером в вышестоящие штабы, поэтому я имел полное представление обо всем происходящем в батальоне.

В последние недели войны события на фронте происходили с калейдоскопической быстротой. Мы, 503-й танковый батальон, были пожарной командой танкового корпуса Фельдхеррнхалле. С нашими немногочисленными «Королевскими тиграми» нас бросали из одного пожара в другой. У нас редко было более десяти боеготовых «Тигров». Обычно, разделенные по два-три танка, мы помогали истекающим кровью частям. Многие из этих боев я уже не помню. Но удивительный и очень успешный бой у Миттерхофа я хочу описать.

На рассвете объявили тревогу. Справа от нас прорвались примерно 20 вражеских танков. Мы ничего не видели и не слышали, потому что густой туман ограничил видимость 100 метрами и подавлял все звуки боя. Командир приказал мне с тремя моими «Тиграми» выехать в разведку на запад через Нойдорф.

Мы проехали Нойдорф. Врага не было видно, видимость была еще очень плохая. В полной боевой готовности из Нойдорфа мы клином поехали на север по дороге на Лаа. Через два километра

мы справа пересекли какое-то количество следов танковых гусениц, идущих с севера на юг. Мы насчитали 12 танковых следов. Это должна была быть прорвавшаяся танковая часть, примерно батальон, который шел на север. Я попытался сразу же связаться по радио с батальоном, но связь не работала. Мы повернули и поехали по следам гусениц на север. Перед дорогой Лаа-Вильдендюрнбах я заметил много гильз от снарядов. Они были калибра 10 сантиметров, значит, это должны были быть или танки ИС-1, или самоходки Су-100. Надо было быть очень осторожным, потому что этот калибр был опасен и для «Тигра II». Через два километра без соприкосновения с врагом мы достигли Миттерхофа. Видимость стала хорошей. Мы заняли позиции. Жители хутора, которые сначала приняли нас за русские танки, сказали, что русские танки поехали дальше на север. Я опять попытался связаться с батальоном, связи не было.

Мы поехали дальше, прикрывая друг друга, и с опушки леса, с расстояния 1500 метров, по нам открыли огонь из танков. Мы установили, где находится противник, наше задание было выполнено. Мы отступили на хутор. Было непонятно, почему вражеская группа стоит там без движения. Время уже было к полудню.

Изучение карты и опрос населения привел нас к выводу, что Тайа стала препятствием для русских танков.

Один «Тигр» прикрывал южное направление, два «Тигра» северное. Мы ждали командира, должны были подойти еще танки. С шестью-семью «Тиграми» можно было бы атаковать.

Становилось скучно.

Я вылез из танка, сдвинул черепицу в крыше хлева и увидел примерно десять танков Т-34/85, стоящих в кустах фронтом к нам или на восток. Их прикрывала вершина холма, расстояние было 1400 метров. Местность была открытая. Наконец-то у меня получилось связаться с батальоном.

Мы уже два часа стояли на месте без движения!

Что-то должно произойти, надо было как-то вызвать вражеские танки на бой.

У нас появилась идея: вершина холма была плоской, и траектория нашего снаряда, хотя мы стреляли прямой наводкой, при установке дальности в 2000 метров должна была пройти выше холма, и снаряд должен был потревожить русские танки. Наводить пушку надо было, конечно, не из танка, а с крыши хлева.

Один из «Тигров» подъехал кормой прямо к стене хлева, прямо под наблюдателем на крыше. Наводка на цель, Т-34/85, по горизонтали не была проблемой, потому что пушка, башня и

наблюдатель на крыше находились на одной линии. Мы выставили дистанцию стрельбы 2000 метров. Первый снаряд попал в вершину холма, второй пролетел над русскими танками. Русские начали нервничать, завели моторы и развернули танки в нашу сторону. Но они не могли понять, откуда по ним ведут прицельный огонь, потому что вершина холма скрывала наш «Тигр».

После уменьшения прицела на полпункта, четвертый выстрел попал по танку. Он загорелся и взорвался.

Тем временем в Миттерхоф прибыл командир батальона с еще двумя «Тиграми». Неожиданно стая вражеских танков обратилась в дикое и беспорядочное бегство на восток. С дистанции 1500 метров, огнем в борта, в самое короткое время на открытой местности 10 вражеских танков были подбиты.

В том, что война закончится безоговорочной капитуляцией, не было ни малейших сомнений. Но как, где и когда это будет, оставалось большим вопросом. Все мысли были о том, как не попасть в плен Красной Армии. В Южной Германии американская армия быстро продвигалась и дошла до Богемского леса. Немецкие войска, медленно отступая, стремились туда же, чтобы дать возможность населению достичь линии фронта с американцами и самим сдаться в американский плен.

У нас, у остатков 503-го «тигрового» батальона, снова подчиненного танковому корпусу Фельдхеррнхалле, до 6 мая 1945 года было относительно тихое время. «Королевские тигры» и зенитные танки нашего батальона стояли в готовности маленькими группами по всей ширине фронта танкового корпуса, примерно 20 километров. Утром 7 мая русские наземные и воздушные войска с невообразимой силой начали наступление по всему фронту 8-й армии, в которой сражались мы. Мы знали, что это последний бой! Очень скоро управление немецкими войсками было потеряно, нам было указано поступать по обстановке. И это могло означать только медленное отступление с боями на запад, в направлении Богемского леса, для того чтобы держать открытой дорогу для тысяч беженцев, в основном судетских немцев, и для неспособных воевать остатков армейских частей.

Приказы больше не поступали. Наш командир батальона получал информацию из докладов командиров танков на передовой и прослушивания переговоров по радио, как немецких, так и русских. Моторизированные посыльные и разведчики нашего батальона были разосланы по дорогам, по которым проходил марш, и дальше в тыл. Мне, как офицеру-ординарцу штаба батальона, было поручено собирать информацию из различных источников и докладывать ее командиру. Я в полосе

нашего отступления, примерно 40 километров в ширину и 180 километров в глубину, на Кюбельвагене с водителем и пулеметом до 10 мая целыми днями был в дороге, совсем один. Это было неопасно, чешское население вело себя спокойно. О чешских партизанах мы ничего не слышали.

О безоговорочной капитуляции немецкого Вермахта мы узнали 9 мая, но даже не задумались о том, чтобы остановиться и ждать русских. У большей части батальона получилось через Будеевице и Молдау (Влтава) повернуть на запад, чтобы сдаться в плен американской армии. В Будеевице чешские ополченцы перекрыли движение по мосту через Молдау, идущие на запад потоки машин и людей остановились. К счастью, у нас в колонне было еще два «Королевских тигра», 112-й и 123-й. Я вел оба этих танка. Когда мы поняли, что из-за моста стреляют, мы на двух «Тиграх» выдвинулись мимо остановившейся колонны к мосту. Вот как это описывает мой наводчик из 123-го танка, унтер-офицер Ханнес Вельш: «9 мая. Мы в Будеевице. Чехи не пропускают немецких солдат. Мы едем вперед, наш командир лейтенант Руббель выходит из танка и идет к чехам. Мы едем за ним, чехи бросают оружие и бегут». Мы поехали дальше по плохой, сильно поврежденной дороге в гористую местность на южном краю Богемского леса. Какой-то совсем слабый мост остановил наши танки, предположительно это был мост через Молдау западнее Будеевице. Здесь, не без печали, мы решили вывести из строя наши «Тигры» и спустить их по склону холма в болотистую долину.

Большей части нашей колонны, приблизительно ста солдатам, в основном на машинах, удалось дойти до опушки леса у деревни Добруш. Там состоялось последнее военное мероприятие: построение, приказ разойтись и прощание. Нам стало известно, что американцы устроили заградительные линии, на которых немецких солдат ловят и, по соглашению с Красной Армией, передают русским. Таким образом многие солдаты нашего батальона попали в русский плен, многие из них оттуда не вернулись. Я смог избежать этой участи. Мы не попали в плен Красной Армии благодаря умному решению нашего тогдашнего командира капитана доктора фон Диест-Коербера. При роспуске он нам настойчиво посоветовал:

1. Пересечь на запад Богемский лес пешком маленькими группами.

2. Избегать дорог, потому что охотящиеся на нас американцы избегают леса и держатся в основном на дорогах.

3. Старую государственную границу переходить по гребню Богемского и Баварского леса как можно дальше на запад, чтобы

невозможно было определить, идем ли мы с западного или с восточного фронта.

Его совет себя оправдал.

10 мая после обеда опушка леса у деревни Добруш опустела. После последнего построения и роспуска каждый был предоставлен самому себе. Мы последовали совету пересекать американские заградительные линии пешком и маленькими группами, хотя известно выражение, что танкист теряет в своей самооценке ровно столько, сколько пройдет пешком. К сожалению, немногие товарищи последовали этому совету. Они поехали дальше на запад и в горной местности с плохой видимостью были захвачены американцами. За свое легкомыслие они расплатились русским пленом. Я пошел с маленькой группой солдат. У меня был запас продовольствия, карта, бинокль, компас и пистолет. Вечером, было еще светло, мы увидели первую заградительную линию, она шла с севера на юг, вдоль дороги Прахатитц-Кристианберг. На кладбище в Оберхайд мы дождались темноты и попытались определить количество и местонахождение постов. Американцы сделали это для нас простым. Они ездили на джипах с полным светом. На постах они останавливались и болтали. В лучших традициях пехотной тактики мы подползли к дороге. К сожалению, перед ней была канава. Препятствие в один метр высотой мы преодолели прыжком, не без шума, и промчались мимо американского караульного. В испуге он смог только что-то пробурчать и лишь спустя некоторое время бесцельно и безрезультатно выпустил нам в спину магазин своего пистолета-пулемета. Первый шаг к свободе удался. К сожалению, в темноте у дороги я неудачно зацепился за сук и потерял продукты и бинокль. Нашу группу мы найти не смогли, со мной остался только «Буби» Боелер из 3-й роты, которого так прозвали из-за его еврейской внешности. Ночь, которую мы провели спрятавшись под елью, была очень холодной. Кроме легкого каменно-серого танкового комбинезона у нас не было никакой теплой одежды. Мы пересекли горный массив Кубаны [Боубин], высотой 1100 метров, частично покрытый липким снегом. Здесь, в лесу, мы были в безопасности. Американцы очень неохотно покидали дороги и выходили из джипов. Наши желудки начинали урчать. Здесь и там мы встречали хутора, где нам давали немного еды. Потом мы спустились в цивилизованную местность и оказались недалеко от Цвизеля в Бухенау.

Наша группа выросла, ко мне, как обладателю компаса и карты, присоединились солдаты из других частей. После 100-километрового марша по бездорожью нам нужен был отдых.

Деревня была переполнена беженцами, мы ненавязчиво смешались с ними. В замке графов Экс мы смогли переодеться в гражданское.

Когда в деревню приезжали американцы, мы, предупрежденные нашими дозорными, уходили в лес.

Тем временем была уже середина мая, наступило время прорываться. Чтобы перемещаться легально, надо было иметь свидетельство о демобилизации от союзников, иначе можно было попасть в плен. Моей целью был Ганновер.

Наша группа стала слишком большой и легкомысленной, мы направились на запад, в направлении Регенсбурга. Боелер хотел к своим родителям в Шветцинген. Мы встретили группу школьников, эвакуированных из города [Kinderlandverschickung], с их воспитателем. «Буби» Боелер, в коротких штанах, по внешнему виду подходил к этой группе, и я уговорил его к ней присоединиться. Он так и сделал и в конце июня благополучно оказался дома. В этом ему помог документ, выданный каким-то разумным бургомистром.

Моей следующей целью был Штаффельштайн. Туда ушла семья Ханса фон Хагемайстера. Я надеялся там ее найти. Теперь я шел один.

Проблемой было питание. Район между Баварским лесом, Дунаем и Регеном, по которому я двигался на запад, был переполнен бывшими военнослужащими Вермахта, беженцами и Ди-Пи (Displaced person – перемещенные лица: насильно увезенные и отпущенные военнопленные с востока). Всем хотелось есть. Ди-Пи получали хорошее питание от американской армии или от UNRRA (The United Nations Relief and Rehabilitation Administration – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций). Две другие группы, немецкие солдаты и гражданские, зависели от милосердия местного населения. В эти недели я встретил большую готовность помочь. Хотя для «идущего народа» в администрациях коммун были продовольственные карточки, действующие один день, но, чтобы получить их, нужен был «документ». Также можно было что-то купить, но для этого нужны были деньги. Я не помню, были ли вообще они у меня. Поэтому основой моего питания были дружелюбные просьбы о какой-нибудь еде.

На второй день Троицы роскошный обед в богатом крестьянском доме недалеко от Ниттенау в Гаубоден чуть не стал моей судьбой. Наевшись под завязку, а была жареная свинина с кноделями и консервированные сливы на десерт, я, расслабившись, шел по извилистой лесной дороге. Появившийся, как по волшебству, ниоткуда американский джип стоял в пяти

метрах от меня.

Мне помахали и сказали come on, я должен был подойти к джипу. Я перепрыгнул через канаву и исчез в подлеске. Это было так быстро и неожиданно для американцев, что они не успели схватиться за оружие.

Я был в безопасности. Этот день начался так хорошо и мог закончиться очень плохо.

Как мы позже поняли, многие американские части не имели возможности проявить себя на войне, а теперь война закончилась, и охота за немцами стала у них чем-то вроде спортивного соревнования. Поэтому она была такой интенсивной.

Потом лес закончился, я шел по лугу, на котором было полно ледниковых валунов, чтобы исчезнуть в следующем лесу. Внизу справа, в долине, на расстоянии 200 или 300 метров, была дорога. До леса оставалось метров 100, я услышал шум мотора и свисток – это снова были мои американские друзья, они снова мне махали, но уже более интенсивно. Теперь с ними было еще два пехотинца и, самое главное, тяжелый пулемет калибра 12,4 миллиметра на лафете, который смотрел прямо на меня. «На рысях» я помчался к лесу и услышал выстрелы и разрывы пуль возле меня. Бандиты стреляли разрывными пулями, и один осколок попал мне в левое ухо. Когда я оказался в безопасности, я перевязал себе ухо моим единственным имуществом – многоцелевым носовым платком, и пришел к выводу, что дальше так не пойдет. После пережитых шести лет войны я не хотел стать мишенью для первого попавшегося американца, которому захочется пострелять. Нужна была новая «стратегия».

В Вайдене, Амберге и Графенворе американская армия устроила так называемые «демобилизационные лагеря», и после того, как передача русским захваченных у границы солдат 6-й и 8-й армий закончилась, задержанных солдат регистрировали там. Если не обнаруживалось ничего отягощающего, такого как принадлежность к СС, высокий пост в партии или высокий армейский чин, через несколько дней задержанный получал свидетельство о демобилизации. Сначала у меня были сомнения, как будет оценена моя принадлежность к Фельдхеррнхалле. После опроса отпущенных я решил добровольно сдаться в лагерь в Вайдене. Мое решение было верным, через четыре дня я получил мою «бумагу» – война для меня окончательно закончилась.

Опасность для жизни и здоровья, опасность плена, которая висела надо мной многие годы войны, окончательно исчезла.

– Насколько вы оцениваете войну как ожесточенную,

тяжелую?

– Нет, мы так ее не рассматривали. Наши битвы представляют как войну расы господ против низшей расы, это не так, это неправда, это послевоенные люди придумывают, мы так ее не рассматривали.

– Вы рассматривали войну как работу?

– Войну против Польши я рассматривал как необходимую и справедливую, потому что мы боялись Польши. То, что мы напали на Францию, это, конечно, повернуло мир против нас. Без войны точно можно было обойтись. Общее настроение было таким: мы делаем то, что мы делаем, мы должны это делать, а куда мы идем, мы не знаем. Я был солдат, у меня был приказ.

– Как вы восприняли известие о капитуляции?

– Шоком это не было. Было понятно, что война проиграна, вопрос был только когда.

– Последний вопрос: война снится?

– Нет, снится дом, мой сын, семья, моя мать. Снится, как я маленький выгоняю пастись скот, детство, родной дом снится. Война не снится.

Курт Гэчманн

Я родился в Берлине 2 февраля 1916 года. Мой отец был профессиональным пекарем, кондитером. Когда началась война, его отправили на почту и назначили почтальоном. Моя мама всегда была домохозяйкой, у нее не было никакой профессии.

– В 1933 году вам было уже 17 лет, вы были взрослый молодой человек. Как вы восприняли приход к власти Гитлера?

– Я был еще очень молод и политикой не интересовался. Я только ощущал радость, которая тогда была в народе, когда нацисты пришли к власти и начали исполнять то, что обещали, – ликвидировать безработицу, отменить Версальский договор, создать армию, Вермахт, увеличить территорию, построить автобаны, учредить трудовую повинность, ввести военную обязанность. Вот это я помню.

В Берлине я с 6 до 14 лет посещал только народную школу. Потом четыре года учился на чертежника, рисовал детали машин.

Поскольку меня с ранней юности интересовало все, связанное с армией, по достижении 18 лет я решил добровольно вступить в вооруженные силы. Мне всегда хотелось стать солдатом! Дело было в 1934 году. Поскольку я не достиг еще совершеннолетия, которым тогда считался возраст в 21 год, для поступления в Рейхсвер требовалось письменное согласие отца, которое он мне дал без проблем. Мой выбор пал на 12-й кавалерийский полк, квартировавший в Дрездене. Однако в полк меня не взяли, объяснив это тем, что его штат уже полностью укомплектован. Но в неофициальной беседе мне намекнули, чтобы я попытался подать заявление на зачисление в следующем, 1935 году. Но в этот год Рейхсвер переименовали в Вермахт, ввели в Германии всеобщую воинскую обязанность. В общем, я без проблем оказался в армии, но уже не в кавалерии, а в только еще создаваемых танковых частях.

И вот 31 октября 1935 года я, упаковав вещи, отправился поездом из Берлина в Каменц. Дошел от вокзала до старого казарменного здания на улице Махерштрассе, построенного еще до Первой мировой войны. Здесь размещался 1-й батальон 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии, а 2-й батальон – в здании-новостройке неподалеку.

Меня охватило странное чувство неопределенности будущего, когда я, пройдя мимо постовой будки, где нес службу часовой с карабином и в каске, присоединился к группе

новобранцев 1914 года рождения. Меня зачислили в 3-й взвод 1-й роты, разместившейся в здании как раз против огромного плаца. Командиром роты был гауптман фон Кёппен, офицером роты – лейтенант Шпиндлер, а старшиной роты был оберфельдфебель Шустер. Командиром 1-го батальона до 1937 года был майор Готше, командиром полка – подполковник Йозеф Харпе, а с 1 января 1937 года Харпе было присвоено звание полковника. Командиром 2-й дивизии был легендарный создатель танковых войск генерал Гудериан.

После снятия всех мерок я был зачислен в 3-й взвод к фельдфебелю Кранцу. Командиром 9-го отделения был унтер-офицер Шмидт, а помощником инструктора и старшим по кубрику – ефрейтор Гёбель, если я не ошибаюсь.

Наш кубрик насчитывал 10 новобранцев. В основном это были уроженцы Саксонии и земли Рейнланд 1914 года рождения. Я, 19-летний, был самым молодым и единственным берлинцем. Поэтому меня и прозвали Ике[1].

Койки в спальном помещении роты были двухъярусные, с узким проходом между ними. Первым делом мы набили сеном наши матрацы и приступили к отработке навыка заправки коек. Мне достался второй ярус, поэтому приходилось заправлять койку стоя на табуретке. Это была своего рода целая наука – надо было уметь наполнить соломой матрац, причем распределить солому равномерно, чтобы не оставалось никаких ямок по центру, после чего натянуть на матрац синее, в клетку одеяло, заправить под прямым углом края и уложить его поверх подушки.

Потом нас повели в каптерку, где выдали обмундирование и снаряжение. И то и другое выкладывалось на расстеленный кусок брезента. Бог ты мой, чего там только не было! Целая огромная связка. Но все происходило очень и очень быстро. Помню, что получил тогда следующие предметы обмундирования и снаряжения:

1. Рубахи нательные хлопчатобумажные – 3 шт.
2. Подштанники – 3 шт.
3. Ночные сорочки – 2 шт.
4. Спортивные рубашки – 1 шт.
5. Спортивные штаны – 1 шт.
6. Портянки – 2 пары
7. Носки вязаные шерстяные – 1 пара (унтер-офицерам полагалось 3 пары)
8. Рабочие гимнастерки – 2 шт.
9. Гимнастерка – 1 шт.
10. Брюки полотняные – 1 шт.

11. Фуражка – 1 шт.
12. Пилотка – 1 шт.
13. Ботинки со шнурками – 1 пара
14. Спортивная обувь – 1 пара
15. Шинель – 1 шт.
16. Шарф – 2 шт.
17. Поясной ремень – 1 шт.
18. Подсумок для патронов – 1 шт.
19. Походная посуда – 1 комплект
20. Ножны для штыка – 1 шт.
21. Котелок – 1 шт.
22. Фляга – 1 шт.
23. Вилка, нож, ложка – по 1 предмету
24. Нагрудный мешочек – 1 шт.
25. Подтяжки – 1 шт.
26. Полотенца – 2 шт.
27. Перчатки вязаные – 1 пара.
28. Носовые платки – 2 шт.

Кроме того, из резервов бывшей кавалерии:

Китель – 1 шт.

Брюки для верховой езды, подшитые кожей – 1 шт.

Ботинки шнурованные с гамашами – 1 пара

Шлем кавалерийский – 1 шт.

Парадный мундир – 1 шт.

Танковая куртка черного цвета с «панцерберетом» – 1 шт.

Позже нам выдали форменные рубашки серого цвета, к ним – черные галстуки, а еще позже ботинки заменили на сапоги.

Теперь оставалось в установленном порядке разместить полученное обмундирование и снаряжение в узком одностворчатом шкафчике, предварительно снабдив все предметы шильдиком с именем, причем упомянутые шильдики должны были быть выполнены аккуратным, разборчивым почерком и пришиты или закреплены в нужных местах. Затем было приказано до блеска начистить ремень и обувь – для этих целей были выданы черный гуталин и мягкие тряпочки. При чистке полагалось надевать ботинок на одну из ножек табурета.

Было выдано и оружие:

Штык-нож – 1 шт.

Карабин 98К – 1 шт.

Противогаз – 1 шт.

Позже мы получили пистолет П-08 «Парабеллум».

Двухмесячный курс молодого бойца был нелегким и опирался

на боевой устав Рейхсвера. Служба началась в самый первый день. Обычный распорядок дня был таков:

6.00 – подъем.

6.05 – утренняя физзарядка (при любой погоде), обычно пробежка, после – физические упражнения.

6.20 – утренний туалет: умывание холодной водой раздевшись до пояса. Никакой горячей воды не предусматривалось.

После одевания выделялись люди для разноски кофе – обычно по одному человеку от каждого кубрика. Они брали термос и разносили всем кубрикам кофе. Времени на заправку коек и завтрак выделялось в обрез. Если фельдфебель замечал, что койка заправлена неаккуратно, одеяло тут же срывалось, и койку приходилось заправлять заново. Как правило, в таких случаях времени на завтрак уже не оставалось: в 7 часов утра по свистку мы выходили на построение на развод перед казармой. Следовал рапорт фельдфебелю. Иногда на построении присутствовал командир роты; в этом случае фельдфебель докладывал и ему. На разводе сообщалось, кому и чем следовало заниматься весь предстоящий день, кроме того, объявлялся состав наряда на кухню для чистки картошки.

В дневном плане предусматривались занятия с указанием ответственных за проведение занятий подразделений, а также назначался состав караула, внутреннего наряда, напоминалось о правилах поведения по пути следования подразделений вне воинской части, осуществлялась подача жалоб (при наличии таковых). Предусматривались и занятия по политической подготовке (в духе НСДАП). Следует упомянуть, что согласно параграфу закона от 21 мая 1935 года:

1. Солдатам запрещалась всякая политическая деятельность. Членство в НСДАП и других организациях в рамках НСДАП приостанавливалась на срок службы в Вермахте.

2. Для солдат Вермахта приостанавливалось право голоса и участие в выборах.

3. Солдатам Вермахта необходимо было разрешение вышестоящего начальника для вступления в ту или иную организацию, а также на учреждение той или иной организации как в рамках Вермахта, так и вне его.

На первых порах мы были обычными пехотинцами – строевая подготовка, стрелковая подготовка, обучение на местности, приемы с оружием, физическая подготовка и т. д. К внутренней службе относятся такие понятия, как содержание в чистоте и порядке своего шкафчика, поддержание порядка в казарме и спальном помещении, а также чистка личного оружия,

приведение в порядок обмундирования. На занятиях обсуждались и такие темы, как права и обязанности солдат, порядок отдания воинской чести, правила ношения форменной одежды, а также ношение и применение оружия, объявление поощрений, наложение взысканий, порядок содержания на гауптвахте и т. д. Занятия обычно проводились непосредственно в кубрике. Мы рассаживались на табуретах и должны были сидеть прямо, держа руки на бедрах.

Занятия по строевой подготовке проходили на плацу и включали в себя передвижение строем, повороты направо и налево, перестроение, отработка команд «ложись!» и «встать!», переползание по-пластунски, воинское приветствие с поднесением пальцев правой руки к головному убору, передвижение парадным маршем, отработка приемов с оружием, изучение пистолета-пулемета.

Физподготовка занимала относительно мало времени. Сначала пробежка, потом гимнастические упражнения, упражнения на спортивных снарядах, игра в ручной мяч или футбол.

Занятия по боевой подготовке обычно проходили на местности, но иногда и на плацу. Это же касалось стрелковой подготовки.

Хозяйственные работы, а также починка обмундирования чаще всего были запланированы на конец второй половины дня и проводились в кубрике казармы. Там же проходили и построения. Опоздавшие получали наряд на работы.

Обеденный перерыв проходил с 12 до 14 часов. К построению на обед полагалось являться с вымытыми руками и подстриженными ногтями. Поскольку в старой казарме не имелось помещения для приема пищи, приходилось с котелками получать еду у полевой кухни. Туда и оттуда мы следовали строем.

Пищу принимали в кубрике. Вообще-то нам полагался послеобеденный отдых, но, как правило, в это время приходилось чистить обмундирование и готовиться к занятиям второй половины дня.

В 14 часов – общее построение. В это же время раздавали почту.

В 17.00 – конец службы. Дневальные снова разносили чай или кофе, убирали помещение, доставляли для заступавших в наряд сухой паек. В 22 часа все должны были лежать в койках, правда, это не касалось дневальных: им предстояло вымыть термосы и убрать помещение. Только после рапорта дежурному о завершении всех работ им разрешалось отойти ко сну. Затем

дежурный обходил все кубрики убедиться, что весь личный состав на месте. Заболевшие докладывали с утра дежурному.

Суббота обычно отводилась под уборку территории. Вся рота направлялась на различные виды хозработ: натирать полы в казарме, уборку туалетов и помещений для умывания, мойку окон. Следили за проведением хозработ унтер-офицеры. Сам кубрик тщательно убирали дневальные. После этого починка и чистка обмундирования, уборка шкафчиков. Бывало, что ефрейтор – старший по кубрику – вытряхивал содержимое на пол, и тебе приходилось вновь аккуратно раскладывать все по местам. На 11 утра назначался осмотр всех помещений и оценка проведенных работ командиром взвода или старшиной роты. Провинившиеся лишались увольнения в город или получали наряды на работу. По завершении осмотра следовало построение на обед. Вторая половина дня объявлялась свободным временем. Солдаты собирали белье в узел и относили в частные прачечные. Рабочую одежду из соображений экономии средств чаще всего отстирывали сами холодной водой в помещениях для умывания. После этого повзводно отправлялись на помывку в душ. Это выглядело так: в спортивной одежде с мылом и полотенцем строем мы отправлялись в подвальное помещение казармы, где располагались душевые. Раздевшись, становились под душ. Находившийся тут же унтер-офицер открывал то холодную, то горячую воду и вскоре закрывал кран, ты поскорее намыливался, потом вода снова на короткое время включалась. Ты смывал мыльную пену, насухо вытирался. А в это время очереди дожидался следующий взвод. Бывало, что ты оказывался под душем, который по тем или иным причинам не работал или вода еле-еле сочилась из рожка.

7 ноября 1935 года после генерального осмотра состоялось принятие присяги: «Именем Бога я принимаю эту священную присягу и торжественно клянусь повиноваться фюреру германского народа Адольфу Гитлеру и Верховному Главнокомандующему и как бесстрашный солдат быть готовым в любой момент пожертвовать жизнью ради этой присяги». Затем все в парадной форме торжественно проследовали по улицам Каменца к кирхе Св. Марии на богослужение. Кирха располагалась на рыночной площади города.

После богослужения солдаты расходились по близлежащим гаштетам, чтобы выпить задарма. Кое-кто здорово перебирал, причем независимо от звания и должности. Какое-то время спустя строем возвращались в казарму. Начиная со следующего дня служба стала напряженнее, требования к нам ужесточались.

Занятия по стрельбе из карабина, «Парабеллума», пистолета-

пулемета MP 18 и пулемета «Дрейзе» проходили на стрельбище Била. Туда следовали со строевой песней; если пели вразнобой, фельдфебель мог положить строй и заставить ползти или же перейти с шага на бег. А если потом ты еще и промахивался, тебе грозили внеочередные занятия строевой на казарменном плацу.

Что касается денежного довольствия, то мы получали по 5 рейхсмарок раз в десять дней. Деньги полагалось хранить в нагрудном мешочке. Из этой суммы приходилось оплачивать стирку обмундирования, а также покупать мыло, гуталин, лезвия для бритья, зубную пасту, бумагу для писем и почтовые марки. Так что приходилось экономить, в особенности таким, как я, кто не получал денежных переводов из дома. Если что-то оставалось, можно был сходить в кино или зайти в гаштет.

После месяца напряженной начальной подготовки (на этот период увольнения в город не полагались) наше отделение во главе с командиром отделения два воскресенья подряд (разумеется, в военной форме, потому что штатскую одежду полагалось упаковать, отослать почтой домой) строем прошлось по городу. Зашли и в гаштет. После этого нас уже стали отпускать по воскресеньям в город до 22 часов. Условием для увольнения было примерное поведение и добросовестное несение службы в течение всей недели. Перед выходом в город полагалось доложить дежурному по подразделению. Дежурный придирчиво проверял внешний вид, включая штык-нож на поясе, мог иногда для порядка проверить, как вычищен твой карабин, только после этого тебя выпускали за пределы воинской части. Бывало, что тебя возвращали уже от ворот казармы, иногда и по нескольку раз «для устранения обнаруженных недостатков», и у тебя в конце концов отпадала охота идти в увольнение.

Хотя в то время еженедельного отпуска домой не полагалось, мне выпало счастье. В одно из воскресений незадолго до Рождества один из офицеров роты, лейтенант Шпиндлер, ехавший в командировку в Берлин, решил взять меня с собой. Мне было выдано особое разрешение. И вот впервые за полтора месяца службы я смог предстать перед родителями в форме.

Но на Рождество и на Новый год нам все же дали 5 дней отпуска. Вот только я уже не помню, где провел его: то ли у родителей в Берлине, то ли у моих дяди и тетки в Дрездене. А для тех, кто оставался в казарме, служба шла обычным чередом, хоть и, как говорится, вполнакала. Другое дело – после возвращения отпускников. Теперь к занятиям прибавились и теоретические: изучение материальной части танка Pz-I, основы тактики и другие предметы. Проходили и практические занятия на технике, отработка приемов занятия места в танке по команде,

приведение танка в боевую готовность, отработка приемов наведения и стрельбы, изучение флажных сигналов для передачи приказов. Основные сигналы: «перестроиться в колонну», «перестроиться в колонну по два», «перестроиться в развернутый строй», «перестроиться в двойной развернутый строй», «перестроиться в клин», «перестроиться в двойной клин». При этом необходимо было соблюдать дистанцию и интервал, а также обеспечивать сектор обстрела. В то время танки не были оснащены ни радиопередающими, ни радиоприемными устройствами.

Нас бесконечно дрессировали ходить парадным шагом и брать ружье «на караул». Это было связано с предстоящим смотром молодого пополнения. В феврале 1936 года все наконец закончилось. Судя по всему, наша рота выглядела достойно – серьезных замечаний не было.

Разумеется, случались и комичные эпизоды, о которых следует рассказать. Однажды вечером часов около восьми к нам в кубрик явился командир нашего отделения унтер-офицер Шмидт. На улице лил проливной дождь, и по плацу неслись потоки воды. Шмидт спросил, кто из нас умеет плавать. Я умел плавать вольным стилем и поэтому вызвался первым. В ответ унтер-офицер вручил мне письмо, которое я должен был опустить в почтовый ящик в соседнем здании.

В одно из воскресений после обеда мы с двумя сослуживцами сидели в кубрике и строчили письма домой. Снова заявился унтер-офицер Шмидт и велел мне прийти к нему на квартиру – срочно понадобилось сыграть на аккордеоне пару веселых мелодий для его гостей. Инструмент я прихватил с собой еще из дому в надежде в свободное время подучиться играть, поскольку я знал очень немного песен, да и не так чтобы хорошо. Все же пришлось растягивать меха. Играл я никуда не годно, но, когда закончил, был отпущен с миром.

Командир 2-го взвода фельдфебель Квек имел привычку выкурить трубку после службы. Когда ему надо было прикурить, он распахивал дверь и орал: «Факельное шествие!» Естественно, все срывались с мест поднести ему спичку или зажигалку. Кто не успевал, тому потом приходилось туго.

В январе 1936 года 1-я рота перебралась в только что отстроенную казарму как раз напротив плаца. Помещения были новее, а окна кубрика выходили на улицу. Спальное помещение было поделено на отсеки, где спали повзводно.

Вскоре меня перевели во взвод связи при штабе 1-го батальона. Штаб располагался в небольшом здании, чуть подальше от помещений роты. В ведении штаба имелся взвод

механиков-водителей легкого танка, разведвзвод и писари. Здесь у меня было уже другое начальство – начальник штаба оберлейтенант барон фон Фитингоф-Риш, старший фельдфебель Мюллер и командир взвода связи фельдфебель Майстер. Новым командиром отделения был унтер-офицер Юнкер. Теперь в кубрике нас было всего лишь четверо. Здесь в умывальной имелся и душ – принимай хоть десять раз на дню.

Меня обучали по специальности радист-телефонист. Мы очень гордились своими нашивками в виде молнии на левом рукаве. Обучение включало в себя отработку умений прокладывать кабельные линии связи (воздушные и наземные) от транспортных средств до пункта назначения и подключать телефонные аппараты к линиям связи, к коммутаторам и, согласно особой форме, передавать приказания. Занятия проходили вне стен казармы в поле. Параллельно шло обучение и по специальности радист. Приходилось изучать различные типы радиоприемных и радиопередающих устройств, отрабатывать умения настраиваться на определенные радиочастоты, осуществлять сеансы радиосвязи. Нас обучали и шифровальному делу – приходилось заучивать наизусть кодовые таблицы, которые непрерывно менялись. Мне нравились занятия по увеличению дальности действия радиопередатчиков с помощью рамочных антенн, установленных на подвижных средствах связи (автомобилях). Позже нас стали обучать и работе на радиоаппаратуре танков, хотя радиосвязь делала лишь первые шаги.

Разумеется, и здесь приходилось заниматься строевой и стрелковой подготовкой, многие часы проводить на технике. Офицер, отвечавший за технику (по фамилии Хенниг), драл с нас три шкуры – приходилось до блеска начищать все, что было на колесах.

Мне очень нравилось, когда нас по субботам на батальонном автобусе отвозили в Бауцен купаться в бассейне. Ни о чем подобном в роте и мечтать не приходилось.

По завершении обучения мне выдали удостоверение военного водителя 1-й категории на управление мотоциклом. Учился ездить на мотоцикле «Виктория» КР6 с коляской (объем двухтактного двигателя 600 кубических сантиметров). Учились ездить не только по асфальту, но и преодолевать препятствия в виде заполненных грунтовыми водами воронок и песчаных дюн на полигоне неподалеку от Дрездена.

Если выпадали два свободных дня в конце недели – суббота и воскресенье, – я часто ездил к своей тетке в Дрезден. Для того чтобы получить такой краткосрочный отпуск, необходимо было

не иметь замечаний в течение предыдущей недели.

Наш взвод связи участвовал и в летнем выезде на полигон под Ризу. Приходилось прокладывать линии связи и отрабатывать на них навыки работы на аппаратуре. Когда мой отец узнал, что меня направили под Ризу, он в письме попросил меня разузнать адрес своего двоюродного брата, проживавшего в Цайтхайне. И я вечером прямо через полигон пешком отправился в Цайтхайн. Расспросил местных жителей, оказалось, что двоюродный брат отца женат, у него двое дочерей 12 и 15 лет. Теперь я, улучив минутку, всегда захаживал к ним в гости. Мы подружились со старшей дочерью, и в Дрезден я стал ездить реже.

В июле 1936 года мы сначала пешим маршем, потом по железной дороге направились на полигон под Мюнстер. Там я выполнял обязанности делегата связи. Наш взвод разместился в бараке с общими нарами и крохотной уборной на всех. Умывались на свежем воздухе. Из-за того, что было мало кранов для воды, приходилось умываться из тазиков. По вечерам, если выпадала свободная минутка, я отправлялся на прогулку в пустошь: мне очень понравилась местность вокруг полигона. После заключительно войскового смотра нас перебросили на побережье Балтийского моря, где мы на полигоне занимались боевыми стрельбами из танков. Взводу связи вменялось в обязанность прокладывать телефонные линии между ротами. Мы установили и радиосвязь с катером наблюдения, курсировавшим вдоль берега. Хорошее это было время для нашего взвода связи – кроме исполнения своих чисто технических обязанностей, от нас ничего не требовалось. Мы днями валялись на песке и загорали. В полдень обед, после обеда снова загорать. Было уже начало августа 1936 года. Так как стрельбы заканчивались, как правило, сразу же после полудня, мы умудрялись сбегать и в курортное местечко Хайлигенхафен. Там можно было даже познакомиться с приезжими девушками. Но можно ли развернуться, если у тебя всего-то 50 пфеннигов в кармане?

Осенью (в сентябре-октябре) состоялись два марша на технике из Каменца в Галле, а уже оттуда на полигон Мюнзинген. И там меня снова назначили делегатом связи. Помню еще, что там постоянно был туман, часто шел дождь и мы сдавали экзамен по спасению на водах.

По возвращении из Мюнзингена меня задним числом с 1 октября 1936 года произвели в ефрейторы. Это означало и увеличение денежного довольствия (до 75 пфеннигов в день). Кроме того, отныне я мог беспрепятственно ходить в увольнение или ездить в отпуск на выходные.

С 3 по 6 октября 1936 года наш 3-й танковый полк перевели

из Каменца в Бамберг. Там мы, пройдя торжественным маршем через город, разместились в только что отстроенных казармах в Хауптмоорвальде. Новые казарменные здания были просторными и удобными, вокруг было множество зеленых насаждений. На каждую роту отвели по одному зданию с душевыми и помещениями для проживания унтер-офицерского состава. В главном корпусе разместились кухня, столовые для солдат и офицеров. Да и сам Бамберг в культурном отношении намного более интересное место, чем Каменц.

После размещения продолжились занятия боевой подготовкой. Меня назначили вестовым командира взвода фельдфебеля Майстера. Теперь мне уже необязательно было участвовать во всех служебных мероприятиях. И потом – на этой должности я получал дополнительное денежное содержание.

Зимой мой фельдфебель взял меня как вестового покататься на лыжах в Алльгой. Здесь командование 3-го танкового полка сняло на зимние месяцы домик. Я добросовестно нес службу, и это давало мне возможность отдохнуть от каждодневной суеты в казарме и на плацу. Поскольку лыжник я никакой, то просто гулял на природе.

В мае 1937 года по поводу двухлетней годовщины основания нашего полка на территории воинской части состоялся военно-спортивный праздник. Жители Бамберга не обделили нас вниманием. Командир полка, пользуясь случаем, решил основать «Товарищество взаимовыручки» – для сослуживцев, которых постигла беда. В обмен на вступительный взнос нам вручили отличительный знак – белые перчатки.

18 июня 1937 года меня отправили на курсы унтер-офицеров. Занятий было много, и все они непростые. На этот период ни отпусков, ни даже увольнений не давали. Занятия по общевойсковой подготовке проходили на местности под названием Хауптмоорвальд. В них входили трехдневное пребывание в полевом карауле и разведка, оценка обстановки и постановка задачи личному составу. Завершались занятия ночным подъемом по тревоге и 40-километровым пешим маршем с полной выкладкой, причем 8 км мы обязаны были пройти в ускоренном темпе – за 35 минут. После этого должны были провести учебные атаки на песчаных дюнах, на заболоченной местности и в лесном массиве. И все это без сухого пайка, вообще без еды. В казарму мы вернулись лишь утром строевым шагом – впереди оркестр. После этого начались занятия на технике. Это уже чуть спокойнее – передвижение на местности на танке, перестроение, флажная сигнализация, исполнение обязанностей командира танка, стрелка-наводчика, решение тактических задач

на ящике с песком, изучение танкового вооружения.

14 августа 1937 года я завершил обучение, сдал экзамены, а 1 октября 1937 года меня произвели в унтер-офицеры. Одновременно с этим я подписал обязательство прослужить в Вермахте 12 лет, после чего, по завершении соответствующего обучения, я имею право на зачисление в государственные служащие.

Я сдал свой мотоцикл и принял ротную каптерку. Теперь под моей ответственностью обмундирование и снаряжение всего личного состава роты. Я обязан следить за состоянием обмундирования, выдавать обмундирование и снаряжение, составлять ведомости обмундирования, производить в случае необходимости замену обмундирования, проводить осмотр обмундирования военнослужащих и т. д. Меня откомандировывают на курсы повышения квалификации в Мюнхен при управлении вещевого снабжения сухопутных войск. Курсы продлились с 22 октября по 4 декабря 1937 года. В начале 1938 года я познакомился с одной девушкой из Бамберга, на которой женился по завершении польской кампании в 1939 году.

9 марта 1938 года в 22 часа 30 минут 3-й танковый полк был поднят по боевой тревоге. Всю ночь я выдавал обмундирование мобилизованным из запаса резервистам и принимал от них штатскую одежду. И на следующий день тоже. Нам объявили, что речь идет о крупных учениях. 11 марта 1938 года полк покинул казармы. Танки были погружены на платформы, и мы по железной дороге направились в Пассау – место сбора частей 2-й танковой дивизии. Колесные транспортные средства добирались до Пассау своим ходом. 12 марта нам выдали боевые патроны. После этого наши войска вошли в Австрию. Но боевые патроны нам не понадобились – люди встречали нас с восторгом, забрасывали цветами, дарили вино, шоколад. Разумеется, оружие было разряжено – это было мирное вступление войск в германоязычную страну. 2-я танковая дивизия была временно дислоцирована южнее Вены.

Когда стало ясно, что мы уже не вернемся в Бамберг, поступило распоряжение разместить наш танковый полк в Мёдлинге. Поскольку казарм здесь не было, нам пришлось разместиться в школах, гостиницах и брошенных владельцами виллах. Я на грузовике с обмундированием какое-то время оставался в Австрии, но уже скоро мне было приказано вернуться в Бамберг за остававшимся там обмундированием и снаряжением. Мне выделили солдат. И когда я примерно полтора месяца спустя вернулся с 3 грузовиками в Мёдлинг, то был прикомандирован к 1-й роте, разместившейся в школьном здании. Сменился и

командир роты – теперь ею командовал оберлейтенант барон фон Швертнер. Я устроил каптерку на чердаке школы, а сам поселился в гостинице «Белый конь».

Полк с 28 августа по 7 октября 1938 года выезжал на полигоны Баумхольдер и Дёллерсхайм. 8 октября 1938 года части танкового полка в составе 2-й танковой дивизии принимали участие в мирной операции по присоединению Судет. Этот регион после Первой мировой войны по решению союзников перешел к Чехословакии. И здесь нас не обстреливали, а забрасывали цветами.

1 ноября 1938 года стали прибывать первые призывники из Австрии, преимущественно венцы, которых мне пришлось обмундировывать. 10 декабря 1938 года на площади Героев в Вене состоялся торжественный прием присяги.

13 марта 1939 года смешанное подразделение 2-й танковой дивизии, включая и подразделения 3-го танкового полка, вошли в Богемию и Моравию. Здесь также не пришлось стрелять.

В апреле месяце 1-я рота занимала только что отстроенный барак вблизи вокзала Мёдлинг. Я перебрался туда вместе с каптеркой. Здесь гораздо удобнее и вообще проще. Кроме бараков, в которых разместились спальные помещения, один из них отведен под хозяйственные помещения: кухню, столовую. Здесь располагаются и классы для занятий. Для танковой и колесной техники предусмотрены навесы.

Взаимоотношения с местным населением нормальные, если не сказать дружеские. Многие из наших солдат женятся на австриячках.

1 июня 1939 года прибывает новый командир полка полковник фон Тома, награжденный Рыцарским крестом[2].

Войска находятся на занятиях на полигоне Брук в Бургенланде. Отпуск в этом году я провожу вместе со своей невестой в Бамберге.

В августе на политическом горизонте сгущаются тучи – проблемы из-за польского вопроса. 8 августа всех каптенармусов требует к себе командир. Он приказывает расконсервировать склад НЗ и обмундировать всех прибывших по мобилизационному предписанию резервистов. После этого штатскую одежду, если она не забрана резервистами, надлежит выслать по указанному адресу проживания.

Танки разгружали на станции Мёдлинг, а колесная техника следовала своим ходом. Настроение у всех было подавленное, все только и думали о том, чтобы дело не дошло до войны.

Потом нападение на Польшу решили перенести на несколько дней, в результате военные действия начались лишь 1 сентября

1939 года.

– Как вы восприняли начало войны в 1939 году, как что-то хорошее?

– Нет, мы все были разочарованы. Никто не рассчитывал, что начнется война. В 1939 году, еще до начала войны в Польше, меня, как ответственного за униформу, вызвал командир и сказал, что я должен всем выдать полевую форму, а повседневную забрать. Я пошел к командиру роты и сказал ему, что мы должны переодеться в полевую униформу. Он мне с достоинством сказал: «Гэчманн, с кем мы, собственно, собираемся воевать?» На второй день войны он и еще несколько солдат погибли. Разумеется, участие в войне с солдатом не обсуждается, и мы приняли это как должное, но ни про какое воодушевление говорить нельзя.

Меня срочно переводят в 4-й запасной танковый батальон. 4 октября рота возвращается после боевых действий, и ее тут же отправляют на отдых и пополнение личным составом.

4 ноября я еду в Бамберг, а уже 15 ноября – день свадьбы. Свадебный стол скромный – продукты питания уже выдаются по карточкам. Потом мы с женой отправляемся в Мёдлинг и на первых порах снимаем меблированную комнату.

29 ноября 1939 года 3-й танковый полк по железной дороге перебрасывают на запад в район Дармштадта, затем 29 декабря – в район Гейдельберга. А 30 января 1940 года – еще одна переброска, на этот раз в Даун/Эйфель.

Сдаю каптерку и 27 марта 1940 года получаю назначение в штаб 4-го танкового батальона на должность инструктора взвода связи.

Мой бывший командир взвода – старшина штабной роты. При подготовке личного состава основной упор делается на овладение навыками радиосвязи, т. е. на работе с радиостанцией, которыми теперь оснащают танки. Кроме этого, изучение азбуки Морзе – прием-передача шифрованных сообщений.

10 мая 1940 года – начало кампании во Франции. 2-я танковая дивизия сражается в Арденнах и через Седан, Сен-Кентен, Бапом и Аббевиль наступает до Булони и побережья Ла-Манша. Во взаимодействии с другими частями и соединениями дивизия участвует в операции окружения неприятеля в районе Дюнкерка. После этого дивизию перебрасывают на другой участок, и она ведет наступательные операции до самой швейцарской границы (направление – через линию Вейгана, на Реймс, Шалон-сюр-Марн, Монтье и Доль), а также в Вогезах. 3 июля 1940 года танковый полк возвращается в Мёдлинг. 1-я рота оказывается на прежнем месте дислокации.

С 15 мая по 1 июня 1940 года меня откомандировывают в Галле в училище связи для прохождения подготовки по специальности «радист танка». В июне месяце мне предоставлена двухкомнатная квартира в Хинтербрюле под Мёдлингом. 6 августа меня в соответствии с просьбой переводят снова в 1-ю роту, таким образом я оказываюсь в действующей части. Теперь полком командует полковник Габлер, а ротой – оберлейтенант фон Боксберг. Но сначала меня посылают в штаб батальона для упорядочения вопросов, связанных с обмундированием для всех четырех рот. 8 октября 1940 года у нас родился сын Вольфганг. Помню, что в этот день я стоял в наряде в штабе полка.

15 декабря снова смена командира полка. Теперь нами командует полковник Бальк, впоследствии командующий одной из армий.

1 марта 1941 года мне присвоено звание фельдфебеля, а уже на следующий день мое пребывание при штабе заканчивается – возвращаюсь в 1-ю роту. Сначала я назначен радистом танка Pz-III в 1-й взвод лейтенанта Дёршмана.

И 5 марта нас перебрасывают по железной дороге через Венгрию в Румынию. 15 марта 1941 года мы через Дунай переходим болгарскую границу. Неподалеку от Софии нас размещают в школьном здании. Население относится к нам доброжелательно. Нам продают яйца, мед и овец. Выпала возможность побывать и в самой Софии – осмотреть город. Несколько дней спустя мы маршем отправляемся по горным дорогам в Кюстендил, где становимся лагерем. По вечерам собираемся и поем солдатские и народные песни. 1 апреля 1941 года нас перебрасывают в район сосредоточения в Струматал под Петрицу. Балканская кампания начинается ранним утром 6 апреля 1941 года.

2-му танковому батальону поставлена задача: нанести удар через югославскую границу и овладеть Струмицей. Танковый полк следует по обеим сторонам маршрута продвижения. 1-й взвод 1-й роты – в голове колонны. На границе нас поджидает противотанковый ров, довольно широкий. Ров оказался заминирован, и несколько машин подорвалось на минах, в том числе и наша. Наводчик, заряжающий вместе со мной отбуксировывают машины в тыл. Вскоре саперы обезвредили мины, прибыли ремонтники и исправили гусеницу. Продолжаем следовать по дороге на Струмицу. Тем временем наш танковый полк, практически не встретив сопротивления врага, овладел Струмицей. На следующий день наша цель Салоники. Танки с огромным трудом пробираются по узким горным дорогам и выходят к озеру Дойран. Здесь располагается западная

оконечность сильно укрепленной линии обороны Метакса. Ею овладевают горнострелковые части. 8 апреля без боя захвачен портовый город Салоники. Наш танковый полк дислоцирован за пределами города. 12 апреля наступление продолжается в южном направлении. С выходом 13 апреля к речке Алиокмон мы наталкиваемся на ожесточенное сопротивление сил Британского экспедиционного корпуса. Вскоре оно сломлено, образован плацдарм. Мы медленно продолжаем продвижение в направлении Катерини, с прибытием туда мы выходим на побережье Эгейского моря. Хорошо виден знаменитый Олимп. После привала и купания в море наступление продолжается. Стычек с противником нет. Когда мы 15 апреля выходим к Олимпу, получен приказ атаковать расположенную прямо перед нами крепость Панделеймон, где засели англичане. Однако в связи с быстро наступившей темнотой приказ отменен.

После артподготовки ранним утром 16 апреля предпринимается попытка атаковать Кастель. На этот раз мы берем высоту, но англичане уже убрались, и мы продолжаем наступать восточнее Олимпа на город Ларисса.

17 апреля 1941 года 1-я рота – передовой отряд колонны – выходит к реке Пиниус. Поскольку мост через речку разрушен, командир роты принимает решение проехать прямо по рельсам железнодорожной линии, тянущейся вдоль нашего берега реки.

Вообще-то ехать на танках по железнодорожным рельсам очень непросто – то и дело слетали гусеницы, приходилось их снова надевать, а на это уходило драгоценное время.

Уже в конце ущелья пути уходили в тоннель, взорванный англичанами. Мы вынуждены были остановиться. И оказались в тупике. Оставалось перейти реку вброд, тем более что глубина позволяла. Первым отправилась наша машина. Мы благополучно выбралась на противоположный берег, а вторая и третья машины угодили в довольно глубокое место и оказались по самую башню в воде. Только четвертой машине удалось переправиться и занять оборону на берегу. Стемнело, и о переправе нечего было и думать. Таким образом, на берегу оставались только 2 танка и горстка горных пехотинцев, в то время как основная масса техники сосредоточилась на противоположном берегу. Ночью артиллерия англичан вела беспокоящий огонь. Потерь с нашей стороны не было, но грохот стоял неимоверный, в основном из-за горного эха. Казалось, что всю нашу роту перестреляли, пока мы отсиживались в мертвой зоне.

В течение ночи наши саперы навели понтонный мост через Пиниос, и с утра наступление продолжилось. Наш танк шел вторым. Вскоре первая машина, едва обогнув скалу, получила в

борт бронебойный снаряд. Заряжающий погиб, а остальные члены экипажа попали в плен к австралийцам. Теперь во главе колонны следовал наш танк. Продвигаясь на малой скорости вперед, мы миновали Темпи, Эвангелисмос и вышли к Лариссе. 19 апреля город был взят. Перед этим здесь основательно поработали наши Люфтваффе, и это было заметно по развалинам. В Лариссе нам выпала пара дней отдыха. Дни эти ушли на приведение в порядок и ремонт техники. На товарной станции нами был захвачен целый состав с провиантом для англичан, что оказалось весьма кстати. В особенности сигареты в специальной тропической упаковке и необжаренный кофе в зернах.

25 апреля 1941 года наступление продолжилось. Цель – Афины. Было решено направить нашу дивизию двумя эшелонами. Первым эшелоном следовала 5-я танковая дивизия. На пути нам встречались солдаты греческой армии, без оружия и без охраны. Они разбредались по домам. Война для них закончилась.

26 апреля мы вышли к Фермопильскому ущелью. Из-за узости дороги в ущелье, которая вдобавок во многих местах была взорвана англичанами, водителям приходилось едва ли не на ходу ремонтировать гусеницы и колеса. Один из автомобилей рухнул прямо в ущелье. Наконец мы дошли до городка Фивы.

28 апреля мы уже были на подходе к Афинам. Разбиваем лагерь. После приостановления боевых действий, появляется возможность съездить в Афины, осмотреть город и Акрополь. 2 мая мне вручен Серебряный танковый знак.

На следующий день командующий 12-й армией генерал-фельдмаршал Лист дал в Афинах большой парад, в котором участвовал 3-й танковый полк. После этого мне был вручен Железный крест 2-го класса. С 6 мая наше подразделение перебросили в Германию. Колесная техника шла своим ходом, а гусеничная – через Коринф в Патры. Там мы здорово провели время. Нам, фельдфебелям роты, выделили на постой целый пустовавший дом. Мы гуляли, купались и загорали. Не отказывали себе в удовольствии побаловаться великолепным греческим вином – нам его раздавали в счет пайка. 16 мая назначен новый командир полка подполковник Декер, ранее занимавший должность командира батальона.

В тот день начинается погрузка танков на итальянские транспорты. Мы на них в сопровождении двух торпедных катеров и самолета-разведчика плыли из порта Патры в Тарент/Италия. Во время перехода через море нам запретили снимать надувные спасательные жилеты, а в темное время суток выходить на палубу. До Италии добрались без происшествий. После двухдневного пребывания в Таренте наши танки были

перегружены на железнодорожные платформы, и затем мы сначала вдоль восточного побережья Италии через Бреннер поехали в район Нюрнберга на отдых.

Нашу 1-ю роту после разгрузки 22 мая направили в Аммендорф западнее Цирндорфа. На меня опять возложили обязанность по выдаче личному составу роты обмундирования и снаряжения. Тут мы размещались на частных квартирах. Сколько нам здесь предстоит пробыть, было неясно, но вскоре с разрешения командира роты, я вызвал жену и сына к себе.

В начале июня я поступил в распоряжение командира 1-го батальона майора Хеннига. Мне приказано с началом следующей операции сразу же собрать весь транспорт рот батальона, не принимающий непосредственного участия в операции, и следовать с ним за ротой. В мое распоряжение выделялись водители, помощник и еще по унтер-офицеру от каждой роты, кроме того, полевая кухня и две легкие зенитные установки, смонтированные в кузове грузовика (по 2 пулемета на каждую).

22 июня 1941 года, когда было объявлено о начале кампании в России, мы еще не успели завершить отдых и пополнение личным составом и техникой. Только 7 июля 1941 года нашу колесную и гусеничную технику погрузили на железнодорожные платформы и перебросили в Польшу в район Ярослава. Разместили нас в казарме в 5 километрах юго-восточнее Ярослава. 2-я танковая дивизия до особого распоряжения находилась в резерве ОКХ.

Во время пребывания в Ярославе мы занимались боевой подготовкой в присутствии командующего и офицеров штаба. Совершили тренировочный марш. Я принял все машины согласно перечню, выстроил личный состав, ознакомил его с маршрутом следования и выступил колонной. В заранее выбранном месте был предусмотрен привал. Технику было приказано поставить по обеим сторонам дороги и замаскировать. Обе зенитные установки мы расположили на тактических точках. После этого было приказано развернуться и следовать в место расположения, технику перегнали в роты. По завершении в присутствии командира и офицеров состоялся разбор учения.

В порядке эксперимента я даже покомандовал пехотным взводом. Предстояло выяснить, возможно ли ночью отбить нападение пехоты противника на танки, занявшие круговую оборону, с использованием танковых прожекторов.

Я со своим взводом выступал в роли противника и должен был незаметно подкрасться к танкам и прорвать круговую оборону. По оговоренному сигналу поднял два отделения в учебную атаку, цель которой отвлечь внимание экипажей. С

двумя другими отделениями обошел машины и незаметно подобрался к одному из стоящих на противоположной стороне танков, «захватив» его. Эксперимент был признан неудачным.

13 августа в соответствии с полученным приказом 2-я танковая дивизия была переброшена частично по железной дороге, частично своим ходом на атлантическое побережье Франции в район Санта. 18 августа туда прибыла и наша рота. Разместились в какой-то деревеньке на частных квартирах. Надо сказать, мне не очень повезло – временное жилище было грязновато. Вокруг бегали куры, козы, а поскольку дверь не запиралась, то животные и птицы проникали в комнаты. Ко всему прочему, меня атаковали мириады мух.

14 сентября 1941 года снова снимаемся с места и на этот раз через всю Германию следуем в Сувалки. Отсюда своим ходом движемся в район Рославля. По прибытии принимаем новые танки Pz-III в количестве 22 машины на роту. Разместились в каком-то сарае. Да, это не Западная Европа!

23 сентября заняли позиции южнее Рославля, а я забрал лишние грузовики нескольких рот и получил от командира батальона приказ обождать пока с машинами до прибытия вестового.

– Что вы тогда знали о России?

– Моя тетя во время Первой мировой войны вышла замуж за пленного русского солдата. Он остался в Германии и работал таксистом. Когда к власти пришли национал-социалисты, он вернулся обратно в Россию и забрал туда свою жену. Они долгие годы жили в Свердловске, но мы ни разу не получили от них никакой весточки. Но можно сказать, что я почти ничего не знал о России.

– Что вас больше всего удивило, когда вы попали в Россию?

– Я просто делал свою работу. Страна мне понравилась, и люди тоже. С теми, кто оставался во время нашего наступления, у нас были дружеские отношения. Часто вместе ужинали с водкой… Да, да, это было хорошо! Когда у нас была лишняя еда, мы отдавали ее людям. Мы спали на полу, на соломе, бабушка с маленькими детьми на печке…

2 октября 1941 года начинается наступательная операция с целью овладения Москвой. 2-я танковая дивизия (3-й танковый полк дивизии) сначала подчинена 40-му армейскому моторизированному корпусу 4-й танковой группы. Наша первая цель – город Вязьма. Два дня спустя я получил приказ подтянуть

колонну грузовиков. Выполнил его, а вскоре получил аналогичный. Но потом, поскольку приказы уже не поступали, я действовал самостоятельно. Случалось, что я так увлекался, что выводил машины чуть ли не на передовую. Со временем роты 1-го батальона забирали свои грузовики по мере того, как их машины выходили из строя. Так что к прибытию в Вязьму у меня в распоряжении остается всего лишь 2 машины. Я обратился к командиру с просьбой раздать оставшиеся грузовики, а меня направить в свою родную 1-ю роту.

14 октября я доложил о прибытии командиру роты оберлейтенанту фон Боксбергу и вследствие потерь личного состава назначен командиром танка в 1-м взводе. Убитого командира танка, лейтенанта, я помнил еще по греческой кампании.

В боевое соприкосновение с противником мы практически не вступаем, русские отступают, оказывая весьма слабое сопротивление. 26 октября мы выходим к Волоколамску. В ходе наступления мой танк получил пробоину справа, но повреждения были незначительные.

Надо сказать, что зима 1941 года была для нас сюрпризом. У нас не было зимней одежды, только вязаные перчатки, шарфы, тонкая суконная шинель и одеяло. Я, как командир танка, во время атаки в танке стоял, но, когда мы куда-то ехали, я на мое сиденье подстилал солому. Бумагой или газетами мы не обматывались. Танки гусеницами примерзали к земле, моторы приходилось заводить каждый час, чтобы не замерзло масло. Если останавливались в домах, то снимали аккумуляторы и брали их в дом, чтобы они не замерзли. Но в домах остановиться не всегда получалось, очень часто мы ночевали в лесу. Бывало, что рыли траншею, выстилали ее соломой или листьями, сверху наезжали танком и потом туда залезали спать, но часто мы просто спали в танке, сидя на своих сиденьях. Если ты дотрагивался рукой без перчатки до танка, то кожа оставалась на броне. В период распутицы проезжими можно было назвать только несколько главных дорог. Практически прекратился подвоз снабжения – нет ни горючего, ни боеприпасов. Приходилось из мелкой семенной картошки варить похлебку. Выпекаемый в нашей полковой пекарне хлеб промерзал, и его надо было оттаивать. Тому, кто этим правилом пренебрегал, приходилось расплачиваться сильнейшим расстройством желудка.

– У русских танков был танковый брезент. У немецких танков такое было?

– Нет. У нас его не было. Единственное, что мы выучили у

русских, – это окапывание танка.

Там же под Москвой мы впервые услышали Сталинский орган. В первый раз мы испугались. Но, во-первых, танкам он сильно навредить не мог, а во-вторых, они стреляли в одно и то же время. Так что мы знали, когда пора идти в укрытие. Больше мы боялись противотанковых пушек калибра 7,62 сантиметра, которые называли ратш-бум – потому что сначала был слышен разрыв снаряда и только потом звук выстрела.

13 ноября 1941 года командование ротой принял оберлейтенант Штоннен, ранее адъютант командира полка.

После того как с 14 ноября землю сковал мороз, возобновился и войсковой подвоз. Температура упала до минус 20–25 градусов.

15 или 16 ноября наступление продолжилось. Однажды мне на своем танке пришлось выполнять задачу командира головной походной заставы. Прямо при въезде в лесной массив машина напоролась на мину. Взрывом сорвало левую гусеницу и повредило несколько опорных катков. Естественно, машина выбыла, а с ней и я, командование заставой принял на себя мой командир взвода. Группа ушла вперед, а мы с экипажем остались для устранения неисправности. Кое-как справившись, несмотря на погнутые опорные катки, я все же нагнал роту. Позже повреждения устранили ремонтники.

В ходе ожесточенных боев в районе Солнечногорска мы вышли к шоссе Клин-Москва, но темп наступления падал. Вскоре был тяжело ранен и мой командир взвода. 1 декабря 1941 года он умер от ран в госпитале.

– Какие приказы вы отдавали экипажу?

– В танке было пять человек: командир, заряжающий, наводчик, радист и водитель. В танке было переговорное устройство, с помощью которого мы общались друг с другом. Командир отдавал приказы: «по танкам», «завести мотор», «вперед». Наводчик сам искал цель, а я, как командир, его поддерживал. В командирской башенке были смотровые щели, закрытые толстым стеклом, которое мы называли «нинон». Эти блоки можно было вытащить, что мы и делали, потому что через стекло было видно плохо. Лучше, когда его не было и можно было смотреть в бинокль. Наверху был люк, командир мог его закрыть, но никто этого не делал, потому что, если танк подбит, из него надо было быстро выскакивать, а если люк был закрыт, то этого не сделаешь. Многие командиры танков погибли, потому что они высовывались из танка. Я так не делал.

– Наводчик сидел прямо перед вами, вы ему отдавали приказы по переговорному устройству или руками? Например, вы увидели справа вражеский танк, какие команды вы отдавали наводчику?

– По ситуации. Допустим, если мы вовремя заметили танк справа по ходу движения, то я говорил наводчику: «Башню на три часа». Наводчик поворачивал башню мотором. Все команды отдавались через переговорное устройство. Только во время ночных маршей я вставал за водителем танка и стучал ему по плечам, куда ему надо поворачивать налево или направо.

Так же, голосом, давались команды заряжающему. Надо сказать, заряжающий ничего не видел, он вообще не знал, что происходит снаружи, только выполнял команды, каким снарядом зарядить орудие.

– Как вы оцениваете ваш Pz-III по сравнению с русскими танками?

– Сначала, пока мы не увидели Т-34, наш Pz-III был немного сильнее и маневренней. Потом, когда появился Т-34, я бы сказал, что они были равноценными. Еще у русских был КВ – КВ-1 и КВ-2. Они были лучше бронированы. С ними нам было сложно тягаться. В 1941 году у нас было преимущество по сравнению с русскими танками, поскольку у нас было радио, а у русских, насколько я знаю, радио не было. Это сильно упрощало ведение боя.

– В вашем Pz-III какого калибра была пушка?

– Я воевал и на танках с 3,7-сантиметровой и 5-сантиметровой пушкой.

– В 1941 году кто был главным противником – русская армия, погода или логистика?

– Сначала сопротивление русских было несущественным, но потом оно все больше и больше возрастало. К тому же у нас возникли трудности со снабжением, мы были на голодном пайке. И танковые части стали применяться неправильно. Они стали пожарными командами, которыми латали дыры в обороне.

– Главным противником были танки или противотанковая артиллерия?

– Самой большой проблемой была противотанковая артиллерия, потому что противотанковые пушки были маленькие и могли спрятаться.

– Русские применяли противотанковых собак. Вы видели

их применение?

– Нет. Только слышал.

– Ваша первая победа?

– Я ни одного танка не подбил. У меня один раз ночью была дуэль с Т-34 в одном населенном пункте. У нас было всего два танка, мы стояли в охранении. Мы менялись каждый час – командир, наводчик, заряжающий и радист. Только водитель мог спать на своем месте. Как раз была моя очередь стоять в карауле, и в отдалении я услышал шум мотора Т-34. Он как бы ездил передо мной. Я не понимал, что происходит, один ли он и будет ли он атаковать, поэтому открыл огонь. Я выстрелил, и он тоже выстрелил. Я его не разглядел, поскольку он, видимо, стоял за стеной дома. Так мы несколько раз перестреливались. Делать было нечего, я взял бронебойно-зажигательный снаряд и выстрелил по крыше. Крыша была соломенной и тут же загорелась. Я увидел Т-34, но он быстро скрылся в темноте.

– Советская авиация беспокоила?

– Не особо. Ме-109 держали воздух свободным. Ночью прилетала «швейная машинка». Там и сям она бросала по одной бомбе, но это нам не причиняло особых хлопот. Потом, в 1944 году, когда русская авиация стала сильнее, меня там уже не было. Я это знаю только понаслышке.

– Какое личное оружие вы носили с собой?

– У всех танкистов был только пистолет. Мы его носили в кармане куртки или за пазухой. Для самообороны я им ни разу не пользовался.

– С партизанами сталкивались?

– Нет, но разговоров о них было много. Они появились уже в 1941-м, правда, тогда их было мало. А вот в 1943-м это была реальная сила.

– Вши были?

– Да, но не часто. Мы же всегда в бензине, в машинном масле – вши на нас не держались. Обычно мы цепляли вшей, когда где-то ночевали вместе с пехотой, у них были вши, от них мы заражались. Но это было довольно редко, поэтому вшей у нас было немного.

– Была ли взаимозаменяемость членов экипажа?

– Да, предусматривалось наличие в танке как минимум

одного человека, который мог вести танк, кроме водителя. Внутри танка они сами менялись. Заряжающий, как правило, должен был уметь выполнять обязанности наводчика. Если кто-то из экипажа был убит или ранен, то из части сразу приходила замена.

– При обслуживании танка вы, как командир, работали вместе со всеми?

– Да. Весь экипаж, кроме водителя, все делал вместе. Он заботился только о танке, а остальные четверо носили канистры с бензином, боеприпасы, еду готовили, приносили продовольствие для всего экипажа.

– Вы уже несколько раз говорили о привилегированном положении водителя. В чем там дело?

– У него была самая большая нагрузка. Он должен был смотреть, чтобы не наехать на мину. Он должен был держать правильную дистанцию, справа и слева, с остальными машинами. Он должен был ориентироваться на местности. Когда мы не воевали, на марше, он работал, а все остальные просто сидели в танке. Особенно тяжело было ездить ночью. Свет включать было запрещено, мы надеялись только на него.

– Экипаж танка на марше сидел внутри или снаружи танка?

– Когда не было опасности, когда в воздухе не было железа, иногда сидели снаружи.

– Пехотинцев вы возили?

– Да, на марше возили. На танк помещались десять человек, не больше. Иногда пехота десантом сопровождала нас, когда нужно было подавить. Но в основном танки были чистым оружием нападения – прорваться и ехать вперед. Мы не должны были смотреть ни направо, ни налево, все это делала пехота, саперы, артиллерия.

– Насколько большой была дистанция между солдатом и унтер-офицером?

– До войны – очень большой. Во время войны такого различия не было. Разумеется, я подчинялся командиру роты, батальона, но мы могли вместе выпить и так далее. Бывало, что офицеры и солдаты обращались к друг другу на «ты». Что касается обеспечения, у нас оно было одинаковым. В итальянской армии и венгерской была разница, там офицеры получали

дополнительный паек. У нас все получали одинаково. Был специальный унтер-офицер, который получал и распределял продовольствие.

– В русской армии солдаты зимой получали водку. Вы получали?

– Нет. Только иногда мы получали коньяк. Но не всегда. Чаще всего его давали перед наступлением. Иногда зимой давали вино, и мы делали глинтвейн. Что-то можно было купить в маркитантской лавке, например лезвия для бритв, мыло, сигареты, но не алкоголь.

– Ваша дивизия была из Вены, вы получали какие-то посылки от населения?

– Да. Даже когда я был в резервной части, получали посылки с едой. Я их забирал домой, мы их ели дома.

– Из-за того, что у вас была семья, вы получали какие-то привилегии, дополнительный отпуск, например?

– Нет. Привилегией было то, что я не должен был ночевать в казарме. И если я хотел куда-то пойти, мне не нужно было отпускное свидетельство. Если я куда-то уезжал, мне надо было получать разрешение, а так я мог передвигаться как хотел, я ходил гулять с детьми в униформе, тогда у нас не было гражданской одежды. Мы всегда были в форме, даже в свободное время.

– В 1941 году у вас были хиви?

– Мы их получили только после того, как началась война с Россией. У нас их было двое, они работали на кухне. Когда нас отправили во Францию в 1944-м, они поехали с нами.

26 ноября 1941 года мы вошли в населенный пункт Пешки. Выбрался из танка осмотреться. Внезапно неподалеку от меня разорвалась мина. Ее осколком я был ранен в голову. Когда пришел в себя, сообразил, что нахожусь на дивизионном пункте приема раненых. Голова перевязана. Как потом выяснил, в правом виске засел осколок мины. В ту же ночь меня с другими ранеными перевозят в госпиталь в Клин. Поскольку русские перерезали туда дорогу, мы вынуждены были добираться в объезд через лес, подвергаясь риску нападения партизан. В Клину мне сменили повязку, уложили отдыхать – медики диагностировали сотрясение мозга.

– Как вы восприняли ваше ранение? Было ли это каким-

то облегчением?

– Да, можно так сказать. Это у нас называлось «выстрел на родину». У нас были «активисты», которые хотели заработать крест на шею, но их было мало, основная масса была рада, если представлялась возможность поехать домой, особенно зимой.

Из-за наступления русских нас эвакуировали из пункта приема раненых. Два или три дня спустя запросили самолеты для отправки раненых в тыл. Все было готово, нас даже доставили на аэродром, где мы стали дожидаться прибытия авиации. Но вместо шести самолетов прибыло пять, а поскольку я находился в последней санитарной машине, места мне не хватило. Оставшихся наскоро погрузили прямо на крытые соломой сани и повезли до самой Вязьмы. И это при минус 30 градусах! Оттуда в товарных вагонах отправили в Смоленск. Но и в Смоленске медики решили отправить меня еще дальше в тыл. Вскоре меня на санитарном поезде перебросили в госпиталь в Оборнике под Гнезно (Польша). Только в середине декабря меня прооперировали. Осколок мины удалили, благо он застрял в кости черепа в височной области. В результате побочного воздействия у меня свело челюсть, и я мог принимать только жидкую пищу. Рождество пришлось провести в госпитале. Одна местная семья пригласила меня 25 декабря на праздничный ужин и кофе.

В начале 1942 года меня выписали из госпиталя и направили в мою прежнюю часть в Мёдлинг. Едва доложив о прибытии, я тут же бросился домой к жене и сыну. Мальчику исполнилось уже год и три месяца. Радости от встречи после разлуки не было конца.

Вскоре я был направлен в роту выздоравливающих в Мария-Энцерсдорф. Сначала я просто отдыхал при части. Со временем я научился двигать нижней челюстью.

Целый год мне пришлось провести в батальоне запаса, откуда я мог раз в неделю ездить домой повидаться с семьей. Врачебная комиссия оценила мою пригодность к службе в тылу, в Рейхе. Ранение оказалось настолько серьезным, что я не мог даже носить каску. В общем, служба мне полагалась легкая.

7 февраля 1942 года я был переведен в 6-ю роту 4-го запасного танкового батальона, располагавшегося в замке Лаксембург, бывшей летней резиденции императора Австро-Венгрии. Меня назначили на должность командира взвода и инструктора по подготовке боевого пополнения.

В марте месяце 1942 года на свет появился второй ребенок – дочь. Вскоре меня перевели в каптенармусы 2-й роты для срочного наведения порядка с обмундированием. Перво-наперво я с помощью выделенных в мое распоряжение двоих солдат

подсчитал количество обмундирования и аккуратно разложил его по полкам. Затем засел за составление перечня всего имевшегося в распоряжении обмундирования и снаряжения и только потом приступил к замене изношенного обмундирования на новое. Командиром роты был оберлейтенант фон Хайнитц. Одновременно с исполнением обязанностей каптенармуса я был назначен дежурным офицером, отвечавшим за несение службы, за готовность дежурного подразделения и, кроме того, ответственным за проведение стрельб из личного оружия.

12 августа 1942 года мне вручили черный значок за ранение и медаль за участие в «зимних сражениях на Восточном фронте в 1941-42 гг.», которую мы называли «орденом мороженого мяса».

К началу 1943 года я был вновь призван годным к несению службы в действующей армии. Чтобы не оказаться в совершенно незнакомой части, мы с несколькими солдатами попросились в формируемый в тот период на полигоне Графенвёр танковый батальон. Командиром роты оказался уже знакомый мне по 3-му танковому полку оберлейтенант Лангхаммер. И уже 12 января 1943 года я был зачислен в 4-ю роту 51-го танкового батальона, то есть в боевую часть.

Я был назначен командиром танка во второй танк 1-го взвода. Командиром батальона был гауптман Майер. Батальон вместе с 52-м танковым батальоном вошел в состав танкового полка «Фон Лаухерт».

Этот полк был первым, куда на вооружение поступили новейшие танки «Пантера», всего примерно 45 танков на батальон. На тот период «Пантера» была самым совершенным танком из всех имевшихся на вооружении в Вермахте. И мы очень гордились, что нам выпала честь служить на такой машине.

Естественно, всем нам пришлось переучиваться. И, кроме того, устранять мелкие технические недочеты. Параллельно я сдал экзамен на право вождения легкового и грузового автомобиля. И теперь иногда отправлялся на выходные в Бамберг, где тогда жила моя жена, на машине.

В середине апреля 1943 года нас перебросили во Францию на полигон в Мейи-ле-Шан для продолжения отработки навыков вождения танков «Пантера». Но уже в начале мая отозвали без техники снова в Графенвёр.

Оттуда нас (меня и еще 10 человек) откомандировали в Берлин получать технику. Танки предстояло получить на заводе № 5. Процедура продлилась дольше обычного, что дало нам возможность несколько дней провести в столице. Рядовой состав прикомандированных разместили при комендатуре, я же на ночь отправлялся к своим родителям. Дней через пять мы погрузили

полученные танки на железнодорожные платформы и отправились в Графенвёр.

После устранения мелких неисправностей батальон погрузился с техникой на платформы и 25 июня 1943 года через Дрезден, Бреслау, Каттовиц, Брест, Минск, Гомель и Сумы проследовал до района Богодухова. 1 июля своим ходом мы проследовали в район сосредоточения под Тамаровку. Надо сказать, что в ходе марша выяснилось, что «Пантера» все же «сырovата» для боевого применения: двигатель перегревался, выходили из строя тормоза.

– Когда вы в 1943 году опять поехали в Россию, как вы это восприняли?

– Это никому не нравилось. Русским тоже не нравилось, что мы к ним пришли. Вся эта война была ненужной. Что она нам принесла? Ничего.

– Какое самое важное различие, для вас лично, между Pz-III и «Пантерой»?

– Сравнивать их нельзя. С точки зрения экипажа, «Пантера» требовала намного больше часов обслуживания.

5 июля началась крупномасштабная наступательная операция «Цитадель», целью которой был возврат захваченного противником Курска. Наш батальон в составе танкового полка «Фон Лаухерт» был подчинен 10-й танковой бригаде. А та, в свою очередь, входила в состав танковой дивизии «Великая Германия» (4-я танковая армия, группа армий «Юг»).

Первые оборонительные позиции противника были прорваны относительно легко, взято несколько населенных пунктов. В первом бою был ранен командир роты Лангхаммер, командование ротой принял мой командир взвода лейтенант Вайнмайер.

Уже на второй день сопротивление русских усиливается. В особенности много проблем доставляют советские противотанковые орудия. Нам все же удается выйти на стратегическую высоту и овладеть Друбовом. На следующий день, то есть 7 июля, выходит из строя мой танк. Ночью мы стояли на передовой позиции, перед горкой. Утром мы должны были вернуться на дорогу и наступать дальше. Когда мы хотели ехать назад, водитель сказал по радио, что танк сломался, задняя передача не работает. Я посоветовал переключиться на переднюю передачу, чтобы развернуться, но передняя передача тоже не включилась. Мне стало понятно, что сломался карданный вал. Я связался с танком, который стоял за мной, им командовал унтер-

офицер Айзеляйн, и попросил вытащить меня на дорогу. Пока он меня буксировал, в корму попал снаряд, и танк загорелся. При этом погиб водитель, сидевший в танке. Танк сгорел, и больше я в наступлении участия не принимал. Мы путешествовали на машинах снабжения роты.

11 июля оберлейтенант Гайер был назначен новым командиром роты.

Командование вынуждено было прекратить 15 июля проведение операции «Цитадель» ввиду упорного сопротивления русских. Наш батальон изымают из подчинения танкового полка «Фон Лаухерт» и перебрасывают в район Тамаровки. 18 июля 1943 года оставшиеся «Пантеры» передаются 52-му танковому батальону, а нас без техники направляют через Сумы в Брянск. Мы разбиваем лагерь в одном из близлежащих лесных массивов. Это своего рода пополнение личным составом. Постоянно идут дожди, обмундирование не успевает просохнуть. Сюда же прибывают новые танки «Пантера», а также боевое пополнение из Германии. Я получаю новую машину.

Несколько дней спустя наш батальон перебрасывают в район Карачева. Часть подразделений участвует в боях, часть оставлена в резерве, в том числе и наше подразделение. Мне всегда везло.

5 августа железнодорожным транспортом нас отправляют в район Ахтырки, северо-восточнее Харькова. По прибытии сразу же после разгрузки нас бросают в бой. Идут ожесточенные оборонительные сражения. Командир роты попадает в плен к русским, лейтенант Вайнмайер снова принимает командование ротой.

– Отдельных членов экипажа могли дать в другой танк для замены?

– Да, если в другом экипаже кто-то погибал, то для замены могли взять человека из моего экипажа.

– Экипаж не был постоянным?

– Нет. Должен был бы быть, потому что это сыгранная команда. В начале войны так и было, но в конце, в 1944-м и в 1945-м годах, никто на это не смотрел.

Боевые действия под Ахтыркой обернулись ожесточенными оборонительными боями. В роте было всего 5 танков, которые распределили в пять взводов по одному танку в каждый. Как только нас выгрузили, мы немедленно пошли в бой. Там были очень тяжелые бои, там мы многих потеряли.

Во время одного из таких боев у меня с головы вдруг сорвало наушники. Люк был открыт, и после недолгих поисков я

обнаружил в танке солидных размеров осколок мины – он и сорвал наушники.

– Вы там кого-нибудь подбили?

– Нет. И там нет. Я куда-то стрелял, по мне стреляли противотанковые пушки, но я непосредственно не видел, чтобы я кого-то подбил. У меня после ранения было довольно плохое зрение. Я должен был носить очки, но в танке в очках было плохо. В нормальной ситуации я не должен был бы воевать в танке, но у нас не было выбора, была нужда…

Наш танковый батальон во взаимодействии с танковым полком «Великая Германия» под командованием полковника графа Штрахвица без поддержки каких-либо других подразделений получил приказ атаковать позиции русских. Противник же так зарыл в землю свои танки, что были заметны лишь вспышки от выстрелов орудий. Иными словами, идентифицировать цель было крайне затруднительно. После того как мы понесли существенные потери, нам было приказано отойти. При отходе мой танк попал под огонь противотанкового орудия. Один из снарядов угодил в командирскую башенку, но отрикошетил, правда серьезно повредив смотровую щель. Еще один снаряд попал в кормовую часть – разрывом вспороло сварной шов между передней бронеплитой и боковым бронированием. Наши ремонтники сразу заявили, что сделать ничего не могут. Поскольку машина была в полном порядке, если не считать этих двух попаданий, я участвовал еще в нескольких операциях.

Когда мы в конце августа были в Полтаве, мой танк и еще одна машина были погружены на железнодорожные платформы для отправки в Германию. На этом моя карьера командира танка закончилась.

– Вы, как командир танка, могли как-то наказать вашего танкиста?

– Нет. Это должен был делать командир роты. Каждый проступок я должен был докладывать командиру роты, а он накладывал взыскание в зависимости от проступка. Были наказания, которые не мог наложить командир роты, они шли в более высокую инстанцию. Была так называемая книга взысканий, там было записано, кого, как и за что наказали, эту книгу должен был вести я, как старшина роты. Время от времени я должен был отдавать эту книгу командиру батальона, и он проверял, все ли там правильно, правильно ли наложены взыскания, иногда он наказание уменьшал или увеличивал.

– Какие были наказания?

– Начиналось с нарядов, потом было три дня ареста в казарме, человек сидел в казарме и получал только пару кусков хлеба, потом были более суровые наказания, этого я не знаю. В роте самое тяжелое взыскание было трое суток ареста. Но на войне было невозможно кого-то запереть на три дня, куда его было запирать?

– А как было с поощрениями?

– Я сейчас не могу вспомнить. Было поощрение, если кто-то себя проявлял в бою, его производили в следующее звание. Кто получил звание – тот поощрен. Или можно было получить внеочередной отпуск. Это было самое желанное поощрение.

– Кто принимал решения о поощрении?

– Командир батальона.

– Были изменения в тактике применения «Пантеры» по сравнению с Pz-III?

– Очень немного. Тактика была практически одинакова для всех танков. У нас были определенные схемы построений – линия, клин или широкий клин – это были базовые формы тактического применения. Их по возможности придерживались, разумеется, в зависимости от местности.

– Когда снаряд попадал по броне танка, как вы это ощущали, вы слышали удар?

– Мы очень мало слышали, потому что мотор был очень уж громким. Потом на нас были наушники. Если снаряд попадал, мы замечали, что танк подпрыгивает или останавливается. В России я стоял на развилке пяти или шести дорог. Я должен был наблюдать за дорогами, не идут ли русские. Там я попал под огонь русской крупнокалиберной артиллерии. Даже тяжелые танки, 45 тонн, подпрыгивали всякий раз, когда рядом падал снаряд.

– Было денежное вознаграждение за подбитые танки?

– Нет. Только ордена. За три атаки давали значок за танковый бой. Если подбить несколько танков, давали серебряный значок, потом золотой.

– Стреляли с ходу или с остановок?

– Всегда с коротких остановок, после которых по

возможности меняли позицию, уезжали, потому что боялись получить снаряд в ответ. Была такая команда – «сменить позицию». Всегда надо было за что-то прятаться, за кусты, если была такая возможность.

– Вы лично думали, что переживете войну?

– Да, я всегда надеялся, что я переживу войну.

– Суеверия какие-нибудь были?

– Нет.

– Вы верили в Бога?

– Раньше верил. Меня так воспитали. Мы все получили с собой маленькую Библию, у каждого солдата она была. Но как-то мы не особенно ею пользовались.

15 сентября в должность командира батальона вступил майор Пфеффер. Уже под его командованием начался отход на позиции у Днепра. 28 сентября наш батальон вместе с другими подразделениями создает плацдарм на Днепре в районе Кременчуга.

Поступил приказ о создании рабочих бригад (по 2 взвода каждая) численностью до 30 человек. Командование одним из взводов принимает лейтенант Бауэр, другим – я. Наша задача – возведение оборонительных сооружений на противоположном берегу Днепра.

17 октября оба взвода на двух обычных 4,5-тонных грузовиках направили в указанное место. Сразу после прибытия приступили к сооружению жилья для себя, тем более что зарядил сильный дождь.

Едва мы закончили работы, как поступил приказ: срочно отходить! Где-то вблизи прорвались русские. А дело было уже поздним вечером. Наша колонна, не мешкая, отправилась в западном направлении. Повсюду были видны вспышки разрывов. В этой неразберихе каждый думает только о своей шкуре. Целую ночь мы блуждали неизвестно где, даже толком не зная местонахождения. Второй грузовик лейтенанта Бауэра куда-то пропал. В конце концов наш грузовик добирается куда-то, где шума боя уже не слышно. Наш грузовик с великим трудом одолевает крутой подъем – колеса скользят по раскисшей от дождей глинистой дороге – на высоту. К счастью, она занята нашими войсками! В любой момент можно ожидать появления противника.

Еле стоя на ногах, направляюсь к начпроду. А он уже сворачивается. Тем не менее он сжалился надо мной. Нагружаем

кузов провиантом и потом отправляемся на поиски своей части, которую находим лишь поздно вечером 21 октября. А там узнаем, что всех нас включили в сводку пропавших без вести.

24 октября противнику удается в двух местах форсировать Днепр – севернее и южнее Днепропетровска.

27 октября 1943 года часть 51-го танкового батальона встала на постой в Песчаном Броде – вытянутом в длину селе. Значительно поредевшие части батальона направили на участки восточнее и юго-восточнее Кривого Рога. В том числе и танки 4-й роты. Перед этим ротный фельдфебель пригласил на день рождения всех унтер-офицеров роты. Сварили глинтвейн – незадолго до этого нам выдали ром. Возвращаясь поздно ночью в свою хату, где проживал вместе с двумя другими фельдфебелями, я чуть ли не по колено увяз в грязи и потерял спортивные туфли. Пришлось идти босиком. Утром все смеялись над моими носками, покрытыми коркой засохшей глины.

В начале декабря ротный фельдфебель вследствие болезни был вынужден покинуть подразделение. На его место назначили меня. Экзамен на звание старшины роты проходил 16 декабря в присутствии заместителя командира батальона, адъютанта главного счетовода и технического инспектора. Вопросы были как теоретические, так и практические, но я его сдал.

Незадолго до Рождества нам доставили целых несколько мешков полевой почты – письма, посылки, в том числе много отправлений от совершенно незнакомых людей из Германии. В первый день Рождества нам официально выдали красное вино. Некоторые решили сварить пунш. И вот мы со стаканчиками в руках уселись в хатах и землянках и стали вспоминать наших любимых и близких на родине. Прибыл командир роты лейтенант Вайнмайер, вместе с ним мы обошли роту поздравить личный состав. Надо сказать, на нашем участке было затишье, лишь в отдалении погромыхивала артиллерия.

В первый день нового, 1944 года прибыл замкомандира батальона (сам командир находился в районе боевых действий в составе ударной группы). И снова обход личного состава, поздравления и пожелания всего наилучшего в новом году. Затем турнир в скат и шахматы – выигравшие получили скромные призы.

3 января 1944 года 51-й танковый батальон был переименован во 2-й батальон 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии. В организационном аспекте это никаких перемен не означало. На тот момент дивизией командовал генерал-майор Йолассе, а дивизия вошла в состав вновь сформированной 6-й армии.

Зимние квартиры покинули 10 января. Через Ново-Украинскую и Казанку батальон проследовал в Кривой Рог и там встал на постой. Жили в каменных домах с нормальными деревянными полами и электричеством. Несколько раз объявляли готовность к маршу. Видимо, постоянно ждали прорыва русских. В этой связи положенный мне отпуск то и дело откладывался.

19 января 1944 года выдалась возможность сходить в кино и хоть ненамного отвлечься от безрадостной фронтовой повседневности. После фильма состоялся концерт батальонного оркестра. На следующий день на общем построении с речью к личному составу обратился вновь назначенный командир батальона гауптман Пфаннкухе. Командир полка полковник Шмаль объявил о завершении создания организационной структуры 51-го танкового батальона и включении его в качестве 2-го танкового батальона 33-го танкового полка. По этому поводу торжество – веселые ритмы играет полковой оркестр. На следующий день прошло богослужение.

Батальон получил новые «Пантеры» и пополнился личным составом из частей запаса.

30 января объявлена полная боевая готовность. Роты готовятся к боевым операциям. За день до 28-летия, 1 февраля 1944 года, мне присвоили звание оберфельдфебеля. Наши танки в тот день нанесли удар на Апостолово, а вскоре нас привели в полную боевую готовность – где-то прорвались русские танки. Мне хоть вручили отпускное свидетельство, но из части не отпустили: обстановка пока неясна.

1 марта меня произвели в старшину роты. Это означало среди прочего и увеличение денежного довольствия. 8 марта из всех оказавшихся не у дел солдат начинают готовить пехотинцев, но потом поступает распоряжение следовать на грузовиках в какую-то деревню под Вознесенском на ночевку. 10 марта маршем добираемся до Домановки. Там остаемся до 13 марта. После этого колесные транспортные средства батальона через Николаевку перегоняют в Ново-Павловку. В Ново-Павловке получаем невиданное довольствие: уток, яйца, белый хлеб и мед.

После сдачи немногих, еще боеготовых танков, полугусеничных транспортеров и колесных средств транспорта в другую танковую дивизию на своих двоих двинулись дальше. В роте осталась лишь полевая кухня, грузовик с провиантом и телеги, куда сгружено имущество солдат.

27 марта начался 35-километровый марш прямо через поля по раскисшей от влаги земле до самого Черногорского. Оттуда в Кляйн-Фройденталь отмахали аж 28 километров. Сапоги лучше вообще не снимать – потом их просто не надеть из-за распухших

ног. 30 марта выходим к Грос-Либенталю.

После прибытия 1 апреля находившегося на излечении нашего командира роты оберлейтенанта Лангхаммера он снова принял командование подразделением. Наконец я могу отправиться в отпуск – 9-ю танковую армию снимают с Восточного фронта и перебрасывают во Францию. Я тут же сел на грузовик, доехал на нем до Одессы, потом на пароме переправился через 9-километровый в этой местности Днестр и добрался до Аккермана в Румынии. Оттуда переполненный поезд с отпускниками доставляет меня 2 апреля в Романешти. Пересадка в товарные вагоны, и в путь, но поезд, едва тронувшись, останавливается: путь впереди занесен снегом. Торчим до 3 апреля. Отъезжаем, но к полуночи снова застреваем. А у нас, между прочим, ни еды, ни питья.

4 апреля нас все же пересаживают в нормальные пассажирские вагоны, и мы через Болрад, Галац, Быуцрэилу и Фетешти следуем до Бухареста, откуда нас 5 апреля в 18.00 должен забрать поезд. Нам еще предстояло целых 8 километров отмахать по городу до регистрационного пункта – здание вокзала было полностью разрушено прямым попаданием бомбы. Здесь я переночевал и впервые за 5 дней получил провиант. Жить стало легче.

6 апреля 1944 года я начал день с того, что отмахал 11 километров до ближайшей станции. Вечером прибыл долгожданный поезд, и вечером же, но 8 апреля я через Будапешт добираюсь до Южного вокзала Вены. Отсюда до Мёдлинга курсирует автобус. Наконец-то смог обнять своих! Вместе мы отпраздновали Пасху. А 27 апреля из Берлина приехали мои родители.

1 мая 1944 года срок моего отпуска истек. Явился в венскую комендатуру узнать, где в настоящее время находится моя часть. Поскольку оперативно предоставить запрошенные мною сведения в комендатуре не смогли, мне официально продлили отпуск еще на 3 дня. И только 4 мая я получил приказ следовать в свою часть, дислоцированную в Ниме на юге Франции. Именно там располагался штаб 9-й танковой дивизии. Заезжаю в Хинтербрюль проститься с детьми, женой и своими родителями. Они меня проводили на Южный вокзал Вены. Будущее неясно.

В Ниме являюсь для доклада в штаб 9-й танковой дивизии, откуда отправляюсь в Труае, где квартировал батальон. Прибыв в город 9 мая, первым делом отправляюсь на поиски гостиницы для солдат. Там встречаю одного сослуживца из батальона, тот подбросил меня на машине в часть. К вечеру я уже в роте, которая дислоцирована в деревушке. Доложил командиру роты о

прибытии из отпуска. Еще по пути сюда я узнал от сослуживца, что всего за 5 дней до моего возвращения наш лагерь в Мэйи-ле-Кам буквально с землей сровняли самолеты союзников и в батальоне значительные потери. Среди погибших – мой бывший командир взвода и потом роты лейтенант Вайнмайер. Меня ждала куча работы: во время налета погибла вся документация батальонной канцелярии.

16 мая 1944 года из Санкт-Пёльтена прибывает пополнение из 33-го запасного танкового батальона. Занятия по боевой подготовке идут полным ходом. Несколько раз выезжаю в Труае посетить находящегося в тюрьме унтер-офицера, дожидающегося военного суда. В России он с еще одним танком стоял в засаде. Рано утром началась атака русских. Один солдат выглянул из танка и громко закричал: «Русские идут». И тут весь его экипаж выскочил из танка и убежал. Его судили, потому что он оставил стоять танк, ни разу не выстрелив и не уничтожив танк. Второй танк сделал пару выстрелов, и экипаж его не тронули. На военно-полевом суде командир роты и я, как старшина, давали показания. Его понизили в звании до ефрейтора и послали в штрафной батальон. Что с ним было потом, я не знаю.

В период отдыха и пополнения личным составом меняется и структура батальона. Роты передают обоз, полевую кухню, бензовозы и автомобили для перевозки боеприпасов, подразделения ремонтников во вновь сформированную хозяйственную роту. Теперь это подразделение полностью отвечает за наш тыл. Мало-помалу прибывает и долгожданная техника: танки, колесный транспорт, вооружение и снаряжение.

С началом вторжения сил союзников в Нормандии 6 июня 1944 года батальон приведен в полную боевую готовность.

Во второй половине дня 11 июня состоялось торжественное открытие нового солдатского клуба в Мэйи-ле-Кам. Мероприятие было организовано обществом «Сила через радость». С личным составом роты в этом торжестве принимаю участие и я. 28 июня на общем построении батальона командир батальона выступил с речью о военном положении Рейха и в особенности о высадке англо-американцев в Нормандии.

В июле 1944 года танковый батальон по железной дороге перебросили через Дижон и Лион в состав дивизии, дислоцируемой к тому времени в районе Сен-Реми южнее Авиньона. Едва успеваем прибыть и разместиться, нас снова в спешке заставляют грузиться и уже в составе дивизии следовать в Нормандию.

Следовало бы упомянуть, что моя легковушка «Фольксваген» серьезно пострадала от столкновения с «Пантерой». Я сидел на

сиденье пассажира спереди справа с ручными гранатами на коленях. Оправившись от шока, я осмотрел повреждения и позвал командира ремонтного подразделения. Вскоре машину отремонтировали, но пришлось ездить без ветрового стекла и двух правых дверей. К тому же вместо бензобака пришлось поставить в кабину 20-литровую канистру с горючим, соединенную шлангом с двигателем. И вот на этой таратайке я прошел всю кампанию в Нормандии. Лишь 2 октября 1944 года я от нее отделался.

Районом стратегического сосредоточения дивизии 4 августа был избран участок западнее Аленсона. Поскольку большинство железнодорожных путей и узловых станций было разрушено, транспортные составы разгружались где попало. А потом техника следовала своим ходом. Наш танковый батальон изъяли из состава 9-й дивизии и переподчинили вместе с другими частями 5-й танковой армии группы армий «В».

20 августа 1944 года большая часть 8-й роты включая и ее командира, в ходе упорных боев попала в американский плен. Началась череда изнурительных и совершенно бесперспективных боев с намного превосходящими по численности и вооружениям силами союзников под Фалезом и Аржантаном. Наконец союзники сумели взять крупную немецкую группировку в гигантское кольцо окружения. Но многим частям все же удалось прорваться. В том числе и нам с водителем грузовика командира роты. Миновав Сену севернее Парижа, мы в Компьенском лесу соединились с подразделениями батальона, вернее, с тем, что от них осталось. Отсюда части дивизии на остающемся колесном транспорте направились через Суассон, Седан, Верден, Метц и Трир в район сосредоточения.

Чудом избежав ада последних дней, едва сколотив несколько ударных групп, 9 сентября мы снова участвовали в боях вблизи Аахена. Не участвующие в боевых действиях подразделения батальона перебросили в район Мертена южнее Кёльна. Моя 8-я рота разместилась в Вальберберге. Командиром роты был назначен лейтенант Гукенбергер. 15 сентября нас снова перебросили в район Вальдниля западнее города Мёнхен-Гладбах. Сюда же поступили новые танки «Пантера».

– В 1944 году вас перебросили на Западный фронт, чем война на западе отличалась от войны на востоке?

– Да… Там все было по-другому, но не лучше. Во-первых, авиация – днем мы вообще не могли двигаться, только ночью! У них было огромное материальное превосходство, потери все время восполнялись, а наши потери нет. Их было слишком много,

и они были слишком сильные. Бензина не было. В Арденнах собирали последние остатки, сливая с грузовых машин в танки.

– В чем заключалась ваша функция старшины роты?

– Я отвечал за все, кроме непосредственно боевых действий, за все снабжение. Я каждый день должен был ездить на командный пункт роты, привезти людей или почту, получить приказы, организовать необходимые встречи и так далее. Такие примерно у меня были задачи. Чтобы с тылом было все хорошо, чтобы все были расквартированы.

– В минуты отдыха на фронте что вы делали?

– Приводили в порядок одежду, брились, мылись, купались, если была такая возможность. Прежде всего очень много спали. Если были вши – охотились за вшами.

– Что вы писали в письмах домой?

– Нам нельзя было писать какую-то информацию о войне, по которой можно было бы понять, где мы находимся, что мы делаем и какие у нас планы. Можно было писать только общую информацию, что у меня все хорошо, я здоров. Мне прежде всего хотелось знать, как дела у меня в семье, что делают дети. Все письма мы нумеровали, чтобы знать, что они все дошли по назначению, многие письма терялись по дороге, сгорали под бомбежками. Многие вообще не получали почту. Часто письма шли очень долго, до трех месяцев.

– Зарплату получали?

– Да, военные деньги. Потом, как старшина, я еще получал дополнительные деньги. Как профессиональный солдат, я посылал свою зарплату домой. Потом к военным деньгам была еще фронтовая надбавка. За каждый день боевых действий мы что-то получали.

– Эту фронтовую добавку тоже получала семья?

– Нет, ее платили нам. Но с деньгами на фронте ничего нельзя было сделать. Многие играли в покер на деньги. Кучи денег лежали на столе, они все равно были никому не нужны. Главное – не попасться, играть на деньги было запрещено с самого верха.

– Как вы восприняли покушение на Гитлера 20 июля?

– Мы особенно об этом не говорили, у нас не было времени, мы это услышали и приняли во внимание. Это было как и при

капитуляции, тогда говорили, что Гитлер погиб на фронте, а потом мы узнали, что он совершил самоубийство, снял с себя ответственность. Я тогда сбежал из плена и шел пешком из Гамбурга в Бамберг, в мае я переплыл Эльбу. По дороге меня три раза ловили, я трижды сбегал из плена.

– После 20 июля ввели политофицеров?

– Да, это называлось офицер национал-социалистического руководства. Он ко мне зашел один раз в декабре 1944-го, когда я был уже старшиной роты, хотел узнать, как дела в роте. В его задачу входило ходить по полку, по ротам и узнавать, как настроение у солдат, рассказывать, что мы вот-вот получим новое оружие. Он один-единственный раз был у нас в роте… Мы, как солдаты, были недовольны, что в Нюрнберге повесили высших армейских офицеров. Все, или по крайней мере большинство, считали, что если дошло дело до казни, то надо было их расстрелять, а то, что их повесили, многих персонально задело.

– Какое отношение было к Ваффен СС?

– Однажды я приехал в один населенный пункт, у меня был приказ моего командира, что я должен в этом населенном пункте разместиться. Там уже были Ваффен СС. Они мне сказали, что тут уже все занято и я должен ехать куда-нибудь в другое место, но не сказали куда. Люди, которые были под моим командованием, стояли вместе с нашими машинами на дороге. Тут появился офицер СС, отчитал меня и пообещал отдать под трибунал, потому что я был, по его мнению, груб. Он хотел меня арестовать, но, подойдя ко мне, увидел моих людей и передумал. Я не хочу защищать Ваффен СС, но воевали они здорово – это были классные ребята. У них, конечно, было огромное преимущество, потому что они всегда все получали первыми, пополнение и новое оружие, но и посылали их именно туда, где было тяжело.

– Можно ли сказать, что вы Ваффен СС завидовали?

– Да, так можно сказать.

– На Восточном фронте чего вы боялись больше всего: быть убитым, покалеченным или попасть в плен?

– В 41-м мы видели своих убитых солдат. Говорили, я не знаю, насколько это правда, что их изувечили русские. Говорили также, что это делало гражданское население, которое потом уже уродовало трупы. В любом случае плена мы панически боялись. Но факт тот, что было взаимное ожесточение, шла настоящая бойня.

– Русские ветераны часто говорят, что у них была ненависть к немцам. А ваше эмоциональное состояние, его можно назвать словом «ненависть»?

– Да, вполне.

– Вера в то, что Германия выиграет войну, как долго она у вас была и когда закончилась?

– Она была очень долго, почти до самого конца. Она была потому, что нам все время обещали новое оружие, которое мы так и не получили.

2 октября 1944-го 8-я рота была расформирована и личный состав распределен между остававшимися тремя ротами батальона. Вместо старой роты из танкового батальона 2105 105-й танковой бригады формируют новую 8-ю роту. Я введен в должность ротного фельдфебеля штабной роты батальона. Рота состоит из танкового, разведывательного и саперного взводов, а также взвода ПВО, взвода связи и санитарного подразделения. Численность – около 200 человек. Командир роты – оберлейтенант Гюнтер. Мне необходимо какое-то время, чтобы войти в курс дела – изучить круг обязанностей, познакомиться с личным составом и так далее.

В это время 9-я танковая дивизия вела ожесточенные бои с десантниками противника. Во время воздушных налетов серьезные повреждения были нанесены железнодорожному мосту в Арнеме.

13 октября 1944 года 9-я танковая дивизия снята с фронта. Наш батальон перебросили в район западнее Ксантена. Утром 3 ноября доходим до Херонгена. Разместиться негде, так что ночевали прямо на технике, а в полночь опять на марше. Добираемся до Мёнхен-Гладбаха. Вместе с канцелярией я нашел пристанище в небольшой и тихой гостинице.

9 ноября несколько раз подряд объявляли и вновь отменяли готовность к маршу. У меня часто возникали трения с командиром роты. Такого не припомню – прежде со всеми командирами у меня складывались хорошие служебные отношения. 15 ноября вечером роту через Вегберг перебросили в Шваненберг в район Эркеленца. Добирались туда всю ночь.

На участке Гайленкирхена, Иммендорфа, Пуффендорфа, Линниха и Бека мы втянулись в ожесточенные бои. Каждый вечер я выезжал на командный пункт батальона, там же постоянно находился и командир роты. Ездить приходилось в темное время суток, потому что днем передвигаться по дорогам было крайне опасно ввиду небывалой активности вражеской авиации.

Доставлял на КП личный состав на замену, почту и товары для продажи – провиант, сигареты, шоколад. Отправляясь обратно, захватывал приказы и документы, которые привозил ранее на подпись командиру батальона.

24 ноября 1944 года 9-ю танковую дивизию вновь сняли с фронта и вблизи от передовой в районе Хайнсберга пополнили ее личным состав.

Командир роты дал разрешение пользоваться реквизированным у французов лимузином. По пути на КП батальона, когда я вез на этой машине солдат на замену, мне неожиданно встретился командир батальона гауптман Пфаннкухе. Он был удивлен и возмущен, что я, мол, разъезжаю на такой машине, и приказал сдать лимузин ремонтникам. Там лимузин долго не задержался – попал под артобстрел противника и сгорел.

1 декабря боевые подразделения дивизии вернулись на фронт и при поддержке танков предприняли попытку контратаковать противника в районе Линдерна. В результате – огромные потери. Линдерн пришлось оставить.

9 декабря мы возвращаемся из Хайнсберга в Хелер. Но сначала необходимо было пройти «обряд» дезинсекции. 15 декабря штабная рота в полном составе колонной пошла в Вальдниль в кино, а уже днем позже начинается Арденнское наступление. Наши боевые части тут же перебросили в район Санкт-Одилиенберга, южнее Рурмонда, для участия в боях. Мне приказано взять в мастерской мотопилу в доставить ее в Санкт-Одилиенберг на КП батальона.

Вечером 19 декабря штабная рота на колесных транспортных средствах выдвинулась в Арсбек для погрузки, но на полпути нас вернули. В конце концов 21 декабря мы направились маршем через Рейндален, Кёльн, Бонн. Мекенхайм и Герольсхайм в Доллендорф на расквартирование. На следующий день марш через Прюн в Матцерат. 22 декабря в Айфеле выпадает первый снег. Заметно холодает, и столь же заметно активизируется авиация противника. В полночь 23 декабря 1944 года маршем следуем через Лихтенборн, Арцфельд, Иррхаузен, Далейден, Дасбург и Хозинген в Бокхольц. Здесь штабная рота в канун Рождества делает остановку.

9-я танковая дивизия переходит в подчинение 5-й танковой армии генерала танковых войск Мантейфеля.

25 декабря, в день Рождества, роту перебрасывают через Клерф в Луллинген. 26 декабря поехал к ремонтникам и в хозроту за полагающимся к Рождеству провиантом для личного состава роты.

27 декабря ночью отправился через Новиль, Компань, Шамплон, Нассань и Амбли на КП батальона в Эржимоне. Но КП, оказывается, уже снялся с места, а сам Эржимонт интенсивно обстреливают. Путь обратно занял ужасно много времени, почти все дороги забиты отступающими, все хлынули в тыл.

28 декабря мой командир роты принял командование 8-й ротой вместо погибшего в боях прежнего командира. Командиром штабной роты назначен лейтенант Теттер.

Невзирая на серьезность положения, мы в канцелярии решаем отпраздновать встречу Нового года. На столе вино, кофе в зернах, печенье. Поем новогодние песни.

Весь январь мотался по дорогам, забитым войсками, на КП батальона и обратно. Возвратившись 27 января из очередной поездки и едва заснув, чувствую, как меня кто-то пытается растолкать. Продрав глаза, вижу перед собой офицера штаба 64-го армейского корпуса. Офицер потребовал, чтобы я немедленно освободил помещение, где разместилась канцелярия и я сам. Мол, в этом помещении будет размещен штаб упомянутого корпуса. И мне пришлось впопыхах забирать весь личный и служебный скарб и устраиваться на ночлег у двух сослуживцев из штабной роты.

Весь день ушел на поиски подходящего помещения для канцелярии, и только к вечеру удалось его отыскать.

В ночь на 29 января 1945 года с передовой вместе с командиром вернулись наши боевые подразделения. Поскольку свободных помещений нет и не предвидится, размещаю кое-как служащих штабной роты. Кое-кому приходится потесниться. Оба офицера штабной роты ночуют в канцелярии.

30 января мне вручили Крест за военные заслуги 2-го класса с мечами. Накануне моего дня рождения мы отпраздновали это событие в компании двоих офицеров, шестерых фельдфебелей и трех представителей рядового состава. Было очень неплохо – свиные отбивные, картофельный салат, шнапс хоть залейся. Один боец очень неплохо играл на аккордеоне. 2 февраля меня поздравила вся наша рота.

После того как 4 февраля дом, где мы стояли, подвергся артобстрелу, пришлось снова искать подходящее помещение. Другие части покидают городок. Боевым частям нашего батальона приказано находиться в резерве под Шляйденом. 6 февраля поступает приказ о готовности к маршу и для штабной роты. Командир батальона поставил мне задачу разместить штабную роту в Рисдорфе. Ранним утром 7 февраля не участвующие в боевых действиях подразделения штабной роты под моим командованием направились в Рисдорф. Так как в Рисдорфе уже

расквартировано подразделение Ваффен СС, условий для размещения нет. Мне осталось лишь перебираться в пустые бараки в Эшвайлере. Сам вместе с еще одним фельдфебелем разместился на квартире.

Поскольку начиная с 6 февраля мы вообще не получали довольствия, организовали питание в дислоцированной поблизости части ПВО. Поступило распоряжение 9 февраля следовать в Мертен. Но ни о каком следовании не может быть и речи ввиду полного отсутствия горючего.

18 февраля у гауптмана Мюллера проходит совещание. Присутствует и командир хозроты в Мертене. В целях экономии горючего в распоряжение каждой из рот поступает по два велосипеда – один для ротного фельдфебеля, другой – для ротного писаря.

На велосипеде я 20 февраля еду на КП батальона в Вайлер, а оттуда ночевать в Эшвайлер. После завтрака на следующее утро тоже на велосипеде возвращаюсь через Фламмерсхайм и Альфер в Удорф. А штабной роте предписано сдать еще несколько машин. Во время очередной переброски прихватываем и людей из хозроты. Новое место КП батальона – Вихтерих.

23 февраля являются с докладом ротные фельдфебели батальона. Все представляются новому командиру батальона гауптману Айслеру, удостоенному Железного креста. Мой велосипед забарахлил и нуждается в ремонте. Дивизия в это время ведет тяжелые оборонительные бои западнее и юго-западнее Кёльна.

У меня страшно разболелся зуб, и 24 февраля я вынужден обратиться к врачу. После этого занял квартиру в Удорфе. Прекрасная комната с видом на Рейн. По воскресеньям хозяева квартиры приглашали меня отобедать с ними. Жаркое из зайчатины, персики, пудинг, натуральный кофе и торт.

2 марта не участвующие в боевых действиях подразделения штабной роты маршем двигаются через Весселинг на Кёльн-Оссендорф. Ночевка в полуразрушенной казарме Люфтваффе. Мы с моим писарем одолели этот кусок на велосипедах. Из-за катастрофической по своим последствиям бомбардировки Кёльна мы были вынуждены остановиться в нескольких километрах от города. В западных пригородах шли бои немецких войск с численно превосходящими силами противника.

Из не участвующих в боевых действиях подразделений штабной роты формируются дежурные взводы. Остальные переправляются через Рейн на восточный берег. Ночуем вместе с командиром роты на офицерской квартире. Во всех окнах ни одного целого стекла.

4 марта в 3 часа утра начинаем отход. Мы с писарем снова на велосипедах кое-как преодолели изувеченный мост Гогенцоллернбрюке, доезжаем до Бергиш-Гладбаха, а оттуда – до Шильгена. Едва разместились там, как нам приказали следовать дальше – через Оденталь и Альтенберг на Дабрингхаузен. Наша 9-я танковая дивизия сумела создать плацдарм в районе Кёльна и продолжает вести ожесточенные оборонительные бои.

6 марта 1945 года в самом центре Кёльна вблизи собора погиб наш командующий дивизией генерал-майор барон фон Эльверфельдт. Наши части продолжают переправляться через Рейн и занимать позиции на противоположном берегу. После подрыва моста Гогенцоллернбрюке противник овладел Кёльном.

8 марта штабная рота приняла участие в торжественном погребении погибшего командующего 9-й танковой дивизией в Бенцберге.

11 марта поступило новое штатное расписание военного времени, в соответствии с которым все штабные роты подлежат расформированию. Однако никаких конкретных шагов в этом направлении предпринято не было.

20 марта вручен Рыцарский крест командиру 5-й роты оберлейтенанту Штрассеру. И это событие было должным образом отмечено. Между тем вот уже два дня нам не везут довольствие. К счастью, есть небольшие припасы.

Вследствие значительных потерь оба батальона 33-го танкового полка были собраны в единую ударную группу.

Мы готовимся к назначенному на 26 марта маршу. Штабная рота снялась с места еще до полуночи. Но мы с писарем остаемся до утра. Потом на велосипедах поехали через Виссен, Бетцдорф и Бурбах. По пути заметили противотанковые орудия в полной боевой готовности и работы по подготовке к подрыву мостов. Улицы пусты, из окон виднеются белые простыни. Дорога пустынна, мы совершенно одни. В Вильмерсдорфе ночуем у незнакомых людей. Они страшно удивлены вообще видеть здесь немецких солдат. В нашем распоряжении целая спальня.

Ночь прошла спокойно, и наутро 28 марта ни стрельбы, ни разрывов. Мы сели на велосипеды и поехали дальше. Наконец нам попался грузовик 1-го батальона, а чуть позже солдаты-ремонтники из танкового полка. Вследствие активности неприятельской авиации мы с писарем целый день отсиживались в лесу. Только вечером отправляемся в путь в направлении Зигквелле. По пути ночуем в каком-то телятнике или коровнике.

29 марта едем через Фойдинген в Хольцхаузен. Там в одном из лесных массивов и обнаружили наш батальон.

Колесная техника, не участвующая в боях, в 4 часа утра 30

марта направляется в Беллер. Я получил в свое распоряжение грузовик, и мы с писарем сдали велосипеды.

Несмотря на серьезность положения, командир роты снабжения гауптман Мюллер 31 марта организовал в гостинице «Беллеркруг» товарищеский вечер. Шнапс, пиво, вино, натуральный кофе, бутерброды и пирожные. Под аккомпанемент фортепьяно до 3 ночи распеваем песни. Сплю на какой-то частной квартире.

1 апреля. Пасхальное воскресенье. С командиром штабной роты лейтенантом Теттером и несколькими унтер-офицерами с утра выпили по кружке пива. Потом хозяева квартиры пригласили меня на обед. Позже приступили к подготовке к маршу. Ранним утром 2 апреля трогаемся. Путь пролегает через Хёкстер, Хардегсен и Нёртен в Обербиллингхаузен. И здесь мы тоже разместились на частных квартирах. Из-за множества дел ложусь спать только после полуночи.

Так как местонахождение противника нам неизвестно, начиная с 8 апреля противотанковые и другие подразделения располагаются на оборонительных позициях вокруг города на важных стратегических пунктах. Предстоит оборонять Гарц. И 9 апреля они остаются на местах. Проводится соответствующая подготовка к обороне Херлингероде. Но наутро, то есть 10 апреля, приказано выступить через Окер в Альтенау. Ночью марш должен быть продолжен. Солдаты не покидают технику.

В 5 утра 11 апреля марш продолжается через Торфхаус, Браунлаге, Танне, Траутенштайн, Хассельфельде, Штиге и Харцгероде до Аббероде. Здесь располагаемся на постой. Несмотря на страшную усталость, никак не могу заснуть. Гослар и Харцбург уже в руках противника.

Несмотря на распоряжение начать марш в 5 часов утра, выступили лишь в 10 часов 30 минут 12 апреля 1945 года. Двигались через Хеттштедт, Галле, Биттерфельд, Виттенберг, Визенбург на Альтенграбов. Разместились в казарме полигона. 33-м танковым полком по-прежнему командует гауптман Айсер. Выстроив 13 апреля весь полк, командир объяснил обстановку и поставил задачи. После этого смена обмундирования.

Уже ночью марш продолжился. Через Михендорф, Потсдам, Гросс-Глинике и Дёберитц прибываем в Фалькензее. Сначала располагаемся в каком-то лесочке на западной границе Берлина.

15 апреля штабную роту перебросили в Финкельбург, личный состав разместился по частным квартирам. Я поселился в доме лесника. Прекрасные условия. Так как я не имел возможности самому навестить родителей в Берлине, обратился к кому-то из гражданских с просьбой оповестить моих родителей, где я.

Родители уже к вечеру приехали повидаться со мной. И им, и мне есть что рассказать. По радио узнаю, что Бамберг занят американцами. Там с начала этого года находилась моя семья, жена с детьми проживает у своих родителей. Естественно, что никакой связи с ними нет и быть не может.

Ранним утром 17 апреля батальон через Потсдам, Барут, Финстервальде, Кёнигсбрюк направляется к Дрездену. Вместе с сослуживцами по канцелярии приезжаю к тетке, которая как раз вышла из бомбоубежища после очередного налета. Даю ей немного продуктов. После этого мы направляемся через Пирну в Розенталь. Ночуем в лесу. Мы ждем командира, тот должен доставить распоряжение о получении в Хемнице новых танков «Пантера». Но ни о каких танках речи нет – район Хемница захвачен американцами. Позже речь заходит о том, что вроде наши танки дожидаются нас в Плауэне, но высланный туда отряд возвращается ни с чем.

Согласно приказу, 18 апреля ранним утром возвращаемся в Берлин.

Нас, весь персонал канцелярии, хозяева квартиры приглашают на кофе. Кофе – самый настоящий, да еще и с пирожными.

21 апреля остатки батальона получили приказ сформировать противотанковые подразделения. Я возглавил группу пулеметчиков. Вечером узнал о расформировании штабной роты и о том, что личный состав раскидали по нескольким другим ротам.

После построения штабной роты 22 апреля раздали дополнительное оружие. Солдаты получили от меня военные билеты. Вся документация, канцелярия, в том числе секретная, сжигается. Вечером объявлена тревога. Я вместе с группой пулеметчиков занял позицию на одной из главных дорог, ведущих от центра города. После отмены тревоги на грузовике наш отряд численностью около 20 человек доставляют в Шёнвальде для участия в боях. Я с отрядом передан в подчинение командиру 7-й роты оберлейтенанту Гюнтеру.

Остатки батальона переподчиняются только что сформированной 12-й армии генерала танковых войск Венка.

В ночь на 23 апреля маршем вышли к Халенбеку. Мне и моему отряду пулеметчиков выделили сарай. Грузовик мне было приказано обменять на легковушку.

Я заснул, но во второй половине дня меня растолкали. И на сей раз не офицер штаба корпуса, а мой младший братец. Он служил фельдфебелем в танковой армии. Разузнав от родителей, где я, он догонял меня от самого Финкенкруга. Его часть

дислоцировалась в Вюнсдорфе, и он самовольно покинул ее и теперь зачислился в мою роту. Нам суждено было не расставаться до конца войны. В моем стрелковом взводе он стал 1-м номером пулемета.

Роту разбили на противотанковые группы, которые в ускоренном порядке проходили подготовку пехотинцев – стреляли из пулеметов, карабинов и фаустпатронов, отрабатывали навыки борьбы с танками. Во второй половине дня 24 апреля нас перебросили в Безендорф. Здесь мы с братом и еще одним фельдфебелем становимся на частную квартиру.

1 мая узнаем, что наш фюрер Адольф Гитлер пал на фронте плечом к плечу с своими солдатами, обороняя Берлин. Но уже скоро становится известно, что он покончил жизнь самоубийством в своем бункере. Наша рота с утра еще отрабатывала навыки атаки и занималась огневой подготовкой. Но вечером приказано выступить в район Гросс-Буххольца. Положение критическое. Мы в кольце врага. С севера и запада наседают американцы, а с юга и востока – русские. Нам остался участок километров 40 в поперечнике. Принимая во внимание создавшееся положение, наш командир батальона в половине девятого вечера 2 мая 1945 года на общем построении объявил о роспуске батальона. Отныне каждый сам за себя. Перед тем как разойтись, получили сухой паек, сигареты, шоколад, спиртное.

Мы с братом решаем пробиваться. Я – на Бамберг, он – на Тайфлинген. Сначала мы доехали на каком-то грузовике до Людвигслуста. В том же направлении тянулись нескончаемые колонны.

По дороге избавились от оружия и боеприпасов. Вдруг мы оказываемся лицом к лицу с американцами, которым немецкие солдаты сдавали еще остававшееся у них оружие. Нас пропустили, и мы пешком пошли дальше. Ночь выдалась довольно холодной, но мы ночевали под открытым небом. Утром 4 мая маршировали дальше до самого сборного лагеря вблизи Блекеде. На огромном лугу были разбиты палатки. Вообще американцам на нас в высшей степени было наплевать. Да и у нас провианта на пару дней еще хватит. Каждый поварничает для себя. С этого момента мы уже не знаем, что нас ждет. Вскоре я бежал. Потом меня опять поймали, посадили в лагерь, я оттуда опять сбежал. И последний раз меня поймали под Кобургом, это 60 километров севернее Бамберга. Отправили в демобилизационный лагерь. Там я получил легальные демобилизационные бумаги. Там еврейский офицер задал мне несколько вопросов, он спросил, кто я по вероисповеданию, какого я мнения об СС и какого я мнения о 20 июля. Как и

сегодня, я тогда тоже не мог дать ясных ответов.

– Как вы восприняли капитуляцию, как поражение или как облегчение?

– Нелегко, но выхода уже не было. Все стало разваливаться. Приходили взаимоисключающие приказы. Мы были рады, что весь этот бардак закончился.

– Самоубийства при этом были?

– Да. Прежде всего, среди высших офицеров. Я лично знал генерала Декера [Karl Decker], который был командиром моего батальона. Он застрелился.

– Каким было отношение к ветеранам сразу после войны?

– Сначала отстраненным. Тут дело в немцах – они никаких солдат не любят. После войны нужно было начинать жизнь сначала, искать новые средства к существованию. Я приехал в Бамберг, потому что здесь жила жена. Мы еще во время войны договорились, что если что-то случится, если война будет проиграна, то она поедет с детьми из Вены сюда, в Бамберг, к ее родителям. Поэтому после капитуляции я уже в июне был дома. Моя квартира, все вещи остались в Вене. Я должен был начать с нуля с двумя детьми. И все же мы были рады, что война закончилась, что мы опять дома, это было освобождение.

Я пошел работать на железную дорогу механиком, ремонтировал локомотивы. После 10 лет работы я ушел с железной дороги. Мою службу солдатом мне засчитали как государственную службу, и я вернулся в Бундесвер. Там некоторые офицеры, которых я знал еще с войны, меня продвигали, я опять служил в танковых войсках.

– Где вы служили в Бундесвере?

– В армейском командовании в Мюнхене. Это то, что раньше называлось корпусом. Оно было ответственно за всю Баварию. Я занимался военными картами, их созданием, производством и распространением. Это была хорошая работа, мне она очень нравилась, хотя раньше я никогда этим не занимался.

– Бундесвер, когда он был создан в 1956 году, насколько он был похож на Вермахт?

– Все было совсем по-другому. Едва ли какие-то традиции Вермахта они переняли. Для многих Германия после войны была абсолютно новой страной, все, что было до того, было зачеркнуто. Практически все было начато по-новому.

– Ордена носили?

– Нет.

– А было разрешено?

– Да, без свастики. Но никто не носил. Никто не хотел носить переделанные ордена, без свастики. Мы говорили, что мы их в таком виде получили, почему мы их должны менять, только потому, что у нас неожиданно новое правительство? Сейчас нигде нельзя появляться в униформе Вермахта, только на наших встречах за закрытыми дверями. Я вам должен честно сказать, у немцев больше нет гордости. Все остальные народы еще имеют свою гордость и свои традиции. Мы уже дошли до того, что некоторые требуют, чтобы в национальный день памяти по погибшим были разрешены танцы, дискотеки.

– Война это самое важное событие в вашей жизни?

– Да, война оказала на нас огромное влияние. Вся наша молодость была разрушена.

– Как вы думаете, Бундесвер в 50-е или 60-е годы был в состоянии воевать с Советским Союзом?

– Нет. Вообще нет. Об этом нельзя даже думать. Но никто и не ждет, что здесь, в Европе, будет война. Мы-то, солдаты, точно воевать не хотели, сыты были войной по горло.

notes

Примечания

1

Дело в том, что личное местоимение 1-го лица ед. числа – «ich» («я») – на берлинском диалекте звучит «ik» или «ike». – *Прим. перев.*

2

Рыцарский крест Железного креста был учрежден 1 сентября 1939 года. – *Прим. ред.*